

63.3(255.3)

В. 16

В. А. Пановъ.

ДАР
Л. ПОЛЕВОГО

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

(Очеркъ Приамурья).

(Извлечено изъ №№ 179—205 газ. „Дальній Востокъ“
за 1912 годъ).

ВЛАДИВОСТОКЪ
Электро-типо-литогр. газ. «Дальній Востокъ».
1912.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

63.3(255.3)
П 16

ГЦ	Историко-краеведческий отдел
----	---------------------------------

ГЦ	ФОНД РЕДКИХ КНИГ
----	---------------------

(1122 рр)
16763 ✓

ОГЛАВЛЕНИЕ

1) Раздвоение	1.
2) Колонизационныя возможности	5.
<i>(Культурно-историческій очеркъ древняго Приамурья).</i>	
3) „Лишнія“ губерніи	37.
4) Два этапа	42.
5) „Безпозиція“	46.
6) Маньчжурская... линія	49.
7) Экономическій сдвигъ	64.
8) Колонизационный банкъ	97.
9) Упроченіе колонизаціи	101.
10) Основное значеніе Приамурья	112.

Опечатки и пропуски.

Напечатано:

Стр. 4— Нижн. строка въ лѣвомъ столбцѣ:

Его строительство и общій жизненный результатъ прямой государственной необходимости закрѣпить...

Стр. 24— 10 строка сверху въ правомъ столбцѣ:

Ду-цюэ, Хой-хэ

Стр. 25— 5 строка снизу въ лѣвомъ столбцѣ:

„эль“

Слѣдуетъ читать:

Его строительство и общій жизненный *укладъ*—результатъ прямой государственной необходимости закрѣпить..

Ду-цюэ-Хой-хэ

„тэль“

Дальневосточное положеніе.

I.

Раздвоеніе.

Приамурскій край усиленно колонизуется. Десятки тысячъ новыхъ переселенцевъ, при широкой матеріальной поддержкѣ со стороны правительства, изъ года въ годъ водворяются на новыя мѣста. Массы русскихъ рабочихъ везутся сюда прямо на государственный счетъ—на высокую заработную плату въ казенныхъ предприятияхъ за счетъ той же государственной кассы. Золото на Дальній Востокъ льется рѣкою...

Изъ всеподданнѣйшаго доклада военного губернатора Приморской области видно, что за 1911-й годъ на обыкновенные расходы по области было отпущено 70.797.660 руб.; на покрытіе ихъ мѣстныхъ доходовъ поступило лишь 12.230.865 руб., а изъ получившагося по области дефицита въ 58.566.795 руб. на нужды военного вѣдомства (за указанный годъ) пошло 36.652.804 руб. и около 7.000,000 руб., сверхъ того, израсходовано морскимъ вѣдомствомъ, что, въ общемъ, только на эти два вѣдомства составило сумму свыше 43.000.000 руб.*)

*) «Очеркъ торговопромышленнаго положенія Приамурья». — «Владивост. Бвръж. Вѣд», № 6 отъ 15 іюля 1912 года

По даннымъ государственнаго казначейства непосредственныя затраты правительства въ нашемъ краѣ за первое полу столѣтіе до 1904 г. (Русско-Японская война) достигли 400.000,000 руб. **), но къ настоящему времени достигаютъ уже 800.000.000 руб. Около 400.000.000 руб. было влито такимъ образомъ только за промежутокъ времени съ 1904 по 1912 г., не считая, конечно, золота, растроченнаго на Дальнемъ Востокѣ во время самой войны.

Цифры весьма внушительныя. Это нашъ «дебетъ».

Что же имѣется теперь въ «кредитѣ»?

Приамурскій край имѣетъ генераль-губернатора и четырехъ губернаторовъ.

Пространство отъ Забайкалья до Владивостока и Николаевска, со включеніемъ Охотскаго побережья и Камчатки—представляетъ приблизительно территорію двухъ Францій.

На немъ поселено (въ Амурской и Приморской областяхъ) около 850.000 душъ частнаго населенія.

Въ Приморской области, нап-

**) Тамъ-же.

болѣе всего обслуживаемой государственными ресурсами, при 450.000 душъ частнаго населенія, приблизительно на каждую пару вольныхъ обывателей за счетъ казны содержится по одному воинскому, таможенному или административно - полицейскому чину. Вольная колонизація опирается такимъ образомъ на почти сплошной заборъ штыковъ. Два мирныхъ обывателя—и штыкъ. Еще два мирныхъ обывателя—второй штыкъ. И такъ въ отношеніи всей мѣстной осѣдлости.

Для дальнѣйшей охраны «государственной безопасности и общественнаго порядка» край въ теченіе 8 лѣтъ (съ 1904 г.) непрерывно содержится на военномъ положеніи. Гражданская власть вооружена полною силою исключительной репрессіи. Граждане, по обязательному постановленію, окарауливаются дворниками и ночными сторожами. Полиція бодрствуетъ. По деревнямъ и селамъ организованы мѣстные обывательскіе дозоры.

И...

Еще совѣмъ недавно вооруженная шайка китайскихъ хунхузовъ безнаказанно захватила въ устьѣ Суйфуна, подъ бокомъ у Владивостока, нѣсколько чловѣкъ, увела ихъ въ потайное мѣсто и подъ угрозою смерти требуетъ «выкупа за жизнь». Уже совѣмъ недавно вооруженное нападеніе хунхузовъ было произведено въ окрестностяхъ Новокиевска (въ русскомъ Хунчунѣ), при чемъ былъ тяжело раненъ нашъ стражникъ. На дняхъ въ газетахъ сообщалось о новомъ нападеніи хунхузовъ. Случай во-

оруженныхъ вторженій такихъ же хунхузскихъ шаякъ въ крестьянскія деревни въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ уже своевременно были зарегистрированы печатью и общеизвѣстны. Наконецъ, упорно говорятъ, что всѣ китайскія и корейскія шаланды, плавающія между Владивостокомъ, устьемъ Суйфуна и противоположнымъ берегомъ Амурскаго залива, обложены хунхузами и покорно платятъ имъ установленную дань съ каждаго «паруса», а «съ двухъ парусовъ»—вдвое. Всѣ эти хунхузскіе подвиги уже откликнулись въ жизни края тѣмъ, что нѣкоторые частные землевладѣльцы (Ющенковъ, Веденскій и др.), чувствуя безпомощность, покинули свои имѣнія и переселились въ городъ, а мѣстное Сельско-Хозяйственное Общество возбудило вопросъ о принятіи какихъ либо радикальныхъ мѣръ для борьбы съ хунхузскими шайками.

Становится похожимъ на то, что у насъ какъ будто бы зарождается своего рода новый Кавказъ.

Присмотримся дальше.

Какъ извѣстно, въ настоящее время въ Приамурскомъ краѣ, въ отмѣну прошлаго полувѣкового опыта, проведено въ управленіи рѣзкое раздѣленіе между военною и гражданскою властями. До этого, со времени занятія края графомъ Муравьевымъ - Амурскимъ, въ строительствѣ мѣстной культурной жизни, въ борьбѣ ея съ тайгою, принимали совмѣстное участіе всѣ наличныя инициативы—и военная, иморская, и гражданская—въ одномъ и томъ же направленіи. Теперь гражданская зиждительная инициатива совершенно

отколота отъ военной и послѣдняя въ краевомъ строительствѣ жизни идетъ уже обособленнымъ путемъ.

Само собою понятно, что вполне упрочившаяся и развитая гражданская жизнь для всеобщаго удовлетворенія своихъ нуждъ требуетъ (всюду) именно надлежаще и самостоятельно поставленнаго гражданского управленія. Это соображеніе, очевидно, и было положено въ основу недавняго образованія здѣсь гражданского генераль-губернаторства, вмѣсто прежняго военнаго.

Но, съ другой стороны, всякій, вникающій въ условія здѣшней жизни, согласится, что, каковы бы ни были расчеты на дальнѣйшій ходъ мѣстной колонизаціи *въ будущемъ*, все-таки *въ настоящее время* край—въ его наиболѣе интересной части, отчетливо указываемой казенными ассигнованіями, — всецѣло имѣетъ ярко выраженное военно-стратегическое (и политическое) обличье. Это рельефнѣе всего проявляется въ Приморской области, куда собственно и направлено наибольшее правительственное вниманіе. Около каждыхъ двухъ мирныхъ обывателей, какъ уже сказано выше, стоитъ солдатъ. Главнѣйшая, львиная, доля казенныхъ затратъ производится специально на военныя надобности. Самыя цѣли (основныя), ради которыхъ государство приносило и приноситъ здѣсь такія огромныя жертвы, тоже пока чисто военныя, стратегическія или политическія; это — при наличныхъ условіяхъ — цѣли безусловно жизненныя и практическія, тогда какъ чисто

колонизаціонныя, гражданскія чаянія пока еще весьма эфемерны сами по себѣ и сопоставляются обычно лишь съ болѣе или менѣе отдаленными «будущими возможностями». Наконецъ, если взвѣснить всю мѣстную гражданскую дѣятельность, все активныя проявленія мѣстной колонизаціи въ ея настоящемъ состояніи и все промышленныя импульсынынѣшней краевой жизни, то легко понять, что, за ничтожнымъ исключеніемъ, все это создается на одномъ общемъ фундаментѣ: — на правительственныхъ ассигнованіяхъ (а основная цѣль ихъ указана выше), на золотомъ дождѣ изъ казеннаго сундука, и въ зависимости отъ интенсивности послѣдняго — «расцвѣтаетъ» или же «переживаетъ кризисы».... Даже мѣстный хлѣбъ (переселеніе) родится здѣсь, главнымъ образомъ, для той же казны, для войскъ, и «поддерживается» въ цѣнѣ интендантствомъ. Поэтому военный министръ генераль Сухомлиновъ, при объѣздѣ края, совершенно правильно вывелъ то общее заключеніе, что здѣсь, въ сущности, онъ видѣлъ въ общемъ только сплошной *военный лагерь*, около котораго мѣстная гражданская жизнь ютится, пока, только какъ *подспорье* и можетъ намѣчатся, какъ нѣчто самостоятельное, лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Такимъ образомъ здѣсь рядомъ съ блѣдной теоретической линіей далекаго «будущаго» (самодовлѣющая гражданская жизнь) несравненно рѣзче, шире и глубже прочерчивается практическая линія близкаго и дли-

тельнаго «настоящаго» (военно-стратегическіе и чисто политическіе интересы)....

Я съ глубокимъ уваженіемъ отношусь къ широкой работѣ С. Д. Меркулова и высоко цѣню его энергію по освѣщенію краевыхъ вопросовъ и нуждъ. Онъ безусловно заслуживаетъ болѣе справедливаго отношенія къ себѣ со стороны мѣстной печати, какъ человѣкъ, чутко отзывающійся на всѣ коренные вопросы. Но чрезъ всю его работу проходитъ тотъ недостатокъ, что онъ не сопоставляетъ отмѣченныхъ выше двухъ разныхъ «линій» и, слѣдуя по одной, недостаточно оцѣниваетъ превосходящее фактическое значеніе другой. Отсюда односторонность его нѣкоторыхъ основныхъ положеній (посылокъ) и отсюда же недостаточная обоснованность (иногда даже парадоксальность) нѣкоторыхъ его общихъ заключеній. Онъ оперируетъ, въ сущности, лишь съ обособленными фактами, но не съ ихъ жизненною совокупностью, какъ она есть и можетъ быть,—съ деревьями, а не съ лѣсомъ. Вырубить же деревья бываетъ сплошь и рядомъ полезно, даже необходимо; но вырубить лѣсъ совсѣмъ не то.

И въ прошломъ, и въ настоящемъ, и еще долгое время впереди край нашъ (то, что разумѣютъ подъ Дальнимъ Востокомъ, когда говорятъ о правительственныхъ здѣсь затратахъ) былъ и будетъ прежде всего (и главнѣйше) выражать въ своемъ строительствѣ, въ укладѣ жизни,—нужды военныя, стратегическія, государственно-политическія. Его строительство и общій жизненный

результатъ прямой государственной необходимости *закрѣпить* здѣшнюю территорію непосредственнымъ фактическимъ *ея укрѣпленіемъ*. Тутъ, какъ ни мудрите, реальныя требованія возьмутъ свое. Будущее, конечно, покажетъ, во что способна вылиться нынѣшняя гражданская колонизація; но въ настоящемъ ея состояніи и ближайшемъ развитіи эта колонизація можетъ (и должна) практически оцѣниваться (если не хотѣть заблужденій) только какъ желательное, но лишь подспорное средство къ осуществленію прямой основной государственной задачи на здѣшней незащищенной границѣ имперіи. А что это такъ, наглядно свидѣтельствуется простымъ фактомъ наличія здѣсь одного солдата на каждыхъ двухъ обывателей.

Вотъ та практическая точка зрѣнія, съ которой приходится разсматривать явленія мѣстной жизни и подходить къ оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ мѣропріятій, имѣя въ виду послѣдовательность или непослѣдовательность принимаемой системы.

Въ моихъ глазахъ — а мнѣ пришлось непрерывно наблюдать краевую жизнь въ теченіе долгихъ 37 лѣтъ—то *раздвоеніе* власти и зиждительной инициативы, которое, при настоящемъ состояніи края, уже проведено здѣсь принципиально и практически, имѣетъ настолько отрицательное значеніе, что должно быть устранено возможно скорѣе. Нельзя калѣчить раздвоеніемъ ни жизнь, ни идею.

С. Д. Меркуловъ въ одной изъ своихъ статей (докладовъ)

настаиваетъ на усиленіи полномочій гражданской власти. Но сейчасъ она дѣйствуетъ въ краѣ «на военномъ положеніи». Куда идти дальше? По самому существу понятій, такое состояніе является признаніемъ несамостоятельнаго положенія всей мѣстной гражданственности. Что же остается? Объединить *всю* административно-хозяйственную инициативу въ рукахъ гражданской власти, придавъ ей расширенныя мѣстные полномочія, чтобы уничтожить раздвоеніе?... Но по существу вещей, по реальнымъ мѣстнымъ соотношеніямъ и кореннымъ основамъ паличной окраинной жизни — ихъ же не преjdeши — это значило бы на мѣсто главнаго поставить второстепенное, подспорное, и вмѣсто естественнаго русла пытаться направить теченіе по искусственному. Что доминируетъ во всѣхъ проявленіяхъ мѣстной жизни, доминируетъ реально по соображеніямъ государственнымъ

и главенствующимъ экономическимъ воздѣйствіямъ, то не можетъ быть отодвинуто на второе мѣсто, фактически оставаясь на первомъ. Во всякомъ случаѣ это не путь къ объединенію, не путь къ устраненію коренныхъ различій въ пониманіи мѣстнаго устройства, отъ которыхъ въ общемъ ходѣ мѣстной жизни могутъ получаться только минусы.

С. Д. Меркуловъ, не замѣчая основной логической необходимости, путемъ рекомендуемаго имъ расширенія полномочій, добивается лишь усиленія власти въ одномъ направленіи; но дѣйствительнымъ рѣшеніемъ задачи является вовсе не это, а устраненіе именно самаго раздвоенія во власти, которое отъ рекомендуемой имъ мѣры несколько не ослабляется въ корнѣ.

Нужно смотрѣть на вещи прямыми глазами и ставить тѣ выводы, которые выдвигаются реальною жизнью.

II.

Колонизаціонныя возможности.

Каковы колонизаціонныя «возможности» на нашемъ Дальнемъ Востокѣ?...

Обыкновенно въ этомъ вопросѣ держатся лишь въ предѣлахъ того, что край нашъ успѣлъ выдвинуть за истекшее полустолѣтіе своей жизни въ качествѣ составной части русскаго государства. Эпизодъ съ занятіемъ Амура Хабаровымъ въ срединѣ XVII ст. вводится сюда лишь въ видѣ побочной исторической справки и дальше этого, обыкновенно, не

идутъ, точно надъ всѣмъ прошлымъ края виситъ непроницаемая завѣса. Вслѣдствіе этого въ изслѣдованіяхъ и сужденіяхъ о колонизаціонной способности Приамурья и направленіи (географическомъ и экономическомъ) самой колонизаціи весьма часто допускаются совершенно субъективныя возможности и предположенія, не провѣренныя никакимъ историческимъ опытомъ.

Я позволю себѣ сдѣлать небольшую историческую экскур-

сію въ область прошлаго нашей окраины, чтобы заполнить этот пробѣлъ и нѣсколько расширить общій кругозоръ, не вдаваясь въ особыя подробности.

Конечно, основою всякой колонизаціи (если имѣть въ виду массовое заселеніе) является дѣятельность земледѣльская, сельско-хозяйственная, промысловая, заполняющая страну густымъ населеніемъ и дающая тѣмъ самымъ первуювозможность для вывода ея изъ подъ власти первобытной природы на путь широкаго культурнаго развитія.

Взгляните на карту Приамурья. Зейскій районъ въ Амурской области (съ экономическимъ центромъ въ Благовѣщенскѣ) и нашъ Южно-Уссурійскій край — вотъ двѣ главнѣйшія области, гдѣ осѣла наша основная колонизаціонная сила. Между этими двумя районами колонизаціонная полоса тянется лишь узкою лентою (около 50 вер. шириною) вдоль маньчжурской границы, по Уссури и Амuru—на западъ въ Забайкалье и на востокъ—отъ Хабаровска къ Николаевску.

Побережья Охотскаго моря и Камчатка совершенно дики и пустыни, за исключеніемъ нѣсколькихъ ничтожныхъ по осѣлости и изолированныхъ другъ отъ друга огромными разстояніями пунктовъ. Ни въ ближайшемъ къ намъ, ни въ болѣе отдаленномъ прошломъ Камчатская территория до временъ Атласова (начало XVIII ст.) никому другому, кромѣ населяющихъ ее нынѣшнихъ инородцевъ и такихъ же ихъ предшественниковъ,

не принадлежала. Въ Якутскую область, занятую ранѣе только тунгусскими племенами, позже XIV ст. постепенно, вдоль по Ленѣ, вторглись предки нынѣшнихъ якутовъ, представители тюркскаго племени (которыхъ нѣкоторые еще въ XIV ст. указываютъ у Байкала) и, будучи конными номадами на той ступени скотоводческаго быта, который детально описанъ китайскими историками въ древней Монголіи, заняли срединное положеніе между тунгусами-оленеводами, отодвинувъ ихъ къ сѣверу и югу. Русскіе завоеватели пришли въ Якутскую область, по слѣдамъ якутовъ, по той же Ленѣ, уже только въ XVII ст.

Нынѣшнее Приамурье, по теченію всего Амура, Уссури и къ востоку отъ послѣдней, съ первыхъ извѣстій, появляющихся о немъ въ китайской исторіи, неизмѣнно оставалось достояніемъ маньчжуро-тунгусскаго племени—предковъ нынѣшнихъ маньчжуръ, тунгусовъ, ороченъ, мангировъ, гольдовъ и орочей. Никакіе иные народы—колонизаторы, кромѣ дауръ и (позже) русскихъ, появившихся на Амурѣ съ Хабаровымъ въ срединѣ XVII ст. и выселившихся оттуда съ паденіемъ Албазина, здѣсь не расселялись. Незадолго до Хабарова, чрезъ районъ нынѣшняго Айгуна, съ юга, со стороны Маньчжурии, на средній Амуръ проникли въ качествѣ завоевателей нынѣшніе маньчжуры, когда они только что организовались въ государство и готовились занять тронъ въ Китаѣ. Хабаровъ имѣлъ съ ними встрѣчу на Амурѣ въ одномъ изъ тогда-

ших даурскихъ городковъ. Но, несомнѣнно, китайскіе торговые люди бывали здѣсь много раньше, потому что первыя описанія амурскихъ инородцевъ въ этой части рѣки и путей къ нимъ появляются еще въ исторіи династій Юань-Вэй (386—558 г.) и Тань (618—907 г.). Въ ту же эпоху туда могли проникнуть и отдѣльные корейцы, потому, что до династїи Суй (589—618 г.) ихъ владычество распространялось на всю южную Маньчжурію, отъ Ляо-яна до Портъ-Артура, ее отстаивали они съ оружіемъ въ рукахъ противъ китайскихъ армій династій Суй и Тань, а въ исторіи имѣются прямыя указанія, что владычество корейцевъ простиралось даже на Сунгари, что население бассейна Нонни, одноплеменное и всегда стоявшее въ тѣсномъ соприкосновеніи (черезъ районъ нынѣшняго Айгуна) съ инородцами средняго Амура, находилось тогда же въ торговыхъ сношеніяхъ съ Кореей (по покушкѣ желѣза). Въ нашемъ Южно-Уссурійскомъ краѣ корейское владычество (и фактическая колонизація) исторически существовало до начала XII вѣка, когда, послѣ упорной вооруженной борьбы за территорію, оно было уничтожено здѣсь предками нынѣшнихъ маньчжурь, основавшими тогда свое царство и свою династію Гинь или Цзинь (1125—1234 г.); начало же активнаго корейскаго владычества въ этомъ районѣ должно относиться, по крайней мѣрѣ, къ VII ст., когда, послѣ разгрома Кореи китайцами, въ Маньчжуріи, при посредствѣ корейскихъ выходцевъ, образова-

лось царство Бо-хай. Что касается китайцевъ, то ихъ колоніи въ Южно-Уссурійскомъ краѣ появляются только съ воцареніемъ послѣдней маньчжурской династїи и, при томъ, вѣроятно, не ранѣе XVIII ст., потому что іезуитскіе миссіонеры, проходившіе въ 1709 г. чрезъ мѣстность нынѣшняго Никольска-Уссурійскаго (отъ устья Суйфуна), констатировали тамъ наличие неизвѣстныхъ древнихъ крѣпостныхъ развалинъ (уцѣлѣвшихъ и донынѣ) и лишь рѣдкое инородческое населеніе орочей (тазовъ), хотя тутъ же находился каменный памятникъ съ китайскою надписью XII ст., эпохи Гиньской династїи—фактической слѣдъ ея былого владычества на Суйфунѣ. Завоевателями въ Южно-Уссурійскомъ краѣ были не китайцы, а сами маньчжуры, которые въ самомъ началѣ XVII вѣка совершили сюда нѣсколько набѣговъ со стороны Нингуты для набора ратниковъ въ свои ополченія, разорили здѣсь нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстечекъ и отсюда, нѣсколько позже, перебросились съ тою же цѣлью на средній Амуръ къ даурамъ чрезъ бассейнъ Нонни.

Въ самой Маньчжуріи китайцы появляются очень рано, но только на ея югѣ; при этомъ, южную Маньчжурію они колонизовали не сухопутнымъ (отъ Шань-хай-гуаня), а со стороны провинціи Шань-дунь, моремъ. Уже при Ши-хуань-ди, за два столѣтія до Р. Х., область Ляо-дунь (Южная Маньчжурія) входила въ составъ китайскихъ провинцій; ранѣе того, въ эпоху Конфуція, она носила названіе области

Инь-чжоу, и это название («Инь»), совершенно тождественное съ нынѣшнимъ Инь-коу или Инь-цзы, свидѣтельствуеть (судя по значенію іероглифа «Инь»), что здѣсь существовало военное управление (стоянка войскъ), при чемъ таковое еще тогда было подчинено провинціи Шань-дунъ. Но сѣверные предѣлы китайской колонизаціи очень долгое время не заходили здѣсь за нынѣшній Кай-юань. При владычествѣ киданей (династія Ляо, 916—1125 г.) поселенія плѣнныхъ китайцевъ встрѣчаются въ районѣ нынѣшняго Бодунэ. Въ періодъ 1125—1368 г. Маньчжурія составляла сперва особое владѣніе маньчжурской династіи Гинь (Цзинь), которой принадлежалъ также и сѣверный Китай съ Пекиномъ, а позже перешла во власть монголовъ (при Чингисханѣ), овладѣвшихъ въ 1280 г. и всѣмъ Китаемъ. Китайская династія Минь (1368—1644 г.) возстановила самостоятельность Китая; ей была подчинена также и Маньчжурія, но подчиненіе это оставалось, въ сущности, номинальнымъ и китайская колонизація за Кай-юань, по прежнему, не продвигалась. Въ исторіи отмѣчается лишь отдѣльный эпизодъ (и онъ подтверждается древнею надписью на Тырскомъ памятникѣ, противъ устья Амгуни), что въ началѣ XV ст. двѣ китайскія военныя экспедиціи спускались на судахъ по Сунгари и проникли въ устье Амура... Въ сѣверной Маньчжуріи китайскія колоніи стали появляться лишь съ воцареніемъ послѣдней Маньчжурской династіи, въ концѣ XVII ст., когда въ

Нингуту и къ Цицикару были посланы на житье плѣнные инсургенты генерала У-сань-гуя. Почти одновременно возникъ на Амурѣ и нынѣшній Айгунь для защиты рѣки отъ русскихъ вторженій со стороны Забайкалья. Интенсивное же развитіе китайской колонизаціи въ сѣверной Маньчжуріи цѣликомъ относится къ нашему времени.

Древнѣйшее народное названіе, подъ которымъ выступаетъ въ китайской исторіи населеніе Маньчжуріи,—«*Мо-хэ*». Оно появляется впервые въ исторіи династіи Юань-Вэй (386—558 г.) и остается единственно извѣстнымъ при династіи Тань (618—907 г.). Всѣ синологи до сихъ поръ продолжаютъ производить это названіе отъ маньчжурскаго слова «*мукэ*» (древне-маньчжурское—«*мух*») — «*вода*», поясняя, что въ основѣ его залегаетъ тотъ фактъ, что древніе обитатели располагались *по рѣкамъ* и отъ нихъ заимствовали свое народное прозваніе «*Мо-хэ*» въ смыслѣ «*портчане*», «*рѣчные обитатели*». Но такое объясненіе фактически совершенно не вяжется ни съ историческимъ описаніемъ тогдашней Маньчжуріи (горно-лѣсная страна), ни съ бытомъ и главнымъ занятіемъ тогдашняго населенія (охотничій, звѣроловный образъ жизни), ни, наконецъ, съ его духовными воззрѣніями, въ которыхъ главное значеніе отдается лѣсамъ и горамъ, но отнюдь не рѣкамъ. И, дѣйствительно, подъ названіемъ «*Мо-хэ*» скрывается совсѣмъ другой смыслъ. Китайскіе іероглифы, которые входятъ въ названіе «*Мо-хэ*», въ древности,

во времена династій Юань-Вэй и Тань, читались не такъ, какъ произносятся въ нынѣшнемъ пекинскомъ (книжномъ) нарѣчїи, а выговаривались иначе. Какъ известно, древне-китайскій говоръ, по чисто историческимъ условіямъ, больше всего сохранился на юго-востокѣ Китая—въ кантонскомъ нарѣчїи. Съ другой стороны, влѣдствие того, что китайская іероглифическая письменность стала укореняться въ Корей въ IV ст. и въ Япозїи около середины VI вѣка, фиксируя, при посредствѣ *корейскаго и японскаго чтенія* іероглифовъ именно тѣ свойственные имъ звуки, которые были присущи этимъ іероглифамъ въ ту эпоху въ *самомъ китайскомъ (древнемъ)* произношенїи,—мы имѣемъ возможность, опираясь на корейское и японское чтеніе китайскихъ письменныхъ знаковъ, возстановить ихъ древнее (современное событіямъ) произношеніе, утраченное въ нынѣшнемъ пекинскомъ нарѣчїи. Добавлю къ этому, что конечный корейскій звукъ «л» при такомъ чтенїи соответствуетъ древне-китайскому окончанїю «т» (которое совершенно исчезло въ пекинскомъ нарѣчїи); а въ виду того, что слова въ японскомъ языкѣ могутъ оканчиваться только гласными звуками или согласнымъ «н», японцы въ заимствованныхъ древне-китайскихъ словахъ—къ ихъ согласнымъ окончанїямъ «к» и «т» прибавляютъ еще гласные звуки «и» или «у», передъ которыми указанное «т» переходитъ у японцевъ въ «ц» (у европейцевъ—«тс»).

Названіе «Мо-хэ» (пекинское чтеніе) въ кантонскомъ на-

рѣчїи произносится «Мут-хотъ». Корейское чтеніе этого слова «Маль-галь» возстановляетъ древне-китайское «Мат-гатъ». Въ японскомъ чтенїи тотъ же іероглифъ «Мо» относится къ общей фонетической группѣ, имѣющей чтеніе «Мацу» (Матсу) и, одновременно, «Бацу» (Батсу), т.-е. изъ всего названія возстановляется заимствованное китайское «Мат-катъ» (Мацу-кацу) и «*бат-катъ*» (Бацу-кацу). Такимъ образомъ открывается, что въ японскомъ чтенїи іероглифъ «Мо», вмѣстѣ съ начальнымъ звукомъ «М», сохранилъ также и звукъ «Б». Древнее произношеніе названія «Мо-хэ» могло быть (примѣнительно къ кантонскому чтенїю), съ этою японскою поправкою, и «Мут-хотъ» и «*Бут-хотъ*» (или «*Бут-хатъ*»). Названіе «Мо-хэ», конечно, маньчжурское, а мы имѣемъ не одинъ примѣръ, когда китайцы, при транскрипціи инородческихъ словъ, чужой звукъ «б» смѣшивали (замѣняли) со своимъ «м»; такъ тюркское слово «болмышъ» («сущій», «существующій») на Орхонскихъ памятникахъ VIII ст. (при династїи Тань) передается китайскими іероглифами «мо-ми-ши» (здѣсь іероглифъ «мо» имѣлъ древнее чтеніе «бутъ»); китайская транскрипція древняго маньчжурскаго, монгольскаго и тюркскаго титула «Мо-хэ-ду» возстановляется теперь, какъ подлинное «Бак-гатотъ» или «Бак-тотъ» (т.-е. «Багадуръ» или «Батуръ»—«витязь»); равнымъ образомъ прозваніе древняго завоевателя (гунновъ) хана «Мо-дэ» или «Мо-дунь» (кит. транскр.) — тоже есть не что

иное, какъ «Батурь» или «Багадурь». Такимъ образомъ изъ нынѣшняго чтенія «Мо-хэ» мы легко получаемъ древнее чтеніе «*Бут-хот*» или «*Бат-хат*». Въ маньчжурскомъ же языкѣ мы имѣемъ слово «*бутха*», которое значить: «охота; ловля птицъ, звѣрей и рыбъ; звѣроловство; рыболовство»; «буха» означаетъ «звѣрь», а «бутхай-нялма» или «бухай-нялма» («нялма»—«человѣкъ») — «охотникъ, звѣропромышленникъ, рыболовъ»; глаголь «бута-мби» безразлично означаетъ «ловлю звѣря или рыбу, охочусь, занимаюсь звѣринымъ или рыбнымъ промысломъ». Въ гольдскомъ языкѣ (весьма близкомъ къ маньчжурскому) имѣются слова «батаури» — «промышлять», «батунай» («най» — «человѣкъ») — «промышленникъ». Древнеманьчжурское слово въ китайской транскрипціи «бу-то-ло» — «охотиться» отвѣчаетъ нынѣшнему глаголу «бута-мби», откуда происходитъ «бута-ра-нялма» — «охотникъ».

И такъ, несомнѣнно, настоящее названіе древнихъ обитателей Маньчжуріи, подъ которымъ они стали извѣстны китайцамъ во времена династій Юань-Вэй и Тань, было, въ дѣйствительности, не «Мо-хэ», а «*Бутха*», не «порѣчане» (отъ «мукэ» — «вода»), а «звѣроловы, промышленники» (отъ «бута-мби» — «промышляю»). Среди маньчжуръ изстари существовало подраздѣленіе на «бойгонь», т.-е. «осѣдлыхъ» («боо» — «домъ»), и «бутха» — «звѣропромышленниковъ» (и рыболововъ вмѣстѣ). Роды, искони обитавшіе у хребта Чань-бо-шань и «про-

мышлявшіе охотою», назывались всегда «бутха»; они то, какъ ближайшіе къ китайцамъ и корейцамъ, и должны были способствовать перенесенію вообще на маньчжурское населеніе народнаго названія «Бутха», при чемъ названіе это, какъ видно по его смыслу, не племенное, а характеризуетъ лишь главную бытовую сторону жизни населенія — звѣроловство. На вопросъ: — что они за народъ (люди), населеніе естественно отвѣчало: — «бутха» — «промысловые люди». Въ дѣйствительности это былъ только общебытовой признакъ, но не названіе племени.

Древніе маньчжуры, выступающіе въ исторіи подъ названіемъ «Бутха» («Мо-хэ» въ кит. транскр.), во времена династій Юань-Вэй и Тань расселялись на сѣверъ отъ Чань-бо-шаня и въ его восточныхъ отрогахъ. Китайская исторія указываетъ ихъ вполне точно на Сунгари (древн. «Су-мо», иногда «Сунь-мо»); въ ея изгибѣ около нынѣшняго Бодунэ (древн. «Бо-ду» — въ кант. чтеніи «Бак-туть», въ корейск. чтен. «Пак-толь»; вѣроятно, названіе это происходитъ отъ маньчж. глагола «бэдэрэ-мби» — «поворачиваюсь назадъ», такъ какъ Сунгари около Бодунэ дѣйствительно поворачиваетъ почти подъ острымъ угломъ); на р. Альчука (древн. «Ань-чэ-гу» или «Аньчунь» — «золото») около нынѣшняго А-жэ-хэ; въ самомъ Чань-бо-шанѣ (древн. «Бай-шань» или «Бѣлая гора»); въ Нингутинскомъ районѣ на Мудань-цзянѣ (маньчж. «мудань» — «извилина») или Хурхѣ

(древн. «Фо-нѣ»; въ корейск. чт. Бул-лалѣ; отвѣчаетъ китайск. Бут-татѣ; маньчж. Бутха); въ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ по Уссури (древн. «Хо-ши»; въ кант. чтеніи «Хоу-шигъ», въ корейск. чт. «Хо-силъ», гдѣ китайское «т» и корейское «л» одинаково могутъ выражать собою маньчжуро-гольдское «р», т. е. давать «Хоу--ширѣ» или «Хо-спирѣ»). Самыя сѣверовосточныя поколѣнія «Бутха» (Мо-хэ) жили въ нижнему Амуру (за устьемъ Сунгари), который въ древности (какъ и теперь) носилъ названіе «Черной рѣки» (по кит. «Хэй-шуй», по маньчж. «Сахалынь-ула»). Это названіе объясняется тѣмъ, что при впаденіи въ Амуръ Сунгари ея мутныя буровато-бѣлыя воды, занимая двѣ трети ширины Амура, тянутся отдѣльною полосою и рѣзко отличаются отъ чистыхъ водъ Амура, которыя вслѣдствіе такого контраста представляются темными, черными. Восточнѣе Нингутинскаго района (древн. «Фо-нѣ»), въ Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ и по нижнему Амуру населеніе въ эпоху династій Юань-Вэй и Танъ выдѣлявало свое оружіе изъ камня и находилось на низкой ступени исключительно охотничьяго и рыболовнаго быта; въ западной же части описаннаго района оно также занималось земледѣіемъ, имѣло рогатый скотъ и лошадей.

Къ сѣверу отъ Сунгари, въ бассейнѣ Нонни, на верхнемъ и среднемъ Амурѣ (до Сунгарійскаго устья) жили особыя поколѣнія *Ши-вэй*, сходныя по быту съ обитателями остальной

Маньчжуріи («Мо-хэ», т. е. «Бухта») и говорившія однимъ съ ними языкомъ. Въ исторіи династій Юань-Вэй и Танъ вполне определенно показанъ путь къ нимъ и послѣдовательное ихъ расположеніе. Самыя юго-западные изъ нихъ показываются у озера Ху-лунъ или Далай-норъ. На сѣверъ отсюда поколѣнія «Ши-вэй» упоминаются на рѣкѣ «Ши-гянь» или «Ши-цзянь». Рѣка эта показывается вытекающею изъ озера Ху-лунъ, течетъ «изгибомъ на востокъ» чрезъ земли «Ши-вэй», сливается съ рѣкою На-хэ, т. е. Сунгари (такъ называлась послѣдняя въ смыслѣ продолженія р. Нонни, имѣвшей древнія названія (въ кит. транск.) «На», «Нань») и затѣмъ, до впаденія на востокъ въ море, идетъ уже чрезъ земли «Бутхасцевъ (Мо-хэ) Черной рѣки», т. е., другими словами, является «Черною рѣкою» или нашимъ нижнимъ Амуромъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ сомнѣній. Самое названіе рѣки «Ши-гянь» или «Ши-цзянь» (въ пекинскомъ чтеніи) на кантонскомъ нарѣчій произносится «Шэт-ким», въ японскомъ чтеніи «Сит-кэн» («Сицу-кэн»), въ корейскомъ «Силь-гон». Такъ какъ чрезъ конечный звукъ «т» китайцы въ древности передавали инородческіе звуки «л» и «р» и такъ какъ, съ другой стороны, верхній Амуръ впервые сталъ намъ извѣстенъ подъ своимъ тунгусскимъ названіемъ «Шилкэръ» (или «Силкиръ», «Шилкиръ», «Сиркаль» — у нашихъ казаковъ въ XVII ст.), то ясно, что древняя «рѣка *Ши-гянь*» есть не что иное, какъ этотъ *Шилкэръ* или верхній

Амуръ. Южныя поколѣнія «Ши-вэй» между рѣкой Чжоръ (Чоль) и райономъ нынѣшняго Цицикара, вмѣстѣ съ охотою, занимались также земледѣіемъ, имѣли лошадей и рогатый скотъ; обитатели же верхняго Амура описываются только какъ звѣроловы и рыболовы и относительно земледѣія у нихъ исторія умалчиваетъ, хотя упоминаетъ, что лошади и скотъ у нихъ были.

Что такое представляетъ собою названіе «Ши-вэй», никѣмъ изъ етнологовъ не выяснено, но іероглифъ «ши» здѣсь тотъ же самый, что и въ названіи рѣки «Ши-гянь» (Шил-кэръ). Въ древнемъ чтеніи это названіе Ши-вэй, будетъ «Шит-ой» или «Шит-уй», откуда, при замѣнѣ китайскаго «т» инородческимъ «л» или «р», можетъ получиться монгольское слово «широй»—«земля; пыль; прахъ». Но едва ли слово съ такимъ невыразительнымъ значеніемъ могло обратиться въ народное прозваніе, тѣмъ болѣе, когда сами шивэйцы говорили общимъ языкомъ съ «Бутха» (Мо-хэ), а у послѣднихъ такого слова нѣтъ. Я остановлюсь на этомъ совершенно невыясненномъ вопросѣ.

Въ эпоху династїи Юань-Вэй (386—558 г.) южный Ши-вэй вполне опредѣленно указывается въ бассейнѣ р. Нонни, въ районѣ нынѣшняго Цицикара (древн. Букуй). Исторія сообщаетъ, что черезъ территорію южнаго Ши-вэя протекаетъ «большая рѣка, идущая съ сѣвера», имѣющая около двухъ верстъ ширины и называющаяся рѣкою На (кант. чт. «Нат», корейск. «Наль», аннамит. «Нан»). И по названію, и по на-

правленію теченія это, несомнѣнно, нынѣшняя р. Нонни (въ древности Нань, На; по маньчж. Нонь, у монголовъ Наунь). Самый путь сюда изъ юго-восточной Монголіи показывается (отъ верхняго теченія Шара-мурэни) черезъ нынѣшнюю рѣку Чоло, впадающую сѣвернѣе верхняго теченія Шара-мурэни въ озеро Дабсату-норъ. Въ исторіи рѣка эта названа Чжо (въ кант. чтеніи «Чжот», въ корейск. чт. «Чхель») и обозначена тѣмъ же самымъ іероглифомъ, какъ рѣка Чжоръ или Чоль (также Чоло), составляющая правый притокъ Нонни между Бодунэ и Цицикаромъ. Отсюда черезъ три дня пути попадали на р. Джабтыинъ-голь (въ исторіи — р. Шань), впадающую въ то же озеро; затѣмъ черезъ восточные отроги Хингана путь направлялся въ верховья «большой рѣки» Торъ, иначе Таоръ или Толо (то же правый притокъ Нонни, ниже Чжора), которая по своему верхнему (правому) притоку Куйлэръ или Гуйлеръ названа въ исторіи «Кюй-ли» (въ нарѣчїи хакка Кют-ли); отсюда же черезъ Чжоръ (Чоль), названный здѣсь р. Жэнь-шуй, въ кант. чт. Янь-шэю (въ исторіи династїи Танъ онъ называется одновременно р. Чжо или Янь-чжи), послѣ восьми дней пути, прибывали во владѣніе Ши-вэй (главный пунктъ), гдѣ показана вышеупомянутая «идущая съ сѣвера» большая рѣка На, т.-е. Нонни. Этотъ маршрутъ опредѣленно приводитъ насъ въ районъ Цицикара. Здѣсь былъ южный Ши-вэй. Мѣстность низменная и мокрая. Населеніе сѣяло много проса и пшеницы—пол-

бы. Въ 11 дняхъ пути на сѣверъ отсюда лежалъ сѣверный Ши-вэй; судя по разстоянію мы должны искать его за Мэргэнемъ, въ районѣ нынѣшняго Айгуня, на берегу Амура; хотя о самой рѣкѣ въ исторіи династїи Юань-вэй и не упоминается, тѣмъ не менѣе фактическое наличіе большой рѣки въ этой мѣстности свидѣтельствуется тѣмъ, что однимъ изъ промысловъ населенія было рыболовство (сѣтями); изъ рыбьихъ кожъ жители выдѣлывали себѣ платье. У населенія имѣлись лошади и скотъ, хотя непосредственно на земледѣліе исторія не указываетъ. Еще далѣе къ сѣверу (Амуръ здѣсь какъ разъ имѣетъ меридіональное направленіе), за 500 верстъ, указывается владѣніе «Бо-Ши-вэй» (Албазинь?), о которомъ свѣдѣнія, очевидно, были только распросныя. Тамъ находилось много и сѣверныхъ ши-вэйцевъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ мѣстнаго населенія. Вслѣдствіе того, что іероглифъ «Бо» въ кант. нарѣчїи произносится «бутъ», въ корейск. чт. «паль», въ аннамт.—«батъ», имѣется вѣроятіе, что въ основѣ приведеннаго названія залегаетъ упоминавшійся ранѣе маньчжуро-тунгусскій корень «бутъ» или «батъ», отъ котораго происходитъ слово «бутха»—«звѣроловство», и что названіе «Бо-Ши-вэй» означаетъ просто «промысловыхъ людей», «звѣролововъ», т.-е. даетъ признакъ чисто бытового содержанія. Присутствіе здѣсь большого числа сѣверныхъ ши-вэйцевъ еще болѣе подкрѣпляетъ это предположеніе... На юго-западъ отсюда, въ четырехъ дняхъ пути, показы-

вается «Шэнь-мо-да-Ши-вэй» (въ кант. чт. «Шэм-мут-татъ» или «Шэм-мут-тань»), называвшійся такъ по рѣкѣ, а за нимъ, далеко на сѣверо-западъ (за тысячи (?) верстъ), лежалъ Большой Ши-вэй (по кит. Да-Ши-вэй). «Дорога туда — говорится въ исторіи— трудная. Языкъ непонятенъ». Свѣдѣнія о послѣднихъ трехъ районахъ были получены, очевидно, только распроснымъ путемъ, потому что въ исторіи сказано: «Сѣверные ши-вэйцы присылали посланниковъ съ дарами, а прочіе никогда не прїѣзжали».

Въ исторіи династїи Танъ (618—907 г.) поколѣнія Ши-вэй описываются съ запада, со стороны озера Хулунъ (Далай-норъ). Самымъ крайнимъ изъ нихъ было *У-су-гу* (кант. чт. У-со-ку, япон. О-со-ко, корейск. О-сак-ко) на юго-западной сторонѣ озера Хулунъ (Далай-норъ). Даурское, баргу-монгольское и бурятское слово «осо» значитъ «вода» (тунгусск. «му», монгольск. «усунъ», тюрк. «усунъ»; послѣднее названіе давалось въ глубокой древности населенію бассейна нынѣшней рѣки Или въ Кульджинскомъ районѣ). Къ востоку отъ него находилось поколѣніе И-сай-мо, а восточнѣе послѣдняго, на нынѣшней р. Чжоръ или Чоль (въ исторіи Чжо или Янь-чжи), жило поколѣніе Сай-хэ-чжи (кант. чт. Сэк-хот-чи, корейск. Сѣк-каль-чжи, япон. Сок-кат-си). На той же р. Чжоръ находилось поколѣніе У-ло-ху (кант. чт. У-ло-вок, корейск. О-ра-хо, япон. О-рак-коо). Среди родовъ, подчиненныхъ основателю послѣдней Маньчжурской династїи въ нача-

лѣ XVII ст., былъ родъ *Олхонь*. Между развалинами древнихъ укрѣпленій въ районѣ Цицикара китайская географія указываетъ *Олхонь* (въ 15 вер. на юго-западъ отъ Цицикара). Оба эти названія вполне отвѣчаютъ древнему У-ло-ху, передаваемому иногда также въ формѣ У-ло-хэнь. Въ исторіи монгольскаго завоевателя Чингисъ-хана (родившагося, какъ извѣстно, на р. Ононь, въ юго-восточной части Забайкалья, т.-е. въ сосѣдствѣ съ озеромъ Хулунь-норь) то же упоминается о родѣ *Олхунэ*; мать Чингисъ-хана была изъ этого рода. Въ то время на восточной сторонѣ озера Буиръ-норь, при впаденіи въ него р. Халхи, жили роды *Унгира*, между которыми одинъ назывался Тѣргэ. Родъ Олхунэ, судя по описаніямъ, располагался восточнѣе Унгира, а на современныхъ картахъ какъ разъ показывается хребетъ Тѣргенъ, простирающійся на востокъ къ верховьямъ р. Чжоръ (Чоль). Все эти указанія даютъ основаніе считать древнее поколѣніе У-ло-ху тождественнымъ съ позднѣйшими Олхунэ и Олхонь. Дополнительно къ этому можно прибавить, что въ одномъ направленіи къ востоку (конечно, вдоль дороги) отъ Сай-хэ-чжи располагались, одно за другимъ, поколѣнія Хэ-гяй У-ло-ху и На-ли. Одинъ изъ лѣвыхъ (сѣверныхъ) притоковъ верхняго теченія р. Толо (Таоръ) въ своемъ истоцѣ находится близко отъ средняго теченія Чжора (Чоль); притокъ этотъ на китайскихъ картахъ носитъ названіе Ха-хай; это же послѣднее весьма созвучно съ названіемъ поколѣнія Хэ-гяй (корейск. чт. Хоа-хѣ),

которое жило, какъ сказано, смежно съ У-ло-ху; сверхъ того, нѣсколько западнѣе, въ верховьяхъ р. Толо, на современной картѣ отмѣчается гора Гокіоль, которая также весьма созвучна съ тѣмъ же китайскимъ Хэ-гяй. Все это приводитъ насъ къ одному и тому же району. Наконецъ, то обстоятельство, что въ исторіи-династіи Таңъ р. Чжоръ называется также р. Янь-чжи (она же, какъ мы видѣли выше, Жэнь-шуй), объясняется тѣмъ, что одинъ изъ его верхнихъ притоковъ носитъ названіе Янгиръ. Что касается упомянутого выше поколѣнія На-ли, жившаго восточнѣе У-ло-ху, то іероглифъ «на» здѣсь тотъ же самый, какимъ обозначена и рѣка На, т.-е. Нонни, такимъ образомъ, и по созвучію, и по расположенію поколѣніе это надо искать на самой Нонни (въ районѣ Цицикара).

Интереснымъ является и самое поколѣніе Сай-хэ-чжи. Среди маньчжурскихъ и монгольскихъ (восточныхъ) родовъ, подчинившихся послѣдней Маньчжурской династіи въ XVII ст., былъ также родъ *Сахалча*. вполне определенныхъ данныхъ о народности этого поколѣнія мы не имѣемъ. Въ числѣ родовъ, жившихъ къ югу отъ Нонни и говорившихъ «на языкѣ, схожемъ съ корциньскими монголами», были, между прочимъ, Сибо и Гуалча, записанные въ *монгольское* «знамя». Бодунэ представляетъ ихъ старинное мѣстопробываніе, а то обстоятельство, что они говорили на языкѣ только «схожемъ» съ корциньскими монголами, свидѣтельствуешь, что это были не

коренные монголы. Сами Сибо утверждают, что они происходят отъ одного съ маньчжурами родоначальника и лишь по отбыванію повинностей отнесены къ монголамъ Корциньскаго рода. Рядомъ съ этимъ, въ извѣстномъ историческомъ описаніи маньчжурскаго «восьмизнаменнаго» войска имѣется положительное указаніе, что одна изъ *маньчжурскихъ* ротъ были составлена «изъ *Дахуръ Сахалча* и *Хуальча*»; самый родъ Сахалча отнесенъ къ маньчжурскимъ родамъ. Исслѣдователь солонскаго и дахурскаго (даурскаго) языковъ А. О. Ивановскій указываетъ, что нынѣшніе Солонны и Дахуры являются коренными обитателями сѣверной Маньчжуріи и верхняго Амура; по его мнѣнію, солонскій языкъ есть только особая вѣтвь обще-тунгусскаго языка, а Дахуры по языку, вѣроятно, ближе къ монголамъ, нежели къ маньчжурамъ... То же самое остается признать и относительно упомянутаго рода Сахалча, который отнесенъ къ Дахурамъ; близкое сосѣдство съ монголами должно было наложить на нихъ свой отпечатокъ. Повсѣмъ этимъ соображеніямъ, поколѣніе времени Танской династіи «Сайхэ-чжи, жившее на р. Чжоръ (Чоль), возможно отождествить съ упомянутымъ дахурскимъ родомъ Сахалча начала XVII ст.

Къ сѣверу отъ поколѣнія У-ло-ху жили поколѣнія Нэ-бэй-чжи или Но-бэй-чжи. Здѣсь іероглифъ «нэ», иначе «но», тотъ же самый, что и въ названіяхъ нынѣшнихъ рѣкъ Нэмэръ и Номинь, верхнихъ притоковъ Нонни (праваго и лѣваго). На сѣверъ

отсюда, по другую сторону большихъ горъ, на рѣкъ *Ши-лянъ* (Шилкэръ или верхній Амуръ), находилось поколѣніе «*Да-чэ-Ши-вэй*». Такъ какъ единственный путь здѣсь чрезъ Цицикаръ и Мэргэнь ведетъ къ Айгуню, то положеніе Да-чэ-Ши-вэй Танской династіи соотвѣтствуетъ, очевидно, тому району, гдѣ въ исторіи Юань-вэй отмѣченъ сѣверный Ши-вэй. Самое названіе «Да-чэ» (или Да-цзюй) на китайскомъ языкѣ буквально значитъ «большая телѣга». Это тоже чисто бытовой признакъ. Въ Монголіи и на западномъ склонѣ Хингана употребляются (съ глубокой древности) небольшія, легкія телѣги на высокихъ, тонкихъ колесахъ со множествомъ спицъ; китайцы называли ихъ «Гао-чэ» («высокія телѣги») и по нимъ дали названіе *Гао-чэ (Гао-цзюй)* самымъ обитателямъ древней Монголіи. По восточному же склону Хингана, въ Айгунѣ и Цицикарѣ, употребляются (по условіямъ мѣстности) большія и тяжелыя многоарныя телѣги совершенно иного типа (съ вращающейся осью и тяжелыми, толстыми, низкими колесами), которыя вполне умѣстно назвать «*да-чэ*» — «большія телѣги»... Къ западу отсюда (вверхъ по рѣкѣ) находились Западный (Си) и Большой (Да) Ши-вэй, а къ востоку, до впаденія Сунгари, жили на сѣверномъ берегу Амура (судя по указаніямъ исторіи) *Ло-дань-Ши-вэй* и на южномъ *Мэн-у-Ши-вэй*, за которыми, внизъ отъ устья Сунгари, по Амуру расселились уже Хэй-шуй (или Сахалянь-ула) — Бутха, у китайцевъ *Мо-хэ*.

Таково было расположение древних поколѣній *Ши-вэй* по даннымъ исторіи династій Юань-Вэй и Тань.

Съ начала VII до середины VIII ст. въ Монголіи владычествовали *тюрки*, ядро которыхъ располагалось на Орхонѣ (верхній притокъ Селенги). Въ китайской исторіи они выступаютъ подъ названіемъ *Ту-цзюэ* или *Ту-ю* (*Ту-кюэ*), но подлинное названіе «*Тюрк*» сохранилось въ древнетурецкой надписи на Орхонскихъ памятникахъ VIII ст. Этыхъ тюрковъ смѣнили *Уйгуры* (то же тюркское племя), жившіе на р. Селенгѣ, Орхонѣ и Толѣ, которыхъ китайская исторія выдвигаетъ подъ названіемъ *Хой-ху* (кант. чт. «*Уй-хэт*», корейск. «*Хие-хыл*», япон. «*Каи-котс*» или «*Б-котс*»).

Владѣнія тюрковъ и уйгуровъ въ сѣверо-восточной Монголіи простирались до Байкала, нынѣшняго Кэрулэна (въ древн. кит. транскр. Гюй-лунь) и озера Далай-норъ (Хулунь), но власть тюрковъ распространялась также и на *Ши-вэй*, о чемъ упоминаетъ исторія династій Юань-Вэй и Тань, сообщая, что ши-вэйцы управлялись тремя поставленными тюрками «дутунями». Послѣднимъ то, вѣроятно, и принадлежалъ титулъ «мо-хэ-ду», потому что онъ даетъ скорѣе тюркское «багадуръ», нежели монгольское «батуръ» и маньчжурское «батуру».

На востокъ Ши-вэй граничилъ съ территоріей древнихъ маньчжуръ (Мо-хэ) по Сунгари, а на югъ имѣлъ границу владѣнія киданей въ юго-восточной

Монголіи, на южной сторонѣ р. Шара-мурэнь. Раньше кидани жили сѣвернѣе этого района, но потомъ перешли за Шара-мурэнь и при династии Юань-Вэй впервые приняли названіе *Кидань* (въ тюркской Орхонской надписи—*Кытай*). Въ историческомъ отдѣлѣ исторіи династии Минь указывается, что до передвиженія къ Шара-мурэни, кидани занимали страну У-лянъ-хэ, которая по своему положенію и описанію рѣки того же имени (см. у Дегиня) совпадаетъ съ бассейномъ нынѣшней рѣки Толо (Таоръ). Верхнее теченіе послѣдней носитъ названіе *Уланъ-хой*, и У-лянъ-хэ безъ сомнѣнія, является только китайской транскрипціей послѣдняго. Слово «улан» въ монгольскомъ и бурятскомъ языкѣ значитъ «красный» (въ баргу—монг. «ула», въ дахурек. «хула»). Это нынѣшній районъ Корциньскихъ монголовъ, которые занимали его и въ XVII ст. Изъ исторіи династии Тань мы уже видѣли, что онъ выходилъ изъ предѣловъ территоріи Ши-вэй и принадлежалъ киданямъ, которые были южными сосѣдями Ши-вэй.

Уже съ самыхъ первыхъ извѣстій китайская исторія указываетъ, что ши-вэйцы и кидани были одного племени, но только разныхъ родовъ. «Поколѣнія, обитающія на югѣ, называются *Ки-дань*, обитающія на сѣверѣ *Ши-вэй*». Разница только въ географическомъ положеніи. Въ исторіи династии Юань-Вэй говорится, что у ши-вэйцевъ «языкъ одинъ съ кумохискимъ, киданьскимъ и дэулаускимъ»; кумохи же составляли юго-западную от-

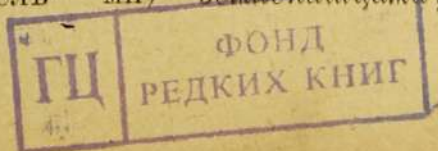
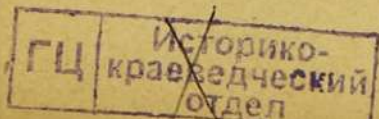
расль киданей, а дэулэу (иначе доу-мо-лоу или да-мо-лу) — сѣверо-восточную. Въ исторіи династїи Танъ сказано (какъ мы видѣли выше), что ши-вэйцы говорили однимъ языкомъ съ мо-хэ (бу-ха), т.-е. съ маньчжурами. Получается, слѣдовательно, тотъ выводъ, что языкъ киданей, кумохи, дэу-мо-лэу и ши-вэйцевъ былъ *маньчжурскій*. Но имѣется и противорѣчіе. Въ исторіи династїи Юань-Вэй относительно древнихъ маньчжуръ (мо-хэ) категорически заявляется: «Языкъ ихъ совершенно отличенъ отъ другихъ. Они всегда презираютъ Дэу-мо-лэу и другія владѣнія». Выходитъ, что общности въ языкахъ киданьскомъ и маньчжурскомъ быть не должно, а слѣдовательно, и языкъ ши-вэйскій долженъ былъ различаться отъ маньчжурскаго.

Объясненіе такому противорѣчію въ показанїяхъ исторіи можетъ заключаться въ слѣдующемъ. Во владѣніи Ши-вэй, по Нонни и къ востоку отъ нея, исторія династїи Танъ указываетъ еще народъ *У-вань* (въ кант. чт. У-юнь, въ фучж. нарѣч. «У-вон», корейск. «О-хуань»). Сибирскіе же тунгусы сами себя называютъ *Эвэнки, Эвэнг, Овэнг, Эвунг*. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что китайское названіе *У-вань* является простой транскрипціей послѣдняго и обозначаетъ тунгусовъ. Въ другомъ мѣстѣ та же исторія, отмѣчая тотъ же народъ *У-вань* на сѣверѣ Забайкалья, говоритъ: «Земля произращаетъ много моху. Нѣтъ ни овецъ, ни лошадей. Содержали оленей, какъ домашній скотъ, кормили ихъ мохомъ и впрягали въ телѣ-

ги». Рѣчь идетъ, конечно, о сибирскихъ тунгусахъ, а языкъ ихъ, какъ извѣстно, составляетъ одну группу съ маньчжурскимъ. Вотъ причина для ссылки (въ исторіи династїи Танъ) на общность языка ши-вэйцевъ и мо-хэ (маньчжуръ). Очевидно, въ Ши-вэй былъ смѣшанный говоръ съ тою же разницей, какая существуетъ и теперь между дахурскимъ и солонскимъ языками (см. выше), изъ которыхъ первый приближается болѣе къ монгольскому, а второй къ маньчжурскому. Вслѣдствіе этого, съ другой стороны, становится также понятнымъ, почему языкъ ши-вэйцевъ (въ отношеніи болѣе монгольскаго его склада) сближается въ китайской исторіи не только съ киданьскимъ, но и съ кумохискимъ (далѣе къ юго-западу), когда отъ послѣднихъ маньчжурскій языкъ, по свидѣтельству исторіи Юань-Вэй, былъ «совершенно отличенъ».

Китайцы могли различать народности, конечно, только по самому элементарному признаку, по языку. Но признакъ этотъ не всегда устойчивъ. Такъ, напр., извѣстно, что *отуреченные* (отатарившіеся) по языку *сойеты* и *урянкайцы* на верхнемъ Енисеѣ являются остатками *самодской* народности, а *юкагиры* на сѣверѣ Якутской области, совершенно утратившіе свой родной языкъ, говорятъ теперь *по-тунгусски*. Районъ, обозначенный китайцами названіемъ *Ши-вэй*, по среднему Амуру и Зеѣ, при появленіи тамъ Хабарова въ срединѣ XVII ст., былъ заселенъ осѣдлыми *даурами* и *дючерами* (дучерами, чжучерами) — *землепашцами*; тѣ же дау-

10763 (1107 рер)

ры и нынѣшніе солонны занимали также и бассейнъ Нонни. По китайскимъ источникамъ Солонны и Дахуры были тѣми «туземными обитателями», которыхъ застала послѣдняя маньчжурская династія въ сѣверной Маньчжуріи, на Нонни, Аргуни, среднемъ Амурѣ и Зеѣ незадолго до перваго появленія тамъ русскихъ. Солонны, языкъ которыхъ, по мнѣнію А. О. Иванова, представляетъ лишь особую (сравнительно съ маньчжурскимъ) вѣтвь сѣвернаго общетунгусскаго языка, были, безъ сомнѣнія, болѣе древними аборигенами страны или пришельцами со стороны Забайкалья. Къ Солоннамъ китайскіе источники, равно какъ и всѣ обитатели сѣверной Маньчжуріи причисляютъ (судя по языку—вполнѣ основательно) одновременно и бродячихъ (за немногими исключеніями) обитателей сѣвернаго Хингана и прибрежій Амура—*Ороньчоновъ*, называющихъ себя, безразлично, также *Цилинь* и *Манегуръ*.

Что касается *Дахуръ*, то на Амурѣ они, по всѣмъ признакамъ, были позднѣйшими пришельцами. Когда, послѣ вторженія русскихъ въ срединѣ XVII ст., маньчжурское правительство, чтобы лишить русскихъ продовольствія, выселило оттуда на р. Нонни Дахуровъ и Дючеровъ (земледѣльцевъ), то Амуръ не только заустѣлъ отъ безлюдья, но съ той поры, вплоть до занятія его графомъ Муравьевымъ—Амурскимъ, никакого земледѣльческаго населенія изъ другихъ туземцевъ здѣсь не возникло. Это ясно свидѣтельствуетъ, что амурскіе инородцы сами никогда не были землепашцами и что зе-

мледѣліе было занесено въ эту область ранѣе лишь Дахурами и Дючерами. Въ «Матеріалахъ по изслѣдованію Бутхаскаго фудутунства» г. Горяиновъ приводитъ слѣдующую справку изъ маньчжурскихъ документовъ послѣдней династіи. «Дауры искони жили хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и охотою. Языкъ дауровъ, за малыми исключеніями, сходенъ съ монгольскимъ; но когда дауры начали изучать маньчжурскій языкъ, то монгольскій алфавитъ былъ ими оставленъ, какъ менѣе пригодный, а введенъ алфавитъ маньчжурскій. Нѣкоторые говорятъ, что до временъ Ляоской династіи (916—1125 г.) дауры назывались *Да-чжэ* (конечно, это то же самое, что и приводившееся выше *Да-чэ*—«большая телѣга» Танской исторіи). Жили они по берегамъ Аргуни, Гени, Нонни и Амура. Когда Сачжихалдайханъ переселялъ народъ, то на мѣстѣ остались одна или двѣ части всего населенія». Относительно же Сачжихалдай-хана разсказывается, что во времена Минской династіи (1368—1644 г.), «забравши съ собою все государство (т.-е. народъ), онъ двинулся прямо на сѣверъ по берегамъ *Сахальянь-ула* (Амуръ), затѣмъ онъ пошелъ вверхъ по р. *Горбици*, перешелъ чрезъ вершины Хингана, но осталось неизвѣстнымъ то, какихъ мѣсть онъ достигъ; живущіе въ настоящее время въ поселеніяхъ, расположенныхъ по Амuru, дауры—бывшіе подданные хана Сачжихалдая». Далѣе прибавляется, что ханъ этотъ подчинилъ своей власти *Солоновъ*. Такого преданіе, подтверждающее

сравнительно поздній приходъ дауровъ на Амуръ.

Какъ извѣстно, въ Забайкальѣ давно уже обнаружены обширные слѣды чьей-то древней культуры и даже разработки и плавки серебряныхъ рудъ въ Нерчинскомъ районѣ. Въ западной части Забайкалья, въ нынѣшнемъ Баргузинскомъ районѣ, тоже давно открыты слѣды древняго земледѣлія. Извѣстный венеціанскій путешественникъ по Монголіи Марко Поло еще въ XIII ст. упоминаетъ о равнинѣ *Баргузинъ*. Въ исторіи династіи Танъ (618—907 г.) одно изъ поколѣній народа *Гао-чэ* или *Гао-цзюй* («высокая *телма*»), занимавшаго сѣверную Монголію до Байкала, носитъ названіе *Ба-п-гу*, въ кант. чт. *Баит-ку*, а въ древне-турецкой надписи на Орхонскихъ памятникахъ VIII ст. оно же названо (въ тюрк. транскр.) «*Байырку*»;—то и другое, несомнѣнно, выражаютъ собою «*Баргу*». Въ исторіи Чингисъ-хана не разъ упоминается о странѣ *Баргучжинъ* въ низовьяхъ *Селенги* (рѣка впервые названа полнымъ именемъ на Орхонскихъ памятникахъ), у *Байкала*. Эта древняя страна Баргучжинъ и нынѣшній забайкальскій Баргузинъ, очевидно, одно и то же. Еще ранѣе, въ исторіи династіи Ханъ (25—265 г.) рассказывается, что въ эпоху вѣковой борьбы китайцевъ съ гуннами Монголіи послѣдніе, захватывая китайскихъ плѣнныхъ или принимая перебѣжчиковъ, селили ихъ гдѣ-то на сѣверѣ, у *Байкала*, заставляя заниматься земледѣліемъ. Къ этому времени, вѣроятно, и относится начало земледѣльческой культуры

въ Баргузинскомъ районѣ. Чрезъ этотъ же районъ, по Витиму, на Лену и по ней внизъ проникли позже въ Якутскую область навѣрно и якуты.

Здѣсь кстати можно отмѣтить слѣдующія историческія указанія. Въ исторіи народа *Жужанъ*, владѣвшаго когда-то всей Монголіей *на сѣверъ до Байкала*, упоминается подъ 411 г. (см. у Іак. Бичурина), что ханъ Хуной «*на сѣверъ* покорилъ владѣнія Хэ-вэй и *Ъ-гу*». Послѣднее названіе *Ъ-гу* въ нарѣчій хакка произносится «*Я-кут*», въ корейск. «*Я-коль*», въ япон. «*Я-кутс*», въ аннам. «*Жа-коут*». Извѣстно же, что тунгусы зовутъ якутовъ «*Эко*», «*Еко*» или «*Яко*», тогда какъ сами себя якуты называютъ «*Саха*». Здѣсь мы натыкаемся, пожалуй, на самое первое и единственное прямое упоминаніе о якутахъ (въ тунгусской формѣ) въ китайской исторіи.... Когда русскіе въ XVII ст. заняли Забайкалье, тамъ якутовъ уже не было, а страна около Байкала была занята *бурятами*, восточнѣе же—за прошедшими въ болѣе отдаленныя времена внизъ по Ленѣ якутами—на Витимѣ и къ Амуру вновь сомкнулись *тунгусы*, отрѣзавъ такимъ образомъ якутовъ съ запада отъ Забайкалья. При династіи Танъ (618—907 г.) якуты находились еще въ западномъ Забайкальѣ. Изъ данныхъ исторіи этой династіи и указаній въ древне-турецкихъ надписяхъ на Орхонскихъ памятникахъ отчетливо видно, что весь районъ по верхнему Енисею (древнее названіе *Кемз*), у нынѣшняго озера Косоголь и по Селенгѣ до Байкала сплошь былъ

занять поколѣніями *тюркскаго языка*. На Селенгѣ была родина и средоточіе *Хой-ху* (уйгуровъ). У озера Косоголь и въ верховьяхъ Енисея жили *Туба* (или Ду-бо), какъ еще и теперь называютъ себя *урянхайцы*, говорящіе, какъ извѣстно, на одномъ изъ тюркскихъ нарѣчій. Сѣвернѣе ихъ, въ Енисейской губерніи, почти до Байкала, обиталъ говорившій также по-тюркски народъ *Хя-гасз* (на Орхонскихъ памятникахъ—*«Кыркыс»*) тюркскаго происхожденія. На нижней Селенгѣ (сѣвернѣе *Хой-ху*) жили тоже тюркскія поколѣнія, названныя на Орхонскихъ памятникахъ *«Огуз»*, въ составъ которыхъ, судя по надписи, входило и поколѣніе *«Байырку»* (кит. *Ба-н-гу*), а по китайской исторіи—еще Тюркскій аймакъ (родъ) *«Ми-ли-тэ»*, причемъ, несомнѣнно, что послѣднее названіе представляетъ собою лишь китайскую транскрипцію названія народа *«Мърки»* (*Мъркитэ*), жившаго въ томъ же самомъ районѣ и выступающаго позже, при Чингисъ-ханѣ, въ борьбѣ съ послѣднимъ. Самый народъ *Хой-ху* (*Уйгурэ*) извѣстенъ въ исторіи династїи Танъ еще подъ названіемъ *«Гюй-синэ»*, что буквально значитъ *«Девять родовъ»*. Онъ всегда показывается дѣйствующимъ совмѣстно съ соседними поколѣніями *«Тун-ло»* (*«Тонгра»* Орхонскихъ памятникахъ,—на р. Толѣ, въ районѣ Урги) и вышеупомянутымъ *«Ба-н-гу»* (*Байырку*), т.-е. *Баргу*. Тюркскій же народъ *«Огуз»* Орхонскихъ памятниковъ (къ которому принадлежало, по всѣмъ даннымъ, и поколѣніе *Ба-н-гу*) выступаетъ

обыкновенно въ составной формѣ *«Токуз-Огуз»* (по-тюрк. *«Девять-Огузовъ»*) или *«Токуз-эрсен»* (*«Девять князей»*); а по преданіямъ самихъ тюркскихъ народовъ, записаннымъ позднѣе ихъ историками, *Уйгуры* тоже раздѣлялись на *«Ун-Уйгуръ»* (*«Десять-Уйгуръ»*) и *«Токуз-Уйгуръ»* (*«Девять-Уйгуръ»*). Все это, очевидно, одинъ и тотъ же народъ съ китайскими *«Гюй-синэ»* или *«Девять родовъ»*, и это подтверждается еще тѣмъ, что въ исторіи династїи Танъ вмѣсто *«Девяти родовъ»* (*Гюй-синэ*) употребляется обозначеніе *«Девять сыгиней»*, т.-е. *«Девять князей»*, что совершенно тождественно съ *«Токуз эрсен»*.

Китайскій іероглифъ *«синэ»* (въ названїи *Гюй-синэ*) означаетъ собственно (*прозваніе, фамилію*, но не близкое кровное родство; поэтому подъ *«Гюй-синэ»* (*«Девять родовъ»*) нужно разумѣть сложную (*изъ девяти*), союзную организацію, составленную изъ отдѣльныхъ группъ, хотя и объединенныхъ (каждая) родовымъ началомъ, но уже вышедшимъ изъ узкихъ предѣловъ первоначальной кровной связи, что подтверждается и самымъ параллелизмомъ въ смыслѣ между *«Гюй-синэ»* и *«Токуз-эрсен»* (*«Девять князей»*) или *«Девять сыгиней»* (то же самое). Въ исторіи династїи Танъ, въ повѣствованїи о тюркскомъ ханѣ Хѣли (подъ 628 г.), встрѣчается выраженіе: *«Девять сыгиней со своимъ народомъ поддались»*... На этомъ основанїи, вѣдѣствие того, что китайское *«Гюй-синэ»*, несомнѣнно, является лишь *переводомъ* съ

подлиннаго туземнаго названія, а таковымъ можетъ быть лишь Орхонское «Токуз-огузъ», остается допустить, что переводъ (смысла) сдѣланъ именно съ послѣдняго. Въ словарѣ тюркскихъ нарѣчій Радлова древнему историческому слову «огузъ» не дано никакого объясненія, но въ современныхъ тюркскихъ нарѣчійхъ слова «улюзъ», «угузъ», «огузъ» (якут.) значатъ «быкъ». Исслѣдователь быта якутовъ Сѣрошевскій («Якуты») говоритъ, что у нихъ *роды* въ широкомъ смыслѣ называются «агауса» («ага»—отецъ, «уса»—родъ; въ другихъ нарѣчійхъ «ага» значитъ *господинъ, глава, старшій*); въ древности они принимали названіе старшаго родоначальника, а изъ «ага-уса» составлялся затѣмъ «народъ — «джоно», еще болѣе обширная союзная организація, соединявшаяся въ конечную политическую единицу «эль»—«государство». Вполнѣ возможно допустить, что въ основѣ древняго понятія «огузъ» и залегаетъ смыслъ якутскаго «ага-уса», потому что во всякомъ случаѣ «огузъ» не есть здѣсь племенное названіе. Еще больше оснований приобрѣтаетъ это предположеніе вслѣдствіе того, что наиболѣе общою и характерною частью всѣхъ вышеприведенныхъ названій является слово «токузъ»—«девять», а это число, по исслѣдованію Сѣрошевскаго, какъ разъ и имѣетъ особенно выдающееся значеніе въ бытовомъ и духовномъ міровоззрѣніи якутовъ; къ тому же въ XVII ст. русскіе отмѣчаютъ на устьѣ Вилюя конныхъ якутовъ «роду тагусы», а «тогусъ» по якутски значитъ «девять». Не

безъ значенія можетъ быть и то обстоятельство, что на Орхонскихъ памятникахъ, гдѣ употреблено названіе «Токуз-огузъ», народъ этотъ показанъ враждебнымъ тюркскимъ ханамъ. Въ подобныхъ случаяхъ народы нерѣдко, пользуясь созвучіями, легкимъ измѣненіемъ названія соеда придавали его имени иной смыслъ. Это могло быть сдѣлано и здѣсь. Но, съ другой стороны, здѣсь «огузъ» могло быть взято въ значеніи «быкъ» и безъ всякой задней цѣли. У тюрковъ существовало административное дѣленіе для начальниковъ народныхъ организацій на «стрѣлы», а древніе гунны, по исторіи династіи Ханъ, дѣлили ихъ на «рога». «Быкъ» («угузъ») у номадовъ, тѣсно связанныхъ со стадами рогатаго скота, могъ быть синонимомъ вообще «родоначальника», «главы рода». Въ запискахъ одного китайца, бывшаго въ плѣну у *киданей* въ срединѣ X ст., имѣется на первый взглядъ нелѣпое указаніе на народъ въ сѣверной Монголіи «Нюй-ти-Ду-цюэ», что буквально имъ самимъ понято, какъ «Тюрки съ коровьими копытами». Но если принять во вниманіе, что «корова» на калмыц. языкѣ называется «укюръ», «быкъ» на бадгу—монгольскомъ—«угуръ», а на дахурск. «быкъ» и «корова» одинаково зовутся «укуръ», при чемъ на тюркскихъ нарѣчійхъ понятіе «быкъ» передается близкимъ словомъ «угусъ», то станетъ ясно, что здѣсь, въ сущности, сообщается вѣрное названіе народа «Тюрк-огузъ», но только съ букввальнымъ переводомъ второй части на китайскій

языкъ, какъ это слово представлялось (по созвучію) неясному пониманію автора... Можетъ быть, такимъ же путемъ слѣдовало бы объяснить и названіе «*Уйгуръ*» («*Токуз - Уйгуръ*»), которому пробовали давать значеніе «*союзникъ*», но это мнѣніе теперь не раздѣляется. Можетъ быть, въ дѣйствительности, въ основѣ этого названія лежитъ то же слово «*угуръ*» («*угусъ*») — «*быкъ*», тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ послѣднее понятіе выражается словомъ «*уй*»?...

Среди помянутыхъ «*Девяти родовъ*» или «*Токуз-огузъ*» Орхонскихъ памятниковъ въ исторіи династіи Танъ перечисляется и родъ «*Ю-ву-гэ*» или «*Ю - ву-гэ*». Оба эти названія одинаково даютъ въ кантон. чт. «*Іэк-мэт-гэтъ*», въ фучжоуск. нарѣч. «*Іокъ-укъ-какъ*», въ корейск. чт. «*Як-муль-каль*», въ япон. «*Як-хотс - катс*». Древнее чтеніе іероглифа «*ву*» при династіи Танъ было «*ут*», а раньше того — «*мут*». Поэтому за древнее произношеніе вышеприведеннаго названія надо принять «*Як-ут-гэт*», откуда отчетливо получается названіе «*Якут-гэт*». Такимъ образомъ по поводу пребыванія якутовъ нѣкогда у Байкала и на Селенгѣ мы дѣйствительно находимъ цѣлый рядъ историческихъ совпаденій въ отношеніи мѣстности, племеннаго состава и даже самаго названія. Едва ли все это можетъ быть отнесено къ одной случайности...

Первыя извѣстія о дахурахъ русскіе получили отъ тунгусовъ

на Витимѣ (правый притокъ Лены въ Забайкальѣ), слѣдуя по нему вверхъ съ сѣвера, еще въ 1639 — 1640 г. Въ то время дахуры на западѣ своего распространенія занимали Аргунь и Шилку, гдѣ дахурское населеніе теперь уже совершенно отсутствуетъ. Съ сѣвера и запада дахуры были окружены здѣсь кочующими тунгусами, а на югѣ — монголами. Но начало заселенія дахурами верховьевъ Амура не установлено, и многіе изъ слѣдовъ древней культуры въ Дауріи и Забайкальѣ (остатки прежнихъ водопроводныхъ рвовъ, утварь, каменные могилы, старыя плавильныя печи, шурфы, рудничные отвалы) принадлежать, во всякомъ случаѣ, не дахурамъ. Уже Георги въ описаніи своего путешествія (1772 г.) указываетъ, что мѣстные преданія приписываютъ слѣды древняго земледѣлія на Баргузинѣ и до верхней Ангары — *Баргутамъ* (*Баргу*). Самъ Георги считаетъ однако же, что эти *Баргуты* были даурами. Риттеръ, въ свою очередь, принимаетъ Баргутовъ за нынѣшнихъ бурятъ изъ рода *Барга-Бурятъ*, живущаго еще и понынѣ къ сѣверу отъ Байкала, до верхней Лены. По совершенно опредѣленному указанію въ исторіи династіи Танъ, на сѣверной сторонѣ Байкала жилъ народъ *Гу-ли-ганъ* (на Орхонскихъ памятникахъ «*Курыканъ*», распространявшійся и по западной сторонѣ Байкала (до *Хясовъ*). Ибрантъ Идесъ, отправленный Петромъ Великимъ въ 1693 г., нашелъ въ Дауріи древніе рудники и плавильни въ такомъ состояніи, какъ будто они цѣлыя столѣтія стояли безъ упо-

требленія. При появленіи русскихъ, *дауры* по Аргуни и Шилкѣ занимались только хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ и горнаго промысла не знали. Вотъ почему слѣды древнихъ горныхъ и плавильныхъ работъ въ Дауріи, также многочисленные древніе окопы—должны относиться къ болѣе древнему періоду.

Такимъ періодомъ нѣкоторые (Шренкѣ) считаютъ эпоху династїи Гинь (1125—1234 г.), когда древніе маньчжуры владѣли сѣвернымъ Китаемъ. Къ этой эпохѣ, между прочимъ, относится разсказъ одного стариннаго китайскаго автора времени династїи Сунъ въ южномъ Китаѣ о борьбѣ тогдашнихъ маньчжуръ съ народомъ *Мэнг-гу* или *Мэнг-у*, жившимъ на сѣверо-западъ отъ нынѣшней р. Алычуки (гдѣ г. А-жэ-хэ). Народъ этотъ отличался воинственностью. Въ 1136—1139 г. маньчжуры выслали противъ него сильную армію, но она была разбита, и маньчжуры предпочли заключить миръ, уступивъ *Мэнг-гу* 27 крѣпостей (остроговъ), лежавшихъ на сѣверъ отъ р. Сипинъ (китайцы разумѣютъ подъ нею Кэрулэнъ), и, сверхъ того, обязавшись выдавать *Мэнг-гу* ежегодно известное количество коровъ, барановъ и хлѣба. Глава народа *Мэнг-гу* принялъ послѣ того титулъ *хуанг-ди* (императоръ), а свое владѣніе сталъ вѣщать Великимъ Мэнгускимъ царствомъ. Слѣдуетъ однако же оговориться, что свѣдѣнія династїи Сунъ, за отдаленностью (столица ея находилась тогда въ нынѣшней провинціи Чжэ-цзянь, въ г. Хань-чжоу) и враждебностью династїи

Гинь, о событіяхъ въ Маньчжуріи были крайне сбивчивы. Народъ *Мэнг-гу* показывается то на сѣверо-западѣ, то на сѣверо-востокѣ Маньчжуріи (гдѣ его, конечно, быть не могло), а самый фактъ пораженія маньчжурской арміи въ одномъ мѣстѣ отмѣчается подъ 1138 г., въ другомъ же мѣстѣ (и въ той же самой редакціи) подъ 1146 г. Сверхъ того, самое названіе народа *Мэнг-гу* и описаніе его быта очень напоминаютъ монголовъ Чингисъ-хана, такъ что весь эпизодъ невольно вызываетъ сомнѣніе—не относится ли, въ дѣйствительности, эти событія къ болѣе позднимъ временамъ самого Чингисъ-хана?.. Откуда именно вышли первоначально нынѣшніе монголы и гдѣ они были до Чингисъ-хана, въ исторіи не установлено; но во всякомъ случаѣ при рожденіи Чингисъ-хана они уже жили по Онону, Кэрулэну, отъ его истоковъ до озера Далай-норъ, и въ юго-восточной части Забайкалья. Въ западной части Забайкалья, по нижней Селенгѣ, обитали упоминавшіеся ранѣе (въ исторіи династїи Танъ) *Мърки* или *Мъркиты*, личные враги Чингисъ-хана, а къ сѣверу отъ нихъ, по Баргузину (Баргучжинъ)—*Баргуты* или *Баргу*. Орхонскій районъ (Кара-корумъ) и теченіе Толы занимали *Кэрви* (*Кэраиты*), а въ нынѣшнемъ округѣ Хулунбоиръ жилъ народъ *Унгира*, къ которому принадлежалъ и упоминавшійся ранѣе родъ *Олхунэ*. Фактическія владѣнія династїи Гинь въ сѣверной Маньчжуріи въ это время оканчивались округомъ («дорогой») *Бу-юй*, къ которому принадлежалъ нынѣшній Цицикаръ

(древн. *Букуй*), а отъ него считалось всего 15 вер. до рода *Хорхо*, располагавшагося уже на самой границѣ. Ранѣе того, при киданьской династїи Ляо (916 — 1125 г.), которая также владѣла сѣверо-восточнымъ Китаемъ (съ Пекиномъ), къ сѣверо-западу отъ Ордоса (въ сѣверномъ изгибѣ Желтой рѣки) показывается кочевой народъ *Дада*. Народъ этотъ жилъ мелкими, разсѣянными родами, былъ воинственнымъ и находился въ постоянной враждѣ съ киданями, неоднократно разбивая ихъ арміи; въ мирное же время онъ велъ съ ними торговлю рогатымъ скотомъ, баранами, верблюдами и войлоками. Повидимому, этотъ народъ занималъ районъ Орхона и Толы (Урга). Сѣвернѣе ихъ называется народъ *Юй-цюэ*, а восточнѣе его—повидимому, на Кэрулэнѣ—*Мэнз-гу-ли*, сходные между собою, тоже кочевые, скотоводческіе, торговавшіе съ киданями, какъ и *Дада*. Восточнѣе *Мэнз-гу-ли*, на сѣверо-востокѣ Монголіи, показывается народъ *Ть-ли-си-ши-гянъ* (цзянь, кянь), *нѣсколько сходный по одьянію, жилищамъ и языку съ Мо-хэ (Бутха)*, т.-е. съ маньчжурами; народъ этотъ не воевалъ съ киданями, а велъ съ ними мѣновую торговлю рогатымъ скотомъ, баранами, лошадьми, верблюдами, шерстяными издѣліями и мѣхами. Сосѣдомъ его на востокѣ были *Мо-хэ (Бутха)*, т.-е. маньчжуры, изъ чего слѣдуетъ заключить, что *Ть-ли-си-ши-гянъ* занимали нынѣшній районъ Хулунбоурь.

Дополнительно къ этому отъ временъ династїи Ляо сохра-

нился дорожникъ китаецъ Ху-цяо, бывшаго въ плѣну у киданей семь лѣтъ и убѣжавшаго отъ нихъ въ 953 г. чрезъ Монголію. Въ этомъ дорожникѣ сообщается, что южнѣе киданей живетъ народъ *Си (Хи)* или *Кумохи* «съ киданями нѣсколько сходные», а на западъ отъ Кумохи—народъ *Ду-цюэ, Хой-хэ* (т. е. «Тюрк—Уйгуръ»), поколѣнія котораго еще при династїи Танъ были поселены китаецами между Калганомъ и Ордосомъ (въ сѣверномъ изгибѣ Желтой рѣки). Отъ нихъ на сѣверо-западъ находился народъ *Юй-цюэ-люй*, весьма храбрый, жившій на большой рѣкѣ (рѣкахъ), а на сѣверо-западъ отъ послѣдняго—народъ *Ся-гэ* или *Хя-гэ* (вѣроятно, упоминавшіеся ранѣе *Хягасы*, жившіе по верхнему Енисею); къ сѣверу же отъ *Ду-цюэ Хой-хэ* находились «*Шань-юй - Ду-цюэ*» (тоже «тюрк»), должно быть, на Орхонѣ и Толѣ въ *Кара-корумъ* (бывшая столица тюрковъ и уйгуровъ), потому что слово «шань - юй» есть древній титулъ ихъ хановъ: «*тэн-гри*»—«небесный»; «всеѣ они съ *Юй-цюэ-люй* нѣсколько сходны». На сѣверъ отъ нихъ и киданей жили *Хэй-чэ-цзы* или *Хэ-юй-цзы* (что одинаково значитъ «черная телѣга»), искусные въ дѣланіи кибитокъ, а за ними (на сѣверъ)—*Нюй-ти-Ду-цюэ* («тюрки съ коровьими копытами»), о которыхъ говорилось ранѣе и которые, въ сущности, должны представлять только искаженное «*Тюрк-огуз*». На сѣверо-востокъ отъ нихъ доходили до народа *Ва-цзы-цзы* или *Ва-гэ-цзы*, вооруженна-

го луками и стрѣлами, который ѣздилъ безъ сѣделъ и былъ такой храбрый, что все его боялись: отъ одного разбѣгались пятеро киданей. «У этого народа съ трехъ сторонъ все Ши-вэй»; иными словами, этотъ народъ располагался (судя по сдѣланному ранѣе описанію Ши-вэй), повидимому, въ Забайкальѣ. «Въ этой землѣ много мѣди, желѣза, золота, серебра; ихъ люди весьма искусны въ выработываніи мѣдныхъ и желѣзныхъ сосудовъ и тканѣ шерсти и парчи». Кто такіе были эти Ва-цзъ-цзы, остается совершенно темнымъ; можетъ быть, подъ ними то и скрываются предки нынѣшнихъ якутовъ, распространившіеся тогда по сѣверному Забайкалью при своемъ передвиженіи въ Якутскую область чрезъ Витимъ и по Ленѣ.

Относительно народа *Тн-ли-си-ши-гянь* слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ названіи, повидимому, соединены два слова. На Орхонскихъ памятникахъ встрѣчается слово «Тэлэсз» (въ тюрк. транск.); слово это является нарицательнымъ и опредѣляетъ собою извѣстную группу (классъ) народа, подвластную хану, скорѣе всего—«податныхъ», «оброчныхъ», на подобіе маньчжурскихъ «*бутха*». Въ восточныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ «*тълъ*» значитъ «уплатить»; «*тэлэнют*»—«крѣпостные для служенія султану»; «*тэлэюшю*»—«плательщикъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ, «элз» оначаетъ также «поколѣніе, родъ». На Орхонскихъ памятникахъ упоминаются «*тэлэс*» и «*тардуш*», какъ двѣ разныя группы понятій, при чемъ «*тардуш*»

была высшею и изъ нея избирались тюркскіе ханы. Въ якутскомъ языкѣ есть слово «Тэрдэ», которое означаетъ «происхожденіе, корень» и часто употребляется вмѣсто «уса»—«родъ»; въ другихъ нарѣчіяхъ «*таруй*» значитъ «сановникъ», «*тарханъ*»—«привилегированное сословіе». Часто встрѣчающееся въ китайской исторіи народное обозначеніе «*Тн-ли*» или «*Тн-лэ*» для обитателей Монголіи (иногда и Маньчжуріи на ея сѣверо-востокѣ), которое, въ сущности, не содержитъ въ себѣ опредѣленной племенной характеристики, отождествляютъ въ настоящее время съ вышеупомянутымъ древне-тюркскимъ «Тэлэс». Въ приведенномъ выше названіи первая часть «*Тн-ли-си*» признается равнозначною этому «Тэлэсз», а вторая «*ши-гянь*» является вполне созвучною съ р. Ши-гянь (Шиклэръ) эпохи династіи Танъ; а такъ какъ по географическимъ указаніямъ—«*Тн-ли-си-ши-гянь*» показываются непосредственными сосѣдями сѣверныхъ маньчжуръ (Мо-хэ) и даже нѣсколько сходными съ ними «по одѣянію, жилищамъ и языку», то едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ о западномъ районѣ Ши-вэй въ нынѣшнемъ Хулунбоирѣ, на Аргуніи и верхнемъ Амурѣ,—о «Тэлэс - Шилкэр».

«Юй-цюзэ» или «Юй-цюзлюй» сопоставляются съ *уйгурами*.

Китайское названіе *Дада* состоитъ изъ соединенія двухъ одинаковыхъ іероглифовъ «да» или «та»—«бить; наносить удары» и читается также «*Тата*». Въ

кантон. произношеніи оно даетъ «Тат-тат», въ корейск. «Даль-даль», въ япон. «Татс-татс», въ аннам. «Тат-тат». Въ памятникахъ домонгольскаго періода названіе это писалось разными знаками, которые большею частью читались *Дада*, иногда *Дадань* (*Татань*) и были общимъ обозначеніемъ *кочевыхъ* племенъ Монголіи и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, о которыхъ китайцы не могли имѣть точныхъ свѣдѣній. Это, несомнѣнно, было только бытовое прозваніе, но не родовое или племенное отличіе. Съ приближеніемъ къ монгольскому періоду китайцы начинаютъ говорить о трехъ родахъ *Дада*: *Бѣлыхъ*, *Черныхъ* и *Дикихъ*. *Бѣлые Дада*, *Ванъ-гу* или *Онюты*— это степные *тюрки* изъ Чжунгаріи, переселившіеся во времена династіи Танъ къ горамъ Инъ-шань. *Черные Дада* это тѣ, которые сохранили свой *кочевой* бытъ. Подъ *Дикими Дада* разумѣлись вообще племена охотничьи, лѣсныя и рыболовныя какъ *Урянха*, *Шуй-Дада* («рѣчные») и *Хэй-шуй-Дада* (т. е. сахалынь-уласкіе или амурскіе); послѣдніе были, очевидно *тунгусскаго* племени. Ясно, что названіе *Дада* неопредѣленное...Послѣ изгнанія монголовъ изъ Китая названіе *Дада* стало равносильно слову *Монголъ*. Названіе *Бѣлые Дада* для тюрокъ изъ Чжунгаріи, отъ хребта Тянь-шань, можетъ быть объяснено тѣмъ, что въ древности этотъ хребетъ назывался *Бай-шань* (*Бѣлыя горы*), по тюркски *Акъ-тагъ*. Къ *Чернымъ Дада* относился самъ Чингисъ—хань, его полководцы, ми-

нистры и главнѣйшіе чиновники, т. е. самое ядро монголовъ. Какъ извѣстно, до борьбы съ Китаемъ Чингисъ-хань прежде всего утвердился въ районѣ *Кара-кору-ма* (по кит. *Хэ-линъ*), гдѣ была одна изъ его ставокъ и гдѣ въ прежнія времена всегда располагались ханы-завоеватели, господствовавшіе въ Монголіи (гунны, жужань, тюрки, уйгуры), а *Хэ-линъ* въ переводѣ значитъ *Черный лѣсъ* (по-тюркски *Кара-кору*) и находился на Орхонѣ. Значитъ, въ итогѣ, подъ *Бѣлыми* и *Черными Дада* мы имѣемъ просто два обозначенія: *Тяньшаньскіе* и *Орхонскіе Дада*; и мы знаемъ изъ первыхъ же свѣдѣній объ уйгурахъ въ собственныхъ тюркскихъ преданіяхъ и персидскихъ записяхъ, что они всегда дѣлились на *Унъ-Уйгуръ* или «Десять-Уйгуръ» у *Тянь-шаня* и *Токузъ-Уйгуръ* или «Девять-Уйгуръ»—на Орхонѣ, Толѣ и Селенгѣ... О *Дикихъ Дада* распространяться нечего.

Въ исторіи самого Чингисъ-хана, поколѣнія, которыя сплотились первоначально подъ его властью, называются вообще *Дада* (*Тат-тат*). Они жили по Онону (гдѣ родился самъ Чингисъ-хань), Керулэну и Аргуни. Это были несомнѣнные кочевники, конный народъ. Ни одна изъ упомянутыхъ рѣкъ на Орхонскихъ памятникахъ (VIII ст.) не фигурируетъ, хотя тамъ выступаютъ и Селенга, и Енисей (Кемь), и Черный Иртышъ въ полномъ своемъ названіи, равно какъ и подлинныя названія народовъ *Кытай* (кидани), *Кыркызъ*—на Енисей, *Карлукъ* у Тянь-шаня, *Бай-*

ырку въ низовьяхъ Селенги, *Тонгра*-на Толъ и др. На тѣхъ же памятникахъ встрѣчаются одновременно названія *Татаръ* (это, несомнѣнно, кит. «*Тат-тат*» или *Дада*) и *Татабы*,—при томъ *оба не тюркскаго племени*. Въ исторіи самого Чингисъ-хана отдѣльно отъ «народовъ *Дада*» отмѣчается особый родъ *Татаръ*, между озерами Хулунъ и Боиръ, по р. Уршунъ, враждебный самому Чингисъ-хану, жившій вмѣстѣ съ народомъ *Унгира*. Съ этимъ родомъ *Татаръ* воевала Гиньская династія, и Чингисъ-ханъ помогъ ей разбить названныхъ *татаръ*... Относительно народа *Татабы* (встрѣчающагося лишь на Орхонскихъ памятникахъ, но нигдѣ не различаемаго въ китайской исторіи), основываясь исключительно на томъ, что, по Орхонскимъ надписямъ, тюрки дрались съ этимъ народомъ (на востокъ) въ 734 г.,—а именно въ этомъ году, по китайской исторіи, въ сраженіи съ киданями и ихъ союзниками тюрками у китайцевъ союзниками были только *Хи* (или *Кумохи*), полагаютъ, что послѣднихъ и нужно разумѣть подъ *Татабами*... Но тогда *Татабы* и *Татаръ* родственны между собою, потому что послѣдніе, несомнѣнно, были *ши-вэйцами*, а *ши-вэйцы*, *кидани* и *кумохи* принадлежали къ одному племени.

Объясненія, которыя пробовали давать самому названію *Дада* («*Тат-тат*»), весьма натянуты. Было уже сказано, что названіе это не являлось племеннымъ обозначеніемъ, а служило первоначально лишь общей ха-

рактеристикой вообще *кочевыхъ* племенъ всей восточной Монголіи, при чемъ всегда это названіе примѣнялось только къ разрозненнымъ, неорганизованнымъ племенамъ, неимѣвшимъ прочнаго политическаго устройства. Короче, это названіе касалось какого то общаго, но чисто бытового признака. Какъ извѣстно, въ Монголіи раньше другихъ выступаетъ въ исторіи и доминируетъ надъ другими *тюркскае* племя. Впередіи самихъ монголовъ фактически шли тюрки. Въ тюркскихъ же нарѣчіяхъ есть слово «тат», которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ обозначаетъ людей, отбившихся отъ своего племени, жалкихъ бѣдняковъ, сбродъ или празднопшатающихся и классъ народа, поданныхъ, не живущихъ въ городѣ. Такое понятіе «*тат*» вполне приложимо къ неорганизованнымъ разсѣянными кочевникамъ Монголіи, и вполне допустимо, что названіе *Дада*, въ указанномъ смыслѣ, имѣетъ тюркскае происхожденіе. Названіе *Гаочэ* («*высокая телма*»), распространенное китайцами ранѣе на тѣхъ же *кочевниковъ* Монголіи (въ кант. произн. *Гоу-чэ*, въ корейск. *Ко-ча*, въ япон. *Ко-ша*), несомнѣнно, имѣетъ въ своей основѣ ходовое среди восточныхъ тюркскихъ нарѣчій слово «*кэч*» или «*кэчюр*»—*перекочевывать* и «*кэчър*»—*кочевникъ*... Но для *Дада* можетъ быть еще и иное объясненіе. Одинъ изъ китайскихъ авторовъ X ст. поясняетъ, что названіе *Дада* дано было за грубый говоръ; при этомъ иероглифъ «*да*» значитъ «*бить*, *носить удары*»... Вмѣстѣ съ

гѣмъ невольно обращаетъ на себя странный единственный случай удвоенія одного и того же іероглифа «*да-да*» для внѣшней характеристики именно *кочевника* (внѣ какой либо зависимости отъ племенного происхожденія). Возможно, что здѣсь именно и кроется разгадка. Если принять во вниманіе шумъ, производимый передвигающимися кочевниками, стукъ колесъ, визгъ осей, хлопанье бичей, понуканія и рѣзкіе окрики на лошадей, то невольно является мысль: не есть ли разсматриваемое *Да-да* (вѣрнѣе «*Тат-тат*» а можетъ быть и «*тар-тар*») простое китайское народное *звукоподражаніе* гомону перекочевки, которое, вылившись въ слово *дада*, укоренилось затѣмъ и въ видѣ широкаго признака этнографическаго, уже по существу своему не могущаго быть сколько нибудь опредѣленнымъ?...

Окидывая бѣглымъ взглядомъ расположеніе древнихъ народовъ восточной Монголіи, Забайкалья, Маньчжуріи и Приамурья, мы можемъ набросать слѣдующую общую картину ихъ передвиженія и размѣщенія.

При династіи Хань (25—265 г.), когда Китай имѣлъ свою столицу въ нынѣшней провинціи Хэ-нань, въ Монголіи продолжало еще держаться тюркское племя *Гунновъ* (китайскіе *Хунну*), хотя подъ совмѣстными ударами китайцевъ съ юга и предковъ (У-хванъ и Сянь-би) позднѣйшихъ *Киданей* съ востока было почти совершенно обезсилено. Въ это время тюркскіе народы въ восточной Монголіи отъ Орхона, Толы и Селенги распространились на

сѣверъ въ западное Забайкалье— и среди нихъ древніе предки нынѣшнихъ якутовъ. У Байкала, въ Баргузинскомъ районѣ, благодаря водворявшимся тамъ китайскимъ плѣннымъ и перебѣжчикамъ, возникла въ эту эпоху, можетъ быть, впервые земледѣльческая культура. Остальное пространство къ востоку отсюда остается совершенно темнымъ. Можно только догадываться, что въ Хулунбоирскомъ районѣ населеніе стоитъ, какъ было и позже, на высотѣ скотоводческаго быта, потому что районъ этотъ, по *своему* положенію, безъ сомнѣнія, всегда находился въ тѣсныхъ связяхъ съ прилегающею частью Маньчжуріи, а тамъ, къ сѣверу отъ Кай-юаня, чрезъ Бодунэ, къ нынѣшнему Цицикару, располагалось древнее культурное владѣніе *Фу-юй*, гдѣ населеніе занималось земледѣліемъ, жило въ укрѣпленныхъ деревянными палисадами городкахъ (какъ позже дауры на среднемъ Амурѣ), имѣло хлѣбныя магазины и благоустроенные дома.

При династіяхъ Юань-Вэй (386—558 г.) и Тань (618—907 г.) въ Монголіи, имѣя средоточіе на Орхонѣ, въ древнемъ Кара-Корумѣ, гдѣ уцѣлѣли отъ тѣхъ временъ древне-тюркскіе памятники VIII ст., смѣняются въ своемъ господствѣ *Тюрки* и *Уйгуры* и на нѣкоторое время прорываются изъ Енисейской губерніи на Орхонъ *Киргизы* («*Кыркыс*» Орхонскихъ надписей или *Хягасъ* китайской исторіи). У Байкала живутъ *Якуты*, *Баргуты* (въ Баргузинскомъ районѣ) и *Курьканъ* на сѣверной и запад-

ной сторонах Байкала, а западнее ихъ (въ Енисейской губернии) тѣ же *Хягасы* (*Киргизы*). Хулунбопрекій районъ и все пространство на востокъ отъ него, отъ нынѣшняго Чжора (Чоль) къ Амуру у нынѣшняго Айхуня, а отъ него внизъ до устья Сунгари и вверхъ до Забайкалья, занято осѣдлыми земледѣльческими народами *Ши-вэй* и *Да-мо-лу* (*Доумо-лоу*) на мѣстѣ древняго, сошедшаго со сцены, Фу-юя. *Ши-вэй* и *Да-мо-лу*—предки нынѣшнихъ *Дахуровъ*, заимствовавшие земледѣліе съ юга, отъ корейцевъ, которые нѣкогда распространялись на западъ до Ляо-хэ, и отъ *Бо-хая*, созданнаго при посредствѣ тѣхъ же корейцевъ. Въ восточной Маньчжуріи, въ Нингунтинскомъ районѣ и Чанъ-бо-шанѣ, обитаютъ охотничьи поколѣнія древнихъ маньчжуровъ (*Бутха*), а на Уссуріи и по нижнимъ теченіямъ Сунгари и Амура — стоящія на степени выдѣлки каменныхъ и костяныхъ орудій рыболовно-охотничьи поколѣнія того же маньчжурскаго племени Мо-хэ (*Бутха*). Въ Южно-Уссурійскомъ краѣ находятся культурныя земледѣльческія владѣнія корейцевъ, простирающіяся въ районъ нынѣшняго Никольска-Уссурійскаго на Суйфунѣ и въ верхнее теченіе Уссуріи.

При киданьской династіи Ляо (916—1125 г.) тюркскіе народы, остатки древнихъ *Турковъ* и *Уйгуровъ*, утратившихъ все свое политическое значеніе (перешедшее въ восточной Монголіи къ *Киданямъ*, овладѣвшимъ самымъ Пекиномъ съ провинціями Чжили и Шань-си), еще продолжа-

ютъ жить на Орхонѣ и Толѣ. Въ Забайкальѣ на западъ—страна древнихъ *Баргутовъ*, а сѣверъ до верхней Ангары, также по Витиму, занять, повидимому, якутами *Ва-цзы-цзы*, весьма искусными въ выдѣлкѣ мѣдныхъ и желѣзныхъ сосудовъ и тканѣ шерсти и парчи (конечно, если достоверны тогдашнія свѣдѣнія китайцевъ). Съ трехъ сторонъ къ нимъ уже продвинулся, съ востока, въ Забайкалье народъ *Ши-вэй*, и если *Ва-цзы-цзы* (якуты) внесли сюда, совместно съ *Баргутами*, знаніе кузнечнаго и плавильнаго дѣла, то народъ Ши-вэй (дахуры) развили здѣсь земледѣліе и скотоводство. Съ сѣвера Забайкалье все еще продолжаетъ оставаться окаймленнымъ тунгусами-оленеводами, которые вполне опредѣленно отмѣчены здѣсь впервые только при династіи Танъ. На Кэрулэнѣ въ это время впервые же обозначаются *Мэнз-гу-ли* или позднѣйшіе *Мэнз-гу*. Не забудемъ только, что народъ, названный *Мэнз-гу Ши-вэй* въ исторіи династіи Танъ, если вѣрны ея географическія указанія, находился не здѣсь, а на Амурѣ, ниже Айхуня, до Сунгарійскаго устья.... Самое названіе *дахуръ* сохранилось, повидимому, отъ эпохи династіи Ляо въ лексиконѣ *солоновъ* (см. у А. О. Ивановскаго); по объясненію Пекинскаго ученаго комитета, слово это значитъ «земледѣлецъ». Если это объясненіе правильно, то при его посредствѣ, можетъ быть, разрѣшается и вопросъ о сущности самаго названія *Ши-вэй*. Что едва ли это названіе было племеннымъ, вытекаетъ изъ того, что, по кате-

горическому утверждѣнію самой исторіи, будучи одного племени съ киданями, народъ *Ши-вэй* назывался такъ лишь потому, что жилъ «на сѣверѣ»; значитъ, названіе имѣло подь собою чисто географическую основу. Это подкрѣпляется еще тѣмъ, что кидани вообще не имѣли племенныхъ и родовыхъ прозваній, а назывались по мѣсту жительства, и слѣдовательно, того же нужно ждать отъ родственныхъ имъ ши-вэйцевъ; да такъ оно и вытекаетъ изъ описанія самаго *Ши-вэй*. Отъ объясненія, что названіе *Ши-вэй* (въ древн. чт. *Шит-ой*) могло произойти отъ монгольскаго слова «земля»—*широй*, пришлось отказаться раньше, а въ маньчжурскомъ языкѣ подходящихъ словъ не имѣется. Рядомъ же съ этимъ мы знаемъ, что народное названіе *Мо-хэ (Бутха)* произошло отъ чисто бытового признака и что въ Маньчжуріи населеніе изстари подраздѣлялось на «промысловое (*Бутха*) и «осѣдлое», земледѣльческое (*Бойгонь*). Съ древнѣйшей эпохи, еще со времени *Фу-юя*, районъ, занятый потомъ народомъ *Ши-вэй*, выдѣляется въ исторіи какъ земледѣльческой и осѣдлости населенія является его отличительнымъ признакомъ. Потомки древняго народа *Ши-вэй*—позднѣйшіе дауры (дахуры)—съ самаго перваго своего выступленія въ исторіи также оказываются земледѣльцами. Наконецъ самое названіе *дахуръ* у бродячихъ солоновъ (по кит. источникамъ) означаетъ просто *земледѣлецъ*. Все это невольно приводитъ къ мысли, что и въ самой основѣ названія *Ши-вэй* ко-

ренится то же общее понятіе *осѣдлость*. Въ маньчжурскомъ языкѣ это выражается словомъ *бойгонь*, отъ «*боо*»—«*домъ*». Въ словѣ же, *Ши-вэй* первый китайскій іероглифъ «*ши*» какъ разъ обозначаетъ собою «*домъ*», «*комната*». При такомъ совпадѣніи вполне можно допустить, что кит. *ши-вэй* представляетъ собою только синонимъ маньчж. *бойгонь*, и ничего болѣе, т. е. опять же, какъ и *мо-хэ (Бутха)*, является только бытовымъ признакомъ, обратившимся въ прозваніе. Такими же точно чисто бытовыми или мѣстными (но не племенными) признаками являются также названія *ороньчонъ* («оленевождь»), *солонъ* («верхній» по рѣкѣ житель), *хэ-чжэ* или, вѣрнѣе, *хычжа* («низовой» житель), *мангунъ* («рѣчной» житель) и др.

Со времени династии Ляо о народѣ *Ши-вэй* въ указанномъ районѣ болѣе уже не упоминается, но, конечно, не потому, что народъ этотъ исчезъ, а лишь вслѣдствіе того, что вся западная Маньчжурія обратилась вообще въ страну болѣе или менѣе земледѣльческую и вышеотмѣченный бытовой признакъ для прежняго района *Ши-вэй* утратилъ свою наглядность. Въ это время земледѣліе распространялось уже вдоль всего верхняго Амура, отъ Забайкалья до устья Сунгари, и по Зеѣ. Въ названной исторіи встрѣчается указаніе, что на сѣверо-востокѣ Маньчжуріи, за народомъ *Мо-хэ* (маньчжурь), въ 2,500 вер. отъ Верхней киданьской столицы (*Шань-цзинь*), находился народъ *Ть-ли* (иначе *Ть-лѣ-мъ*), независимый отъ ки-

давей, скрывавшійся въ горахъ и лѣсахъ, который торговалъ съ киданями *крупными лошадьми, кречетами, бѣлчыми, собольими и рыбными шкурами*. На юго-востокъ отъ него лежали земли народовъ *А-ли-мъй, У-ни* и *По-гу-лу*, которые «отличались отъ Нюйчжэней (маньчжуровъ) платьемъ, языкомъ, жилищами и хлѣбопашествомъ». Въ каждомъ изъ этихъ народовъ считалось по 10.000 семействъ (?). Кидани утверждали ихъ старшинъ; но они не платили собственно податей, а только представляли дань изъ лошадей, мѣховъ, рыбныхъ шкуръ и воску; при этомъ они свободно сообщались и торговали съ жившими на сѣверѣ народами... Китайскіе географы принимаютъ, что народъ *Ть-ли* или *Ть-ль-мъ* жилъ въ нижнемъ Амурѣ, вблизи его устья, и отождествляютъ его съ народомъ *Цзи-ль-ми* (*Ги-ль-ми*), обозначеннымъ на древнемъ китайскомъ памятникѣ на скалѣ *Тырз* (на Амурѣ, противъ устья Амгуни) въ качествѣ населенія этого района («*страна Пургань*») Но это совершенно невѣрно, потому, что означенный народъ *Цзи-ль-ми*, какъ указано въ надписи, имѣлъ лишь ѣздовыхъ собакъ, стоялъ на низкой ступени развитія и хлѣбопашества совершенно не зналъ. Такъ оно наблюдается и до сихъ поръ у инородцевъ нижняго Амура и Амгуни. Самый восточный *конный* народъ на Амурѣ это *манегиры* и *бирары* на Буреѣ и ея притокѣ *Тырмы*, но и они земледѣлемъ не занимаются. Народъ *Ть-ль-мъ* это, безъ сомнѣнія, древніе обитатели именно р.

Тырмы, названіе которой въ кит. транскрипціи какъ разъ и будетъ *Ть-ль-мъ*. Что касается земледѣльческихъ народовъ *А-ли-мъй, У-ни* и *По-гу-лу*, отличавшихся, при томъ, *по языку*, отъ *Мо-хэ* (маньчжуровъ), то ими могли быть только *корейцы* въ Уссурійскомъ краѣ или же *дауры* на среднемъ Амурѣ. Для корейцевъ это почти невѣроятно, по самому положенію и исторической обстановкѣ; остаются такимъ образомъ только дауры. Въ срединѣ XVII ст. наши казаки (и раньше ихъ маньчжуры) застали земледѣльческое населеніе дауровъ, а ниже ихъ дочеровъ, по всему Амуру до устья Уссури; за ними шли уже *натки* (гольды). Рѣка Уньма, правый притокъ нижняго теченія Кура, впадающаго въ Амуръ у Хабаровска, называется также *Урми* и приходится на юго-востокъ отъ *Тырмы*. *А-ли-мъй* и *Урми* (въ кит. транскр. *У-ли-ми*) должно быть одно и то же. Вверхъ отсюда, между устьями Уссури и Сунгари, ближе къ послѣдней, впадаетъ р. Бира, большой правый притокъ которой носитъ названіе *Онз-бира* («рѣка *Онз*»); это можетъ быть древняя *У-ни*. Народъ *Пу-гу-лу*, повидимому, то же самое, что *Бохорз* или *Бомбогорз*, о которомъ упоминается у маньчжуровъ во время ихъ экспедицій на Амуръ незадолго до прихода туда казаковъ, потому что *Бохоръ* въ кит. транскр. даетъ *Бохолу*; народъ этотъ былъ земледѣльческій и жилъ въ укрѣпленныхъ городкахъ, слѣдовательно, принадлежалъ къ даурамъ. Наконецъ, что при упоминаніи о народахъ *А-ли-мъй, У-ни* и *По-гу-лу*

рѣчь идетъ именно объ амурскихъ даурахъ въ среднемъ теченіи рѣки, слѣдуетъ еще изъ того, что болѣе нигдѣ объ этомъ районѣ въ исторіи династіи Ляо не упоминается и указанія ея съ Хулунбопрскаго района, отъ народа *Ть-ли-си-ши-гянь*, прямо переходятъ къ средней Маньчжуріи на Сунгари и затѣмъ въ нижній Амуръ, минуя Айгунскій районъ. Объясняется это тѣмъ, что путь киданьскихъ посланцевъ для покупи кречетовъ (охотничьи сокола), которыми славился нижній Амуръ, шель по теченію Сунгари, и свѣдѣнія о даурахъ на среднемъ Амурѣ могли быть добыты киданями только со стороны Сунгарійскаго устья.

При династіи Гинь (1125—1234 г.) идетъ борьба между древними маньчжурами и народами *Татаръ* (въ Хулунбоирѣ) и *Мэнг-гу* (въ восточномъ Забайкальѣ). Въ Цицикарскомъ районѣ имѣется много древнихъ развалинъ бывшихъ укрѣпленій. Къ западу отъ Цицикара, между р. Яль и Іонъ-голь, на современныхъ картахъ показывается древній поперечный земляной валъ «уркэ-хэримъ»; такой же земляной валъ, приписываемый Чингисъ-хану, находится въ нижнемъ теченіи р. Гань (правый притокъ Аргуни). Все это свидѣтельствуетъ о древнемъ укрѣпленномъ районѣ для обороны со стороны Хулунбоира.... Въ Уссурійскомъ краѣ маньчжуры въ это время вытѣсняють земледѣльческія корейскія колоніи, образовавшіяся здѣсь со временъ *Бо-хая* (VIII ст.) и протянувшіяся до верхняго теченія Усури. Въ самомъ Забай-

кальѣ, подъ совмѣстнымъ вліяніемъ древнихъ Баргутовъ, Якутовъ и Дахуровъ, на короткое время (но не вполне яснымъ китайскимъ свѣдѣніямъ) выдвигается «Мэнгуское царство», но затѣмъ снова теряется въ исторіи... Сама Маньчжурія въ западной своей части становится, несомнѣнно, культурною; объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣды древнихъ ея городовъ и крѣпостей и уцѣлѣвшія китайскія надписи на памятникахъ въ Нингутѣ и нашемъ Никольскѣ - Уссурійскомъ. Но какъ и при послѣдней Маньчжурской династіи, цвѣтъ населенія былъ выведенъ отсюда въ завоеванный Пекинъ и страна не только не пошла дальше, но къ срединѣ эпохи самый маньчжурскій языкъ началъ уже растворяться въ китайскомъ до того, что династія стала принимать мѣры къ его охранѣ... На среднемъ Амурѣ въ это время сохранялось, безъ сомнѣнія, прежнее положеніе; во всякомъ же случаѣ онъ весь находился подъ властью династіи Гинь; но нижнее его теченіе продолжаетъ описываться какъ некультурная страна, занятая дикарями *Чжираминь* или *Гириминь* (*Цзи-ль-ми* Тырскихъ памятниковъ) и *Удаха* (древніе *орочи* на Усури и къ востоку отъ нея, которые и теперь еще называютъ себя *Удихэ* или *Удилэ*). Южно-Уссурійскій край въ это время составлялъ особую область *Сюэ-пинь* (*Суйфунъ*)—до Тюмень-улы на югъ и устья Усури на сѣвѣрѣ; многочисленные остатки древнихъ крѣпостей въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, слѣды дорогъ, высѣченныхъ иногда въ скалахъ

(путь отъ района Никольска чрезъ Улахэ къ Сучану), относятся, главнымъ образомъ, къ этой эпохѣ, но принадлежать, по всей вѣроятности, корейцамъ, которые могли оставаться здѣсь въ качествѣ побѣжденной народности; въ исторіи имѣется упоминаніе о *возстаніи* здѣшняго населенія, которое соединилось съ этою цѣлью съ корейцами района Тюмень-улы.

При Чингисъ-ханѣ со стороны Забайкалья выступаютъ новые завоеватели—монголы; основанная имъ династія Юань къ 1280 г., при ханѣ Кублаѣ (кит. Хубилай), овладѣваетъ всѣмъ Китаемъ и Маньчжуріей, вплоть до устья Амура (страна Нургань), куда монголы высылали иногда своихъ ссыльныхъ. Войны монголовъ и борьба самого Чингисъ-хана въ Забайкальѣ, до образованія имъ династіи, должны были обезлюдить Забайкалье и естественно понизить его культуру, созданную до того смѣшанными народами. Въ исторіи Чингисъ-хана приводится длинный рядъ родовъ, вошедшихъ въ составъ монголовъ, но прямого упоминанія объ якутахъ нѣтъ, хотя Баргузинскій районъ (*Баргучжинь*) называется не разъ. При распредѣленіи улусовъ между сподвижниками Чингисъ-хана одному изъ послѣднихъ былъ отданъ народъ, который жилъ въ земляныхъ укрѣпленіяхъ (по кит. *Ту-чэнг*—«земляные валы») или, можетъ быть, за землянымъ валомъ (около Цицкара и устья р. Гань?). Чжамуха, сначала другъ Чингисъ-хана, а потомъ его соперникъ, стоялъ во главѣ родовъ, жившихъ по аргу-

ни и Гани (въ нижнемъ теченіи ея сохранился донинѣ земляной валъ) и, несомнѣнно, связанныхъ съ населеніемъ Шилки и верхняго Амура, т. е. съ даурами. Среди родовъ въ это же время впервые упоминаются *Ойрадз - Бурядз*, безъ сомнѣнія, предки нынѣшнихъ бурятовъ Забайкалья. Отряды Чингисъ-хана проникали на сѣверозападъ Монголіи въ земли *урианхайцевъ* на озерѣ Косоголь, а оттуда на верхній Енисей (Кемь), въ страну *киргизовъ*, въ предѣлы Енисейской губерніи; но такъ какъ на нижней Селенгѣ въ югозападномъ Забайкальѣ еще продолжали жить прежніе *Мьркинты*, то нужно думать, что буряты съ сѣверной стороны Байкала еще не продвинулись къ югу и востоку и на Витимѣ къ XIII ст. еще продолжали оставаться якуты, тянувшіеся на Лену. Интересно при этомъ отмѣтить слѣдующее совпаденіе: жившій на сѣверной сторонѣ Байкала (и, повидимому, *отуреченный*) народъ *Курыканз* Орхонскихъ памятниковъ (*Гу-ли-гань* Танской исторіи) упоминается на послѣднихъ въ составномъ наименованіи *Учь-Курыканз*, т. е. (по тюркски) «*Три-курыканз*»; а экспедиціи Чингисъ-хана въ лѣсахъ на сѣверозападѣ вмѣстѣ съ «лѣсными народами» *Урианха, Ойра, Киргисз* и др. присоединяютъ къ монголамъ также и народъ «*трехз Гурханей*», что совершенно совпадаетъ съ *Учь-Курыканз*... Какъ извѣстно, въ настоящее время всѣ недавнія, считавшіяся вполне прочно установленными, мнѣнія о самобытности монгольскаго языка подвергнуты полному сомнѣ-

нію и даже опровергнуты, но новыя опредѣленія, по недостатку матеріаловъ, еще не установлены. Несомнѣнно, въ монгольскій яз. входятъ элементы тюркскаго, тунгусскаго и маньчжурскаго языка. Забайкалье, какъ мы видѣли, въ теченіе долгаго періода времени являлось котломъ, гдѣ языки должны были смѣшиваться: съ юго-запада напирали тюркскія племена, которыя отуречили и Прибайкалье; съ сѣвера же и сѣверо-востока располагались тунгусскіе народы. Монгольскій языкъ долженъ былъ выработаться подъ этимъ смѣшаннымъ вліяніемъ, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется тотъ фактъ, что въ древней исторіи Монголіи китайцы до Чингисъ-хана различаютъ, въ сущности, только тюркскія (или отуреченныя) и тунгусо-маньчжурскія народности, монголы же (по языку) совершенно не видны. Если вы разбираетесь по китайскимъ даннымъ въ исторіи тюркскихъ племенъ, то, идя съ запада на востокъ, встрѣчаете границу ихъ у самой Маньчжуріи; если же смотрите со стороны Маньчжуріи, т. е. съ востока, то маньчжуро-тунгусская граница отодвигается почти къ Байкалу, Селенгѣ и Орхону. Забайкалье покрывается либо тѣмъ, либо другимъ, а названія рѣкъ Кэрулэнъ и Аргунъ впервые опредѣленно выступаютъ только при Чингисъ-ханѣ. Вотъ почему разобратъ въ племенномъ составѣ и языкѣ древнихъ народностей Забайкалья весьма трудно, тѣмъ болѣе, что китайскія свѣдѣнія о нихъ очень отрывочны и неопредѣленны.

Въ дополненіе къ тому, что

монгольскій языкъ (и сами монголы) *опредѣленно* выступаютъ въ исторіи (на Кэрулэнѣ, Ононѣ и Аргуни) только вмѣстѣ съ Чингисъ-ханомъ, считаю интереснымъ привести справку профессора Восточнаго института П. П. Шмидта, что, по заявленію и. д. профессора монгольскаго языка Цибикова, *дахурскій* языкъ въ одной книгѣ, написанной въ Цицикарѣ въ 1813 г. на этомъ языкѣ, имѣетъ «поразительное сходство» съ *бурятскимъ* нарѣчіемъ *монгольскаго* языка. А въ «Очеркахъ тунгусскаго языка» (1903 г.) В. Птицынъ утверждаетъ, что на языкѣ голоусненскихъ тунгусовъ самое слово «*дауръ*» означаетъ *бурята*.

О позднѣйшемъ времени въ Маньчжуріи и Приамурьѣ распространяться нѣтъ надобности, такъ какъ все главнѣйшіе моменты отмѣчены уже раньше. Борьба съ Чингисъ-ханомъ и послѣдующее затѣмъ крушеніе династїи Гинь, конечно, снова отодвинули Маньчжурію, въ культурномъ смыслѣ, назадъ. При китайской династїи Минь (1368—1644), свергнувшей владычество монголовъ въ Китаѣ, сѣверная и восточная Маньчжурія не играли никакой политической роли. Экспедиція на судахъ по Сунгарю въ устье Амура въ началѣ XV ст. (вызванная, повидимому, слухами, что тамъ живетъ народъ *Мангу* (нынѣшніе *орочи-мангуны*), и опасеніями, что это тѣ же монголы) обнаружила, какъ свидѣтельствуютъ Тырскіе памятники, что нижній Амуръ и въ то время, за пять столѣтій до насъ, оставался такимъ же дикимъ и малона-

селеннымъ, какимъ засталъ его графъ Муравьевъ-Амурскій, а до него, за 200 лѣтъ ранѣе, Поярковъ и Хабаровъ. Тырскіе памятники начала XV ст. (на нихъ имѣется совершенно точная дата) удостовѣряютъ еще и другой фактъ. На памятникахъ упомянуто, что къ западу отъ скалы (и мыса) Тыръ на Амурѣ находилась станція (для передвиженія на собакахъ) *Мань-узинь*; на первыхъ же картахъ покойнаго Невельского и въ его записяхъ—къ западу отъ Тыра показано инородческое селеніе *Манзи*. За пятьсотъ лѣтъ, истекшихъ послѣ постановки Тырскихъ памятниковъ, туземное населеніе нижняго Амура такимъ образомъ не перемѣнилось и мѣстныя названія остались нетронутыми. Очевидно, въ этой части края за указанное время не совершалось никакихъ глубокихъ народныхъ передвиженій.

Такимъ образомъ изъ сдѣланнаго историческаго обзора явствуетъ, что нашъ Приамурскій край въ культурномъ отношеніи еще совершенно молодой и нетронутый. Онъ прожилъ еще только первое полустолѣтіе культурной жизни со временъ Муравьева, рѣшительно безъ всякаго наслѣдія отъ прошлаго, потому что древнія культурныя начинанія былаго даурскаго земледѣльческаго населенія по верхнему и среднему Амуру и на Зеѣ были заглушены въ концѣ XVII ст. маньчжурами *выселеніемъ* оттуда дауровъ для созданія пустыни, чтобы лучше воспрепятствовать новому вторженію туда нашихъ отрядовъ изъ

Забайкалья, а культура корейская въ Южно-Уссур. край была подавлена тѣми же маньчжурами, въ послѣдній разъ, еще въ самомъ началѣ XVII ст., когда маньчжуры спланировали въ военную организацію и пополняли свои ополченія захватомъ плѣнныхъ на своихъ окраинахъ. Для культуры Южно-Уссурійскаго края это оказалось настолько пагубнымъ, что уже къ началу XVIII ст. (1709 г.) край представлялъ такую же глухую пустыню, какъ и средній Амуръ. Что касается нижняго Амура, то онъ никогда не имѣлъ своего культурнаго населенія выше нынѣшнихъ инородцевъ, первобытныхъ рыболововъ—звѣропромышленниковъ, какими они являлись и 500 и 1500 лѣтъ тому назадъ.

Эта историческая перспектива наглядно показываетъ, съ одной стороны, какихъ огромныхъ государственныхъ усилій требуетъ нашъ край для своего культурнаго возрожденія и роста, а съ другой стороны—какъ мало еще прожито и какъ мало еще было дано времени новымъ колонизаторамъ, чтобы предъявлять къ нимъ какія-либо серьезныя экономическія требованія и возмѣщать за ихъ счетъ сдѣланные государственные расходы. *Восемьсотъ пятьдесятъ тысячъ душъ* всего частнаго населенія на пространствѣ двухъ огромныхъ областей—Приморской и Амурской—это отчетливый показатель фактической экономической несостоятельности и еще полной зависимости всей колонизаціи отъ окружающихъ сосѣдей. А между тѣмъ колонизаціонные районы, доступные срав-

нительно легкой сельско-хозяйственной обработкѣ, въ общихъ чертахъ давно уже выяснены; они тѣ же самые, какіе были заняты и въ прошломъ: на сѣверѣ даурами, на югѣ корейцами. Дальнѣйшее расширеніе колонизаціи за счетъ первобытной тайги, въ тяжелой борьбѣ съ нею, будетъ идти уже туже, съ несравненно большими усиліями и большими разочарованіями, потребуетъ для своего осуществленія людей сильныхъ, стойкихъ, привычныхъ къ тайгѣ и тяжелой почвѣ. Гдѣ же ихъ взять и чѣмъ удержать отъ обратнаго бѣгства новыхъ переселенцевъ, изъ обстановки, которая сразу же глушитъ ихъ своею необычностью, своими неожиданностями, обращающими ожидавшіеся «кисельные берега» въ непролазныя болота?..

Въ настоящее время идетъ «обслѣдованіе» края въ смыслѣ выясненія практической возможности дальнѣйшаго расширенія колонизаціи и развертки новыхъ переселенческихъ «долей» подъ будущее заселеніе. Но это лишь элементарная «схема колонизаціи», бросать въ которую новое переселеніе, безъ сѣти грунтовыхъ дорогъ, безъ детальнаго опредѣленія на планѣ хозяйственныхъ качествъ и соотношеній самыхъ «долей», чтобы новому въ край переселенцу сразу же рисовалась надлежащая картина дѣйствительнаго владѣнія почвою и климатическими условіями, а не однѣ лишь мертвыя «десятины», все-таки нельзя. Для всего этого вновь нужны крупныя средства и много времени. Быстрой успѣшности отъ такой работы,

если она ведется серьезно, ожидать, конечно, нельзя. Но какъ бы ни шла удачно эта работа, все-таки безлюдный горный массивъ Сихотэ-алиня съ карты снять нельзя и въ колонизаціонный районъ обратить невозможно. Нельзя рассчитывать также и на нижнее теченіе Амура выше, чѣмъ на промысловый, рыболовный районъ. Не безнадежна, конечно, въ смыслѣ достаточной колонизаціи (помимо «станцій») и восточная часть Амурской желѣзной дороги; но все это еще въ будущемъ и тоже потребуетъ большихъ усилій по суровымъ условіямъ совершенно новой жизни. Развитіе горной промышленности, обработка металловъ (кромѣ золота), добыча угля, нефти,—все это стоитъ въ тѣсной зависимости отъ привлеченія свободныхъ капиталовъ, потому что въ край ихъ нѣтъ; но капиталы со стороны до сихъ поръ сюда не идутъ, хотя объ этомъ кричатъ, шипутъ и «докладываютъ» съ самаго занятія Приамурья. О фабрично-заводской промышленности вообще «въ скоромъ будущемъ»—благоразумно перестали даже мечтать.

Таковы суровыя реальныя «ограниченія» для всякихъ слишкомъ обобщенныхъ чаяній въ области дальнѣйшаго «роста» колонизаціи и «будущаго» развитія края, какъ только вопросы эти переходятъ на почву практическую, дѣловую. На все это нужно, прежде всего, время, и очень много времени. Я вовсе не пессимистически отношусь къ краю; но я отчетливо понимаю, что при всѣхъ благопожеланіяхъ все-таки ничего «по щучьему велѣнію» те-

перь не дѣлается. Жизнь края шла и впредь будет идти только «своимъ чередомъ» въ зависмости не отъ рисующихся миражей, а только отъ реальныхъ возможностей, отъ доступнаго краю сочетанія труда, средствъ, дѣловой инициативы и соответствующаго рынка.

Практическая колонизационная емкость Приамурья въ данное время такова, что никакимъ образомъ ускореннымъ темпомъ идти дальше не можетъ, потому что наиболѣе доступный мѣстный земельный фондъ для сельско-хозяйственной дѣятельности почти уже исчерпанъ.

Никакая промышленность и промысловая дѣятельность безъ достаточнаго, обезпеченнаго ко-

личества мѣстныхъ рабочихъ рукъ, изъ чахлаго, зачаточнаго состоянія выйти не могутъ, какъ не могутъ онѣ также строить свои расчеты на рабочей силѣ, временно привозимой сюда за 7—8 тысячъ верстъ. А мѣстныхъ рабочихъ рукъ для найма въ требующемся количествѣ сама колонизация еще не выдѣляетъ.

Что «будетъ» — это надо еще создавать и ждать.

Практическая жизнь, какъ она есть, мирится только съ *реальными* соотношеніями и съ тѣми возможностями, какія изъ нихъ вытекаютъ въ минувшей и текущей наличности, въ пережитомъ опытѣ.

Благими намѣреніями давно вымощенъ весь адъ *).

III.

«Лишнія» губерніи.

Графъ Муравьевъ-Амурскій присоединилъ цѣлое Приамурье — и вышло хорошо.

Графъ Витте построилъ только городъ Дальній, и оказалось очень худо, потому что изъ Дальняго вышелъ японскій Тайрень.

Пресловутый городъ Дальній еще не закончился постройкою, а его уже прозвали городомъ *Лишнимъ*.

Весь «плюсъ», который можетъ быть еще записанъ «въ кредитъ» покойному городу Лишнему и, конечно, «въ дебетъ» здравствующему японскому городу Тайрену, заключается въ той суммѣ, какую не успѣли до занятія японцами въ него «довложить»...

Послѣ несчастной русско-

японской войны въ русской жизни получилось какое-то общее оше-

*) *ПРИМЪЧАНІЕ.* Въ настоящемъ историческомъ очеркѣ, чтобы не загромождать его и не растягивать еще больше, я не дѣлалъ, за очень немногими исключеніями, ссылокъ на источники. Этими источниками я располагаю, а самой исторіей народностей Монголіи и Маньчжуріи детально занимаюсь уже давно. Предложенный очеркъ содержитъ собственно только частичные выводы изъ моей работы, которые здѣсь я старался обосновать лишь въ самомъ сжатомъ видѣ, чтобы они не казались совершенно голословными. Въ моихъ рукахъ имѣется (или имѣлся) почти весь главнѣйшій переводный матеріалъ съ подлинныхъ китайскихъ текстовъ на европейскіе языки (отчасти и самые тексты) и наиболѣе капитальная работа по данному вопросу, въ особенности благодаря Восточному Институту.

ломленіе. Все русское мышленіе вывернулось на-изнанку. И въ этомъ ошеломленіи, хватаясь, какъ утопающій за соломинку, бросились спасать Дальній Востокъ отъ «окончательнаго краха».

Въ видѣ частнаго эпизода во время войны какая-то промысловая японская шхуна, «пользуясь незащищенностью Камчатки», возымѣла намѣреніе водрузить тамъ японскій флагъ...

Послѣ войны поднялся вопросъ о томъ, какъ защитить Камчатку отъ подобныхъ покушеній и предохранить ее вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякаго рода «мирныхъ захватовъ», о которыхъ досужіе люди усердно трубили во всѣ трубы.

Въ Государственной Думѣ народныя трибуны кричали во всю силу легкихъ. Ихъ нужно было чѣмъ нибудь успокоить, ввести въ норму и отвлечь отъ тѣхъ упрековъ, которые сыпались отовсюду за проспанную подготовку къ войнѣ.

И порѣшили создать Камчатскую «губернію». «Быль вечеръ, было утро—день первый».

Мнѣ кажется, что я несколько не утрирую ту психологическую почву, на которой созрѣлъ и далъ плодъ вопросъ о Камчатской «губерніи»:—представлялось неотложнымъ «что нибудь» сдѣлать. Хоть разгрести перегорѣвшіе уголья послѣ пожараща.

Теперь Камчатская «губернія» существуетъ какъ область, имѣющая, по календарю, вмѣстѣ съ Чукотскимъ полуостровомъ, несчитаннаго населенія общео численностью до... 25.000 душъ. Столица Камчатки—городъ Пе-

тропавловскъ достигъ численности... 800 душъ. Въ мою бытность тамъ, 28 л. тому назадъ, онъ насчитывалъ всего только 400 обывателей. Значить, по статистической терминологіи, населеніе за четверть вѣка «удвоилось» и «норма роста населенія», установленная примѣромъ Америки еще Мальтусомъ въ его «Опытѣ о законѣ народонаселенія», блестяще выполнена. Можно даже сказать съ увѣренностью, что раньше только единственный, нынѣ заштатный, «городъ» Софійскъ на Амурѣ отставалъ отъ Петропавловска:—въ немъ было всего только 40 жителей.—«Ровно пудъ изъ 40 фунтовъ», какъ выразился (покойный) исправникъ Овчинниковъ въ доброе старое время, докладывая (покойному же) барону Корфу о благополучномъ рожденіи давножданнаго «сорокового» обывателя «во вѣренномъ ему городѣ», явленнаго по начальству акушеркою.

Вмѣстѣ съ образованіемъ Камчатской «губерніи» тамъ открывается и особый Окружный судъ. Если открывается особая Камчатская епархія—то это понятно. Но для Окружнаго суда камчатская наличная судебная статистика прямо убійственна: въ теченіе цѣлаго года равнымъ счетомъ *девятъ дѣлъ!*

Утверждали, что Камчатка задыхается отъ отсутствія путей сообщенія и недостатка сильной административной власти. Выходитъ такимъ образомъ, что Камчатская «губернія»—счастье для камчадаловъ, а плохіе пути сообщенія — несчастье. Я утверждаю обратное: плохіе пути сообщенія

для камчадаловъ счастье, а «губернія» и Окружный судъ несчастье и для нихъ самихъ, и для камчадаловъ.

Еще древній китайскій философъ Лао-цзы училъ: «Если бы не было судей, не было бы преступленія. Если бы не было чиновниковъ, не было бы безпорядка. Если бы люди жили въ простотѣ, какъ имъ диктуетъ сама жизненная обстановка, не было бы соціального зла, горя и несчастія».

Сильная самостоятельная власть въ такомъ медвѣжьемъ углу, какъ Камчатка, это неустрашимое несчастье для населенія.

Знаете ли вы, изъ чего слагается, такъ называемая, жизнь въ медвѣжьемъ углу?

Я отчетливо помню жизнь въ заливѣ Де-Кастри. Въ время одного изъ плаваний въ старое время мнѣ пришлось быть тамъ съ покойнымъ военнымъ губернаторомъ Приморской области Барановымъ.

Сумрачная, съ темными, почти черными берегами и мертвенной тишиной бухта. Ни одной шлопки на водѣ. Только кричатъ выющіяся надъ нею чайки или молчаливыми бѣлыми поплавами покачиваются на легкой зыби. Кругомъ—глухой таежный лѣсъ безъ пролаза.

Все населеніе состояло изъ сотни душъ: два-три офицера, воинская команда, телеграфный начальникъ съ семьей и лавочникъ, тоже семейный.

Всѣ мѣстные преданія и достопримѣчательности исчерпывались лѣсомъ, изъ котораго при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ взводъ казаковъ обстрѣливалъ

изъ ружей англо-французскую эскадру, а та жарила по деревьямъ ядрами.

Сидя въ каютъ-кампаніи (покойный) Барановъ вспомнилъ, какъ ему, по службѣ, пришлось зимовать въ посту Де-Кастри.

—«Отъ тоски, отъ безлюдья и монотонности всѣ почти окончательно одурѣли. И вдругъ въ сосѣди къ намъ забрель... медвѣдь! Знаете, что съ нами было, господа?... Обрадовались, какъ лучшему другу! Охота, конечно, была воспрещена. Но во всѣ дни, во всѣ недѣли, пока медвѣдь оставялъ свои слѣды въ сосѣднемъ лѣсу, мы чувствовали въ немъ своего родного, близкаго. Съ утра до вечера «медвѣдь» былъ главною, почти исключительною темою для разговоровъ. Ложась спать, мы думали о медвѣдѣ; просыпаясь, справлялись другъ у друга, не ушелъ ли медвѣдь изъ Де-Кастри. И дѣйствительно, всѣ искренно загрустили, когда со-страдательный медвѣдь, все-таки, покинулъ нашу глухую трущобу:—вѣдь, два—три мѣсяца онъ былъ единственнымъ фокусомъ всей нашей «общественности», скрашивалъ собою всю нашу отчаянно-глухую, убійственно тягостную жизнь, въ которой культурный человѣкъ незамѣтно возвращается все ближе и ближе... къ звѣроподобію»....

И въ Петропавловскѣ, какъ извѣстно, тоже держится лишь единственное преданіе: какъ въ 50-хъ годахъ «отбивали» англо-французскій десантъ. Послѣ же того «ничего не было», все прошло мимо...

Когда Камчаткою и побе-

режьями Охотскаго моря правили подчиненные исправники, на нихъ наѣзжали ежегодныя ревизіи, разносили, выслушивали жалобы, и населеніе ясно чувствовало, что хоть и силенъ исправникъ, а при нуждѣ и онъ поджимаетъ хвостъ, потому что надъ нимъ тоже есть прямое близкое начальство. А «губернаторъ» въ Камчаткѣ?...

Губернаторъ въ Камчаткѣ доподлинно знаетъ, у кого что каждый день на обѣдъ варится, кто съ женой перессорился, тещу обидѣлъ, ѣздовыхъ собакъ на приколь не подвязалъ, какъ слѣдуетъ, или «осудилъ» вольнодумно ближайшее начальство, когда то несвоевременно откозыряло въ картахъ.

Сопоставьте самостоятельную «сильную власть» и всѣ эти житейскія мелочи, личныя дразги, наговоры—и сообразите, что отъ всего этого смѣшенія, при мелочности интересовъ, произойдетъ въ практической жизни, изъ тисковъ которой не въ состояніи уйти ни сама «сильная власть», ни эти 800 подначальныхъ обывателей. Произойдетъ одна сплошная путаница, въ которой всѣ отношенія получаютъ специфическій захолустный отгѣнокъ или подслуживанія, или враждебности. Это такъ понятно и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно. Такова жизнь во всѣхъ медвѣжьихъ углахъ.

Первый камчатскій губернаторъ, обезпкоенный воемъ ѣздовыхъ собакъ, которыхъ обыватели «изстари» держали на приколахъ въ городѣ, распорядился, чтобы собакъ «выдворили за городъ». Теперь псы воютъ еще отчаяннѣе, губернатору вой этотъ

рѣжетъ непривычное ухо еще невыносимѣе, а обыватель тоскуетъ и безпокоится о сохранности своихъ нартовыхъ коней. Порядокъ только усугубилъ собою безпорядокъ и, конечно, не къ престижу «сильной власти».

Мнѣ лично рассказывали, какъ въ Петропавловскѣ солидные люди ходили къ пріятелю въ свободное время поиграть въ винтъ. «Сильная власть» картъ не любила... Въ обезпеченіе съ этой стороны ставни въ домѣ игроковъ закрывались словно на ночь; а чтобы благополучно миновать осуждающее начальническое око, любители винта старались прошмыгнуть мимо «власти» подъ подоконникомъ, пригнувши колѣни.

«Сильная власть» чрезъ это становилась, конечно, выше; но согнутая чиновничья спина и пригнутыя колѣни воспитывали, ужъ конечно, не служебныя доблести въ подчиненныхъ....

Другая лишняя «губернія» еще своеобразнѣе. Это сѣверный Сахалинъ—тотъ обрѣзокъ, который остался на нашу долю. На немъ, ровнымъ счетомъ, 8,000 душъ населенія изъ полудикихъ инородцевъ, не знающихъ употребленія мыла («хорошее лакомство»), и изъ остатковъ бывшихъ ссыльныхъ, да сама «губернія» съ соответствующимъ штатомъ. Городишку съ такою численностью (при томъ—скученною) дозволяется лишь мечтать объ «упрощенномъ» самоуправленіи; а тутъ—губернаторъ, когда нуженъ, главнымъ образомъ, только старшина.

Какія практическія задачи могутъ быть возложены на такіа

«губерніи»? Да никакихъ. Что можетъ сдѣлать губернаторъ съ 8000 душъ такого населенія, какъ на сѣверномъ Сахалинѣ; что можетъ «создать» другой губернаторъ въ Камчаткѣ, хотя бы его просвѣщенному попеченію были ввѣрены даже 25,000 душъ туземныхъ камчадаловъ и чукчей? Тоже ничего. Съ такою населенностью вообще можно ловить рыбу, добывать пушнину, рубить лѣсъ и раздавать казенныя «способія», чтобы населеніе самымъ элементарнымъ образомъ не вымерло съ голоду. Все это прекрасно можно сдѣлать съ простыми старшинами.

На Камчаткѣ водворена самостоятельная «сильная власть». А вотъ какъ дѣйствительно живутъ слабые люди на Анадырѣ. Административный пунктъ расположенъ въ селеніи Марковѣ; но въ устьѣ Анадыри лежитъ Ново-Маринскъ, поселокъ, гдѣ разгружаются съ судовъ всѣ товары для Маркова и везутся далѣе, за 700 верстъ, рѣкою на катерѣ, принадлежащемъ мѣстному «экономическому фонду».

Каждой служилой семьѣ полагается бесплатный провозъ на этомъ катерѣ 50 пуд. груза въ годъ для пропитанія, снабженія и развлеченія. Полагается также особый интендантскій паекъ простой пшеничной муки. Оказывается, этого пайка не берутъ, оставляютъ его въ Ново-Маринскомъ, а покупаютъ «крупчатку» въ самомъ Марковѣ, изъ экономической лавочки, по баснословной цѣнѣ.

Вы скажете—шалые люди. Нѣтъ, просто люди вкуса и жи-

вого расчета. Мнѣ это объяснили такъ.

На семью изъ трехъ душъ одной муки нужно въ годъ около 60 пуд.; бесплатнаго же провоза полагается *на все* только 50 пуд.; значить, уже для одной муки не хватаетъ (на 10 пуд.) общаго «провознаго права». А нужно, вѣдь, и еще многое другое, чтобы самому не обратиться въ чукчу. Плата же за провозъ излишняго груза берется по *4 руб. 50 коп. съ пуда*. Теперь сообразите. Крупчатка, во-первыхъ, вкуснѣе, во-вторыхъ—питательнѣе и, въ-третьихъ, провозная плата одна и та же, а разница въ покупной цѣнѣ (сравнительно съ провозомъ) незначительная. Выходитъ, что выгоднѣе, при такихъ условіяхъ, держаться крупчатки.

Дальше идетъ другое простое соображеніе. Крупчатку можно купить хоть и дорого, въ лавочкѣ. Если же везти крупчатку изъ Ново-Маринска, то на остальной годовой запасъ бесплатнаго провоза уже не остается и за него, все равно, придется платить *по 4 р. 50 к. съ пуда*. Такъ ужъ лучше везти не крупчатку, а такіе предметы, которыхъ въ лавочкѣ не найдешь и на которыхъ, по ихъ стоимости, не такъ тяжело ложится высокая провозная плата.

Такъ резонно разсуждаютъ при «сильной власти» слабые люди Камчатской губерніи. Такъ и поступаютъ.

А цѣны въ лавочкѣ: фунтъ сахару—35 коп. (при покупной цѣнѣ 4 р. 50 к. пудъ); фунтъ черкаскаго табаку—50 коп.—1 руб. (при покупной цѣнѣ 7 р. 50 к.

пудъ; пудъ крупч.—10 руб. (при покуп. цѣнѣ 3 р.—3 р. 50 к.).

Въ подобной обстановкѣ, какую представляютъ собою Камчатская и Сахалинская «губерніи», при ихъ безлюдьи, *личная «сильная власть»* фактически окажется настолько безсильною, что въ инородческой юртѣ ее на просто «заѣдятъ блохи» отъ ѣздовыхъ собакъ, а культурная юриспруденція очутится въ невылазномъ тушикѣ, когда столкнется съ фактомъ, что при недостаткѣ пищи престарѣлымъ чукчамъ, «съ ихъ просьбы и по обычаю», кровные родственники иногда облегчаютъ переселеніе въ жизнь загробную, чтобы въ здѣшней юдоли скорби они не оставались на зиму «лишнимъ ртомъ»...

Самостоятельная «сильная власть» страшна въ изолированныхъ медвѣжьихъ углахъ, потому что, водворившись въ самомъ центрѣ мелочныхъ интересовъ социальной протоплазмы и хирѣя сама, она будетъ только раздавливать эту протоплазму. Отъ отсутствія всякой серьезной реальной

возможности своею личностью быстро измѣнить поросшія сѣдымъ мохомъ мѣстныя условія жизни—она опустится, одновременно, до безвластія и всевластія, а требованіе отъ нея самой «отчетныхъ результатовъ дѣятельности» и «благихъ реформъ къ усовершенствованію мѣстной жизни», какъ пишется въ канцеляріяхъ, можетъ толкнуть ее не на созиданіе жизни, а лишь на ея прожектерскую ломку и калѣченіе.

Вотъ почему, повторяю, самостоятельной «сильной власти» за извѣстнымъ рангомъ не мѣсто въ медвѣжьихъ углахъ. Когда эти углы, для которыхъ нѣтъ еще реального просвѣта къ культурной жизни по самому внутреннему ихъ складу и физической обстановкѣ, прикрыты отъ такой власти бездорожьемъ и надзираются простыми смертными, а не громовержцами, это для нихъ несравненно лучше и спокойнѣе.

Нужно смотрѣть съ этой главной точки зрѣнія. Вопросы же получающейся, сверхъ того, экономіи—дѣло второстепенное.

IV.

Два этапа.

Въ исторіи занятія Приамурья графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ сильная личность Невельского съ его нервною, сконцентрированою на конечномъ рѣшеніи, но упругою и гибкою мыслью стоитъ на первомъ планѣ. Всю черную, подготовительную, рискованную для него лично работу онъ вынесъ единственно на своихъ плечахъ

Начатое, въ лицѣ Невельского, русскимъ флотомъ дѣло созданія новаго, болѣе удобнаго военно-морского базиса на Тихомъ океанѣ въ первомъ періодѣ своего развитія естественно продолжалось оставаться въ морскихъ рукахъ. Съ присоединеніемъ всего Уссурийскаго края, основаніемъ Владивостока и перенесеніемъ въ него военного порта изъ Николаевска

разомъ намѣтилось соотношеніе частей. Въ глазахъ правительства край получалъ всю цѣнность только изъ за своего морского побережья на югѣ. Задача достигнуть свободного выхода въ океанъ при тогдашнемъ положеніи на Дальнемъ Востокѣ казалась неожиданно осуществленною на практикѣ.

Все остальное пространство Приамурья являлось лишь служилою частью этой основной идеи, цѣнилось и обслуживалось государственными средствами лишь настолько, насколько требовалось держать путь отъ Забайкалья къ Владивостоку въ проѣздномъ состояніи. Главныя же средства государства шли почти исключительно на Владивостокъ и мѣстный флотъ. Главный командиръ портовъ Восточнаго океана одновременно былъ и военнымъ губернаторомъ Приморской области, а въ то же время и главнымъ военнымъ начальникомъ въ самомъ Владивостокѣ.

Изъ этой же идеи вылилось и самое названіе «Владивостокъ», когда фактически былъ основанъ первоначально лишь мизерный портъ.

Вся тогдашняя зачаточная гражданственность на морскомъ побережьѣ, отъ Владивостока до Николаевска и Петропавловска, цѣликомъ создавалась или, по крайней мѣрѣ, поддерживалась флотомъ. Ушелъ военный портъ изъ Петропавловска—Петропавловская гражданственность свелась къ нулю. Передвинули портъ изъ Николаевска во Владивостокъ—Николаевскъ захирѣлъ и заколотился досками. На побережьѣ

флотъ развозилъ почту и грузы, передвигалъ воинскія части, держалъ спеціальныя пассажирскіе рейсы между Суйфуномъ и Владивостокомъ, а ранѣе обслуживалъ Амуръ своими рѣчными пароходами. Нужно было достать рыбы и брусники въ Николаевскѣ, привозилъ рыбу и бруснику. То было время черной, піонерской работы на окраинѣ, и вся эта работа въ большой долѣ прошла черезъ руки флота.

Когда, въ концѣ 70-хъ годовъ, поднятъ былъ вопросъ о переводѣ военнаго порта въ заливъ св. Ольги или въ Посѣть, владивостокская «гражданственность» стала опасаться участи Петропавловска и Николаевска.

Переломомъ въ созидательной роли флота на морскомъ побережьѣ послужило учрежденіе въ срединѣ 80-хъ годовъ Приамурскаго генераль-губернаторства. Желая предупредить мѣстныя тренія между морскою и военною властями, покойный морской министръ Шестаковъ изолировалъ флотъ, устранивъ его отъ гражданскаго управленія Приморской областью, которая передана была затѣмъ военнымъ губернаторамъ. Съ того времени флотъ продолжалъ занимать на окраинѣ исключительно спеціальное положеніе.

Одновременно съ учрежденіемъ Приамурскаго генераль-губернаторства, съ 1885 г. начинается правительственная колонизація Южно-Уссурийскаго края переселенцами изъ Европейской Россіи. Это была мысль еще военнаго генераль-губернатора Восточной Сибири Анучина, проведенная имъ въ жизнь. Инициати-

ва созыва въ Хабаровскѣ первыхъ трехъ сѣздовъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей въ 1885, 1886 и 1893 гг. принадлежала всецѣло первому Приамурскому генераль-губернатору покойному барону Корфу, а первая промышленная выставка въ Хабаровскѣ была устроена генераль-губернаторомъ Духовскимъ. Генераль-губернаторы Гродековъ и Унтербергеръ прошли передъ своимъ назначеніемъ долгую школу гражданскаго управленія—одинъ въ Средней Азій, другой здѣсь, на окраинѣ.

При учрежденіи Приамурскаго генераль-губернаторства Владивостокъ впервые подсчиталъ у себя всего частнаго населенія 15.000 душъ (1885 г.), въ Николаевскѣ и Хабаровскѣ было по 6—7.000 жителей, въ Благовѣщенскѣ около 17—18.000 душъ. Все частное и казачье населеніе Приморской и Амурской областей не превышало 300.000 душъ. Ко времени же ухода послѣдняго военнаго генераль-губернатора Унтербергера численность частнаго населенія въ тѣхъ же двухъ областяхъ достигла 850.000 душъ, въ томъ числѣ Владивостокъ выросъ до 100.000 душъ, Хабаровскъ до 45.000, Николаевскъ-Уссурийскій до 35.000 и Николаевскъ на Амурѣ до 18.000 душъ.

Въ самыя суровыя времена «полицейскаго режима» не было закрыто въ краѣ ни одной газеты и ни надъ одной не висѣли дамокловомъ мечомъ «предостереженія». Періодъ исключительнаго дѣйствія «обязательныхъ постановленій военнаго времени», гдѣ и гражданскія власти могутъ опи-

раться на военный режимъ, въ расчетъ, конечно, не входитъ.

Въ экономической жизни края, все наличныя промышленныя предпріятія, все кредитныя учрежденія, желѣзнодорожное строительство и пр. возникли не въ настоящемъ, а въ прошломъ, и въ вызовѣ ихъ къ жизни участвовала та же военно-административная инициатива, которая съ готовностью поддерживала также и все до сихъ поръ существующія учебныя, просвѣтительныя и научныя учрежденія и начинанія въ краѣ.

Короче, какъ въ первый періодъ военно-морская, такъ во второмъ періодѣ (съ 1885 г.) военно-административная инициатива въ полномъ смыслѣ слова были зиждительницами безусловно всей наличной мѣстной культуры и гражданственности. Все прочныя корни въ этомъ отношеніи залегаютъ въ прошломъ, а не въ сегоднешнемъ.

Нѣтъ никакой надобности подводить дальнѣйшіе итоги. Новыя теченія, конечно, могутъ быть обильны «водами», но «половолья»—и создаютъ, и разрушаютъ....

Въ этой минувшей жизни Приамурскаго края прошелъ чрезъ два этапа, но все въ одномъ и томъ же доминирующемъ спеціальномъ направленіи: укрѣпленія, при посредствѣ Приамурья, чисто политическихъ интересовъ и международныхъ воздѣйствій въ странахъ Дальняго Востока, а чрезъ нихъ, косвенно, и вліяній на политику въ Европѣ. Въ проложеніи Сибирской магистрали на Дальній Востокъ первоначально главенствовала, несомнѣнно, идея

тосто политическая и военно-стратегическая; экономическія соображенія только подкрѣпляли эту идею, подбадривали ее, но фактически стояли пока на второмъ планѣ.

Далѣе, однако же, выясняются два различныхъ теченія и направленія.

Первоначально желѣзнодорожная линія намѣчала конечнымъ своимъ выходомъ Владивостокъ и всецѣло имѣла въ виду Приамурье. Желѣзнодорожная линія вносила въ него то, что завершало собою инициативу Невельскаго и Муравьева: она обезпечивала собою скорую и надежную связь Владивостока съ государственнымъ базисомъ въ центральной Россіи. Приступъ къ постройкѣ этой линіи, при тогдашнемъ положеніи Маньчжуріи и Китая, сразу же выдвинулъ вопросъ о *спрямленіи линіи* чрезъ Харбинъ; изъ послѣдующаго же становится яснымъ, что въ такомъ спрямленіи главнымъ импульсомъ являлось, въ сущности, ближайшее стремленіе укрѣпиться прочно въ самой Сѣверной Маньчжуріи, которая, въ объединеніи съ Приамурьемъ, передаетъ въ наши руки цѣликомъ весь Сунгарійско-Амурскій бассейнъ, исправляетъ границу, а владѣнію Приамурьемъ даетъ полную закругленность во всѣхъ отношеніяхъ. Географическая карта, мѣстныя соотношенія и существовавшія въ то время наличныя политическія возможности свидѣтельствуютъ, что идея была совершенно вѣрна, легко достижима и, несомнѣнно, дала бы огромные плодотворные для насъ

результаты, если бы на этомъ первомъ предположеніи мы остановились съ должною послѣдовательностью и твердостью.

Но *экономическія* соображенія графа Витте, въ то время всемогущаго С. Ю. Витте, роковымъ образомъ повели маньчжурскую линію отъ совершенно правильно намѣченнаго и прочнаго этапа въ сторону «Лишняго»—Дальняго, чѣмъ сразу же поставили все дѣло на почву самой скользкой авантюры. Портъ-Артуръ, который, судя по всей обстановкѣ, былъ лишь формальнымъ *преддверіемъ* «Лишняго»—Дальняго, *его декоративною частью* въ осуществленіи дѣйствительной, скрытой идеи самого С. Ю. Витте (какъ прямого отвѣтчика за финансовыя результаты желѣзной дороги) — дать прочное и, казалось, блестящее *коммерческое* обоснованіе длинной Сибирской магистрали поворотомъ ея отъ Харбина на югъ къ «Лишнему»—Дальному, для захвата въ пользу дороги цѣлаго маньчжурскаго «рынка». — этотъ въ очень скоромъ времени столь многострадальный Портъ-Артуръ, оказался тѣмъ видимымъ рычагомъ, которымъ дальневосточные рельсы круто были передвинуты съ пути здраваго государственнаго предвидѣнія на путь авантюрной спекуляціи. Теперь это все въ ясно до очевидности; но и тогда, какъ это изложено въ моихъ детально обоснованныхъ статьяхъ, печатавшихся еще въ началѣ 1898 г. (до фактическаго занятія Портъ-Артура), вдумчивому человѣку, близко знакомому съ Дальнимъ Востокомъ, не трудно было оцѣнить всю шаткость и

пагубныя послѣдствія подобной авантюры. Теперь съ этими послѣдствіями намъ приходится считаться каждый день и на каждомъ шагу....

Въ этихъ двухъ этапахъ,—съ одной стороны, Владивостокъ, какъ національный портъ и крѣпость, съ другой же Портъ-Артуръ и международный «Лишній»—Дальній, — въ практической политикѣ графа Витте, базированной на *коммерческихъ* началахъ, выразилось наглядно и практиче-

ски все противопоставленіе кореннымъ интересамъ своего Приамурья интересовъ чистой желѣзнодорожной политики и чуждой Маньчжуріи.... Въ другомъ мѣстѣ я подробнѣе остановлюсь на этомъ вопросѣ; теперь же ограничусь пока констатированіемъ лишь того общаго факта, что никогда никакая другая инициатива не нанесла Приамурью такого жестокаго удара, какъ именно эта чисто гражданская и коммерческая инициатива графа Витте.

V.

«Безпозиція».

Свой всеподданнѣйшій отчетъ о поѣздкѣ на Дальній Востокъ въ 1902 г. бывшій министръ финансовъ С. Ю. Витте заканчивалъ:

— «Вообще же какъ бы ни были велики тѣ затрудненія, которыя возникаютъ на нашей далекой окраинѣ отъ проведенія южной вѣтви Китайской Восточной желѣзной дороги, какъ бы тяжело ни отражалось на Владивостокѣ сооруженіе Дальняго, нельзя забывать, что затрудненія эти временныя и что Приамурскій край и главнѣйшій центръ его, Владивостокъ, въ концѣ концовъ отъ проложенія Китайской Восточной желѣзной дороги выиграютъ больше, чѣмъ потеряютъ. Въ чемъ выразятся благодѣтельныя послѣдствія проведенія дороги въ жизни края, пока говорить еще трудно, но, несомнѣнно, что далекая бывшая долго совершенно забытою окраина, приблизившаяся теперь къ центру Россіи на 12—15 дней разстоянія и прорѣзанная вели-

кимъ транзитнымъ путемъ, не можетъ заглухнуть, а должна начать быстро развиваться. Исторія измѣряется не годами, а вѣками, и съ этой точки зрѣнія проведеніемъ Китайской Восточной желѣзной дороги и сооруженіемъ Портъ-Артура и Дальняго совершено великое дѣло: выполнена историческая задача, сдѣланъ одинъ изъ послѣднихъ шаговъ въ поступательномъ движеніи Россіи на Дальній Востокъ въ ея стремленіи найти выходъ къ открытому морю, къ незамерзающимъ берегамъ Тихаго океана»...

«Нельзя—поясняетъ въ другомъ мѣстѣ графъ Витте—забыть, что Дальній теперь такой же русскій городъ, какъ и Владивостокъ, и съ точки зрѣнія основныхъ задачъ Россіи на крайнемъ Востокѣ принесеніе Дальняго въ жертву интересамъ Владивостока представляется едва ли допустимымъ».

Пришлось забыть... Давно

могучаго тарана, предназначеннаго къ тому, чтобы въ потребный моментъ разбить слабую связь между Забайкальемъ и Уссурийскимъ краемъ и отрѣзать наши опорныя позиціи въ Приамурьѣ отъ ихъ государственнаго и стратегическаго тыла. Монголія, считавшаяся до войны нашимъ надежнымъ прикрытіемъ, обратилась въ районъ, угрожающій самому Забайкалью. Передовыя китайскія линіи выдвинулись на Амуръ, куда новою волною движется и китайская колонизація— въ районы до того времени совершенно пустынные; со стороны же корейскаго сѣвера выставлены японскіе передовые посты, грозящіе захватомъ Нингутинскаго района чрезъ Нанганъ изолировать, при случаѣ, и всю нашу позицію въ Южно-Уссурийскомъ краѣ, а съ моря надавить на нее десантами. Словомъ, тамъ, откуда, до войны, пользуясь совершенно неуязвимостью, благодаря прикрытію Маньчжуріей, мы могли своимъ флотомъ вліять до нѣкоторой степени на международную политику въ Европѣ и на востокъ Азіи,—послѣ проигранной войны пришлось заботиться только уже о своей собственной безопасности...

Первостепенная задача въ Приамурскомъ краѣ въ настоящее время—прежде всего *«перестраиваться»*, сообразно вновь сложившимся условіямъ, для обороны. Строящаяся Амурская желѣзная дорога, поглощающая новыя сотни милліоновъ рублей государственныхъ денегъ и *экономически*, въ сущности, «безвременная», служить реальнымъ

выраженіемъ такой сознанный потребности. Одновременное существованіе *двухъ* такихъ дорогъ, какъ существующая Маньчжурская и строящаяся Амурская, ведущихъ отъ той же Сибирской линіи къ одному и тому же пункту—Владивостоку, конечно, явленіе не экономическаго порядка, а чисто военно-стратегическое, отчетливо подчеркнутое существующимъ наличиемъ всего только 850.000 душъ общаго «экономическаго» населенія къ востоку отъ Забайкалья.

Сама жизнь—«ее же не преjdeши»,—указывая главнѣйшія директивы наличнаго окраиннаго устроительства, тѣмъ самымъ предопредѣляетъ и ту *объединяющую* власть, которая практически способна устранить раздвоеніе и вредныя тренія и уничтожить неясности въ практическомъ достиженіи основной задачи по укрѣпленію нашего Дальняго Востока.

Вступая, до войны съ Японіей, чрезъ раздвинутую нами *южную* Маньчжурію, на берега Желтаго моря, съ несомнѣнною угрозою сосѣднимъ азіатскимъ государствамъ, мы упустили изъ виду, что этимъ шагомъ (наместничество) измѣняемъ радикально и самое значеніе въ глазахъ ихъ нашего, *еще колониальнаго*, Дальняго Востока, перемѣщая въ него изъ центра такія широкія и глубокія политическія и стратегическія давленія на сосѣдей, которыхъ онъ фактически выполнить не могъ, по своей полной неподготовленности; а между тѣмъ, въ глазахъ сосѣдей, чрезъ это онъ обращался изъ орудія только вспомогательнаго политическаго

воздѣйствія въ тяжелый кулакъ... Отсюда ихъ тревога за свое спокойное существованіе, усиленные вооруженія съ цѣлью отпора и широкой подъемъ патріотическихъ чувствъ. Стремленіе вытѣснить Россію съ тихоокеанскаго побережья—стало для нихъ національною задачею...

Съ этимъ неизбежно нужно считаться. Отъ этого «спрятаться» нельзя, зарывая, какъ страусъ, голову въ стогъ сѣна. «Голова» должна отчетливо сознавать основную задачу момента и должна непремѣнно держать въ своемъ распоряженіи главнѣйшую и самую жизненную въ данномъ положеніи директиву мѣстнаго окраиннаго строительства.

Растерянность же мысли послѣ жестокаго, неожиданнаго уда-

ра направила вниманіе по иному пути.

«Закрѣпленіе» окраинъ за Россіей выразилось внезапнымъ созданіемъ двухъ такихъ своеобразныхъ «губерній», какъ пресловутые Сахалинъ (8.000 жит) и Камчатка (25.000 чел.), съ особымъ Камчатскимъ Окружнымъ судомъ (9 дѣль въ годъ).

Это долженствуетъ ихъ «закрѣпить»... Въ этомъ усматривается... политическое воздѣйствіе въ международной области. Камчатка и Сахалинъ станутъ крѣпче въ нашихъ рукахъ.

Но проще и радикальнѣе, съ этой точки зрѣнія, было бы повѣсить тамъ, на видныхъ мѣстахъ, анилаги:

— «Просить не трогать».

VI.

Маньчжурская... линія.

Въ статьѣ «*Китайская Восточная дорога и ея значеніе для Россіи*» С. Д. Меркуловъ освѣщаетъ роль этой дороги слѣдующимъ образомъ.

«Рѣшеніе подобнаго сооруженія могло бы быть оправдано только при твердой увѣренности, что *вся Маньчжурія съ ея морскими портами будетъ русской*. Иначе, при предположеніи возможности сохраненія Маньчжурии въ качествѣ китайской провинціи, подобное рѣшеніе было равносильно *тяжкому, неоправданному удару Россіей самой себя, своему болѣе благопріятному положенію въ Сѣверной Маньчжуріи, чѣмъ то, въ которомъ находи-*

лись здѣсь ея экономическіе конкуренты».

«*Планъ о занятіи всей Маньчжуріи въ 1900—1902 г. вовсе не былъ невѣроятнымъ и труднымъ. Въ то время Россія, переживая результаты славнаго царствованія Александра III, пользовалась во всемъ мірѣ, а на Дальнемъ Востоцѣ въ особенности, огромнымъ политическимъ престижемъ. Японія была еще совершенно неготовой для военнаго соперничанія съ Россіей... Грандіозно начатое дѣло было бы выполнено безъ труда и съ успѣхомъ, если бы, по какому то странному недоразумѣнію, Россія не остановилась на полдорогѣ въ раздумьѣ,*

какъ бы въ ожиданіи, когда достаточно подготовится къ борьбѣ съ ней Японія. *Но начавъ дѣло какъ сильный державный народъ, мы скоро перешли на роль неразумнаго авантюриста»...*

Изъ этого вступленія сразу видно, что авторъ совершенно не такъ рисуетъ картину *дѣйствительнаго авантюризма*, съ какимъ мы выступили въ свое время въ Маньчжуріи.

Авантюризмъ заключался вовсе не въ томъ что мы «заняли» Маньчжурію (мы ее *дѣйствительно* заняли, какъ въ свое время австрійцы заняли Боснію и Герцоговину). *Авантюризмъ* заключался въ томъ, что «заняли» мы ее *безъ надлежащихъ средствъ къ обезпеченной оборонѣ, безъ устроившаго тыла*, а только на одинъ авось—«какъ вороны летаютъ». Если, при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣйствительностью, оказалось, что не было *никакого расчета* «занимать» Маньчжурію въ *качества рынка*, если было *несомнѣнною ошибкою* надвигать на свои границы, русскимъ золотомъ, *волну желтаго передвиженія* и разводить за собственной назухой китайскихъ клоповъ, то это было *лишь заблужденіемъ, непониманіемъ, и т. п. но еще не авантюризмомъ*. «Ошибка» могла бы *быть исправлена такъ или иначе нашими же руками*, исправленіе находилось бы только въ *одной нашей волѣ* и стоило бы только *денегъ*.

Невъ этомъ представлялась смертельная опасность, а въ томъ, что вообще мы сдѣлали этотъ шагъ *очертя голову, не справившись со своимъ «балансомъ»*,

и видѣли только *впередъ себя*, а что оставалось *сзади*, объ этомъ совершенно *не озаботились*. Мы могли выйти изъ своего положенія только *заранне обезпеченною побѣдою*; но для побѣды *ровно ничего не приготовили*. Поэтому разбившись объ Японію, мы сразу же оказались *въ совершенно критическомъ положеніи*, подъ такимъ огромнымъ рискомъ собственному государственному существованію, что проигранная война и потеря въкового великодержавнаго престижа были еще не *тягчайшимъ ударомъ... Въ невзвѣшенной огромности риска и послѣдствій возможной неудачи, когда побѣда не обезпечена,—вотъ съ чѣмъ заключался авантюризмъ нашего скороспѣлаго вивдренія въ южную Маньчжурію съ южною вѣтвью желѣзной дороги и захватомъ Портъ-Артура съ Личимъ»—Дальнимъ.*

С. Д. Меркуловъ этого рѣзко, отчетливо не охарактеризовалъ. Утверждая, что въ 1900—1902 г. мы могли бы *легко* занять всю Маньчжурію (да мы ее фактически *легко* заняли), онъ, очевидно, не усвоилъ себѣ самой «сущи» авантюризма въ тогдашнихъ дѣйствіяхъ. Отмѣчая затѣмъ «заподздалость» такого занятія, давнюю возможность Японіи приготовиться, чрезъ 2—4 года, къ войнѣ съ нами, онъ, столь же очевидно, не уяснилъ себѣ тѣхъ основныхъ положеній, что послѣдующее объявленіе войны *находилось въ рукахъ Японіи* (не мы, а она сама выбрала «удобное время») и что *мотивы къ такой войнѣ* были даны ей нами еще въ 1898 г., въ моментъ занятія Портъ-Артура. Не

уяснилъ онъ также и того обстоя-
тельства, что въ 1900—1902 г.
(во время боксерскаго движенія
и въ періодъ порчи желѣзной до-
роги) мы уже совершенно не были
готовы къ войнѣ и что если *сама*
Японія (конечно, вооружаясь)
дала намъ 2—4 года на подготов-
ку Портъ-Артура, то безъ этой
(хотя и незаконченной) подго-
товки мы не могли бы и думать о
серьезномъ сопротивленіи, какое
всетаки успѣли проявить въ 1904—
1905 г. Разъ дѣло велось къ вой-
нѣ, для нашего сопротивленія не-
измѣримо важнѣе было не тотъ
фактъ, что Японія *за этотъ про-*
межутокъ успѣла сильно воору-
житься сама, а тотъ безспорный
фактъ, что мы то сами *получили*
возможность хоть сколько *ни-*
будь *подготовить отпоръ* въ
Портъ-Артурѣ и, пожалуй, отча-
сти въ Маньчжуріи.

Наконецъ, авантюра заключа-
лась не въ Сѣверной Маньчжуріи,
а только въ Южной (въ Портъ-
Артурѣ). Только внѣдрившись въ
южную Маньчжурію, мы вызва-
ли на войну Японію (въ союзѣ съ
Англіей); въ сѣверной же Мань-
чжуріи, ведя «линію» только на
Владивостокъ, мы никого не тре-
вожили и даже съ самимъ Кита-
емъ дѣло улаживали на счетъ
территоріи достаточно удовлетво-
рительно.

Въ свое время, въ рядѣ ста-
тей «*Нуженъ ли Россіи Портъ-*
Артуръ?» (1898 г.) и «*Истори-*
ческая ошибка» (1908 г.), я де-
тально развивалъ эти взгляды и,
указавъ въ 1898 г. на *ненужность,*
вредъ и опасность занятія
Портъ-Артура, въ 1908 г. вы-
яснилъ снова подробно *всю аван-*

тюристость этого шага, о по-
слѣдствіяхъ котораго предостере-
галъ еще до его осуществленія,
оставшись тогда, къ сожалѣнію,
совершенно одинокимъ въ рус-
ской печати. Вотъ что, между прочимъ,
за свой счетъ и совѣсть, я
телеграфировалъ (когда телеграф-
ная цевзура не пропустила моей
телеграммы въ редакцію «Нов.
Вр.») непосредственно министру
иностранныхъ дѣлъ графу Лам-
здорфу въ 1901 г.:

— «Съ южно-корейскими
портами окончательно опоздали.
Величайшей дипломатической по-
бѣдой Россіи будетъ удержать Япо-
нію отъ фактическаго вступленія
въ Корею. Въ противномъ случаѣ,
намъ ее силою не выбить и не
стоитъ свѣчь; придется прими-
риться съ фактомъ раздѣла Кореи,
съ необходимостью дорогаго, вы-
нужденнаго русскаго вліянія на сѣ-
верѣ полуострова для защиты
тыла Ляодуна. Дѣло само по себѣ,
въ сущности, тоже ничего не стоя-
щее, такъ какъ Портъ-Артуръ
всегда останется только аванпор-
томъ, Дальній будетъ служить
лишь интересамъ иностранной тор-
говли, а южная линія Маньчжур-
ской дороги окончательно смѣна-
етъ все отношенія на русскомъ
сѣверѣ, который является нашей
естественной опорой».

Не буду, однако же, возвра-
щаться къ старому...

«Китайская Восточная же-
лѣзная дорога—продолжаетъ С. Д.
Меркуловъ—во всѣхъ отноше-
ніяхъ оказалась грознымъ ору-
діемъ, сооруженнымъ нашими
собственными руками; орудіемъ
изъ котораго, по его положенію,
можно стрѣлять только въ насъ...

Къ счастью для насъ, орудіе это въ значительной части осталось еще въ нашихъ рукахъ»...

Здѣсь мысль выражена весьма сбивчиво. Видимо, соединены два противорѣчія. Если это орудіе «грозно» для насъ по его положенію, по стрѣлять въ насъ не можетъ, потому что находится въ нашихъ рукахъ, то чѣмъ же оно намъ «грозно»?!... Потерянная нами южная линія дѣйствительно повела къ войнѣ съ Японіей и служила орудіемъ наступленія японцевъ, какъ «Лишній» — Дальній послужилъ имъ же прекраснымъ «рычагомъ», чтобы опрокинуть Портъ-Артуръ (я опредѣленно предупреждалъ объ этомъ еще до закладки Дальняго въ своихъ статьяхъ въ 1898 г.). Но свѣрная, оставшаяся у насъ, линія отъ Забайкалья на Владивостокъ во всѣхъ отношеніяхъ служила безцѣннымъ орудіемъ нашей обороны и дала единственную возможность сосредоточить наши арміи въ Маньчжуріи.

Авторъ неясно обосновалъ свой тезисъ. Сѣверная Маньчжурская линія отъ Забайкалья къ Владивостоку находилась въ полномъ и обезпеченномъ нашемъ обладаніи до сооруженія южной линіи на Портъ-Артуръ и Дальній, линіи, фактически обращенной японцами противъ насъ же самихъ, сдѣлавшейся орудіемъ, изъ котораго во время войны «стрѣляли» въ насъ же, которое могло, какъ клинъ, разорвать нашъ фронтъ на двѣ части. Оставшись въ рукахъ Японіи, эта позднѣйшая южная линія подорвала не только все наше положеніе въ Маньчжуріи, но и

военно-стратегическое значеніе сѣверной линіи, обнаживъ ее изъ подъ уничтоженнаго нами же самими надежнаго прикрытія всею южною Маньчжуріею. Мы сами, въ этомъ отношеніи, «подпилили» рельсы на указанной линіи. Это фактъ. Это дѣйствительное положеніе, создавшееся на сѣверной Маньчжурской дорогѣ. Но только послѣ проигранной войны.

Это было послѣдствіемъ допущенной безпечливой авантюры въ южной Маньчжуріи, но отнюдь не было присуще самой сѣверной линіи, когда она предназначалась только въ направленіи къ Владивостоку, безъ поворота отъ Харбина на югъ.

С. Д. Меркуловъ далѣе такъ описываетъ безцѣльность и вредъ остающейся въ нашихъ рукахъ Маньчжурской желѣзной дороги, отъ Забайкалья къ Владивостоку:

«Китайская Восточная желѣзная дорога не можетъ нынѣ играть какой бы то ни было положительной роли для Россіи на Дальнемъ Востокѣ, кромѣ развѣ какъ поддерживать пассажирское движеніе русскаго Дальняго Востока съ Европейской Россіей. Перевозка войскъ по Портсмутскому договору воспрещена»...

Затѣмъ, въ длинномъ детальномъ перечнѣ авторъ перечисляетъ всю коммерческую несостоятельность этой линіи.

Перевозка грузовъ изъ Европейской Россіи въ Маньчжурію и Китай по желѣзной дорогѣ на протяженіи 8—9 тысячъ верстъ, «почти даромъ, за счетъ государственной казны» и «несмотря на

цѣлый рядъ вредныхъ для русскихъ интересовъ мѣръ», не можетъ «при нормальныхъ условіяхъ» конкурировать съ болѣе дешевымъ морскимъ путемъ чрезъ Одессу, Петербургъ, Ревель, Ригу, и участвовать въ торговлѣ въ Маньчжуріи мы можемъ «скорѣе и легче морскимъ путемъ, чѣмъ по желѣзной дорогѣ»...

Здѣсь тоже недоразумѣніе. До проведенія Маньчжурской желѣзной дороги мы торговали съ Маньчжуріей и со стороны Владивостока (чрезъ Хунчунь), и со стороны Благовѣщенска (чрезъ Сахалинь и Айгунь) при посредствѣ или Николаевска (рѣчнымъ путемъ), или того же Владивостока (по Уссурійской дорогѣ на Хабаровскъ). Но эта торговля была, конечно, мизерною въ сравненіи съ тѣмъ сбытомъ, какой имѣется теперь при посредствѣ Маньчжурской дороги, и, конечно, ни въ какое сравненіе съ нимъ идти не можетъ. Но объ этомъ нельзя даже и вспоминать теперь, потому что если бы даже снять наши рельсы въ Маньчжуріи, то возврата къ прошлому уже нѣтъ, торговля пошла по инымъ путямъ, и Владивостокъ и Николаевскъ только замѣнились бы для Маньчжуріи... японскимъ Тайреномъ. Съ другой стороны, чтобы товары, идущіе изъ Европейской Россіи моремъ чрезъ Владивостокъ, при наличіи японскаго Тайрена, могли попасть *теперь* въ Маньчжурію, необходима все-таки желѣзнодорожная линія отъ Владивостока до Харбина, потому что японская дорога изъ Тайрена доходитъ до Куанченцы (120 вер.

отъ Харбина). Не «гузомъ» же мы будемъ конкурировать со стороны Владивостока съ японской желѣзной дорогой! Что касается морского пути чрезъ Николаевскъ и далѣе Амуромъ и Сунгари до Харбина, то путь этотъ (составляющій не менѣе *лишнихъ* противъ Тайрена 1,500 миль моремъ), свыше 1,500 вер. рѣкою, при навигаціонномъ періодѣ въ Николаевскѣ и на нижнемъ Амурѣ всего въ 4—5 мѣсяцевъ, при неустранимомъ, опять же, наличіи открытаго круглый годъ Тайрена, очевидно, никоимъ образомъ не можетъ состязаться съ тою же японскою дорогою. А говорить о направленіи грузовъ желѣзною дорогою на Хабаровскъ и оттуда вверхъ по Сунгари въ Харбинъ—уже совсѣмъ не приходится, потому что одна Уссурійская дорога длиннѣе японской.

Для ввоза нашихъ товаровъ въ Маньчжурію моремъ чрезъ Владивостокъ существующая восточная часть Маньчжурской дороги, очевидно, необходима, по крайней мѣрѣ, отъ Владивостока до Харбина. Но, какъ пароходу въ оба конца выгоднѣе ходить нагруженнымъ, такъ и дорогѣ будетъ стоить эксплуатація дешевле, если вагоны изъ Маньчжуріи отъ Харбина не будутъ дѣлать пробѣговъ пустыми. А такъ какъ лежащій недалече отъ Харбина хлѣбородный районъ Хулань-чэна даетъ много грузовъ, то прямой расчетъ дотянуть уже до него восточную вѣтку, а это, въ общемъ, составитъ почти половину всей существующей Маньчжурской

дороги. Вотъ «минимумъ рельсъ», который, плачь не плачь, надо оставить, если желательно серьезно «торговать» съ Маньчжуріей «русскими товарами» со стороны Владивостока, а не понудить любезныхъ японцевъ предупредительно расширить для нихъ свои безношлинные «завозные склады» въ Тайренѣ, обѣщанные намъ С. Ю. Витте еще въ 1902 году,—конечно, не въ Тайренѣ, а во Владивостокѣ...

Но что, вообще, желѣзнодорожный путь изъ Европейской Россіи непосредственно до Владивостока, за нѣкоторыми исключениями, не можетъ конкурировать съ морской доставкой сюда же—это совершенно вѣрно. Совершенно правильно, поэтому, что за 7 лѣтъ существованія Маньчжурской дороги къ ней изъ Европейской Россіи и Сибири удалось, при всѣхъ усиліяхъ, стянуть сравнительно небольшое количество грузовъ (около 1.100,000 пуд), когда въ то же время чрезъ Владивостокъ и Николаевскъ прошло много больше (свыше 6 милл. пуд.). Какъ продолженіе транзитной линіи съ запада на востокъ Маньчжурская дорога не оправдала ожиданій. Равнымъ образомъ правильно, что, съ точки зрѣнія общегосударственнаго хозяйства, небольшую роль можетъ играть Маньчжурская дорога и въ транзитномъ отношеніи въ обратномъ направленіи, съ востока на западъ, потому что, хотя она и собрала здѣсь къ 1911 г. всего 2.800.000 пуд. груза, но какими способами:

«Чтобы, какъ утверждаетъ

авторъ, направить по этой дорогѣ означенные 1,100 тысячъ пудовъ съ запада на Дальній Востокъ и 2.800 тысячъ пуд. съ востока на западъ въ Европейскую Россю, намъ пришлось потерять около 8 милл. таможенныхъ пошлинъ на чаѣ, заставить наименѣе обезпеченное русское населеніе переплачивать на кирпичномъ чаѣ около 2 мил. руб., провезти по Европейско-Русскимъ и Сибирской желѣзнымъ дорогамъ, по тарифамъ въ 3—4 раза ниже нормальныхъ, до 800,000 пуд., отнять у русскаго Добровольнаго Флота (развитіе и поддержаніе рейсовъ котораго на Дальній Востокъ важнѣе всей Китайской Восточной дороги) фрахтовъ около 2 милл. руб., отнять часть грузовъ отъ казенной Забайкальской желѣзной дороги, отъ Уссурийской желѣзной дороги, нынѣ дающихъ убытокъ, и отъ Амурскаго пароходства»....

Но даже если все это такъ, то вѣдь кто же не зналъ и не знаетъ, что, какъ *коммерческое предпріятіе*, Маньчжурская желѣзная дорога, *еще въ идейномъ своемъ зарожденіи* (въ Великой Сибирской линіи) признавалась самими финансистами съ весьма сомнительною доходностью. Вѣдь, когда Сибирскую дорогу пропагандировали, то совершенно откровенно указывали, что въ Приамурскомъ краѣ по ней повезутъ вообще «чай», «пассажировъ», еще что-то и, какъ «статью дохода», указывали при этомъ (очевидно, за ненадежностью предшествующихъ доводовъ), въ смыслѣ послѣдняго «героическаго средства», на могущую получить-

ся экономію отъ транспортировки «ссылныхъ» и сокращенія чиновничьихъ «прогоновъ» противъ почтоваго дорожника («статскимъ совѣтникамъ» полагалось по 8 лошадей, а ихъ даже на кладбище возили только на парѣ). Кто же этого не зналъ; отъ кого это скрывали?... Всякій понималъ отчетливо, что сплошная желѣзная дорога *отъ Иркутска до Владивостока*, при общемъ населеніи около 900,000 душъ, какъ было въ 1891 г., и даже въ 1.800,000 душъ, какъ теперь, представляетъ собою такое сомнительное *коммерческое* предприятие, за которое, конечно, никто не взялся бы «съ воли», безъ гарантіи или иныхъ компенсацій, болѣе солидныхъ, чѣмъ чиновничьи «прогоны» и сахалинскіе «ссылно-каторжные». Этого то, вѣроятно, и испугался С. Ю. Витте, когда, въ качествѣ министра финансовъ, по приступѣ къ сооруженію дороги, усмотрѣлъ «реальное будущее». Это то, вѣроятно, и было скрытымъ основнымъ импульсомъ, что мы очертя голову полѣзли на южную линію и въ «Линіи» - Дальній — «сдѣлать одинъ изъ послѣднихъ шаговъ» въ поискахъ китайскихъ грузовъ на покрытіе убытковъ отъ сокращенія прогоновъ и барышей отъ перевозки своихъ ссыльныхъ. Такъ чему же удивляться, что *съ коммерческой стороны* Маньчжурская дорога еще слаба?!...

Не съ этою основною цѣлью Маньчжурская дорога и зачиналась. Она была и остается, фактически, дорогой *стратегической*, по ея цѣлямъ, значенію и обставкамъ.

Никакой критики, *съ коммерческой точки зрѣнія*, не выдерживаетъ также и строящаяся теперь вторая параллельная дорога Амурская, какъ «вторая колея» Маньчжурской линіи. То, что въ Маньчжурской дорогѣ ранѣе маскировалось, на Амурской линіи поставлено открыто.

Такимъ образомъ оцѣнку существующей Маньчжурской дороги, предъявляя къ ней чисто коммерческіе недочеты, С. Д. Меркуловъ явно дѣлаетъ *не съ того конца*.

С. Д. Меркуловъ въ отношеніи Маньчжурской дороги идетъ еще дальше.

— «Дорога эта—говорить онъ—не можетъ давать какихъ-либо *положительныхъ* для Россіи результатовъ; но зато, какъ свидѣтельствуетъ настоящее, она можетъ дать *огромные отрицательные* для общегосударственныхъ интересовъ результаты.

— «1) Стремясь къ *увеличенію* грузооборота, къ *вывозу* маньчжурскихъ продуктовъ за границу, *облегчая сбытъ* ихъ въ этомъ направленіи, она ставитъ *маньчжурское населеніе* въ крайне благоприятныя экономическія условія и привлекаетъ этимъ *усиленное переселеніе китайцевъ* на границу съ Приамурьемъ въ Маньчжурію. *При трудности заселенія Приамурья русскимъ населеніемъ*, подобное обстоятельство является *крайне неблагоприятнымъ* съ точки зрѣнія упроченія Россіи на Дальнемъ Востокѣ»....

Здѣсь самыя *явленія*, въ общемъ, констатированы правильно, но *выводъ* изъ нихъ сдѣ-

лань явно невѣрный. Выходить, что—чѣмъ выше поднимется *доходность* Маньчжурской дороги и больше дастъ *чистой прибыли*, тѣмъ это для нашихъ «общегосударственныхъ интересовъ» будетъ *хуже*... Заключение экономически, конечно, недопустимое.

Желѣзная дорога есть только *орудіе перевозки*, долженствующее обязательно питаться грузами, чтобы оправдать свое экономическое назначеніе. Въ-сѣбѣ съ тѣмъ всякая желѣзная дорога есть проводникъ культуры и прогресса, гдѣ таковыя только возможны. Желѣзная дорога неотвратимо «создаетъ жизнь» въ той полосѣ, гдѣ она проходитъ, и привлекаетъ къ себѣ населеніе съ его творческою силою. Въ этомъ самая ея социальная структура. И «Маньчжурская» дорога на территоріи Маньчжуріи неизбежно должна создать все это въ средѣ *китайской*, какъ въ предѣлахъ прохожденія своего по нашей собственной территоріи создаетъ то же самое въ средѣ русской. Откреститься отъ этого нельзя.

Авторъ явно перемѣшалъ моменты. Когда былъ нашъ «Лишній»-Дальній и Маньчжурская дорога отъ Харбина явно «сворачивала» своими главными интересами именно къ послѣднему, а не къ Владивостоку, существовало, *въ предѣлахъ одного и того же русскаго вліянія*, иное положеніе. Если бы тогда главные интересы дороги направлялись на Владивостокъ, то ими обслуживался бы свой коренной и прочный національный портъ обширнаго колонизаціоннаго рай-

она Приамурья. Это было бы естественно. Но въ то время, когда работала южная линія на «Лишній»-Дальній, съ объявленнымъ тамъ порто-франко (т.-е. съ условіями дешеваго, нестѣсненнаго порта), съ предпочтительнымъ, даже искусственнымъ отвлеченіемъ къ нему главныхъ грузовъ, во Владивостокъ поставлены были съ моря таможенные рогадки, затруднявшія (во времени и цѣнѣ) доступъ съ этой стороны въ Маньчжурію дешевыхъ товаровъ (т.-е. искусственно сдерживавшія съ этой стороны мѣстную торговлю съ нею), — а со стороны самой Маньчжуріи въ сторону Приамурья для товаровъ изъ нея были оставлены широкія открытыя ворота въ видѣ безопшленной 50-верстной полосы, которая *фактически* включала въ себя всю наличную культурную колонизаціонную площадь Приамурскаго края (не шире 50 вер., какъ я уже указывалъ раньше), за исключеніемъ нижняго теченія Амура, отъ Хабаровска. Грузы, понадея предпочтительно черезъ «Лишній»-Дальній въ Харбинъ, получали тенденцію идти далѣе изъ него по Сунгари (гдѣ зачиналось уже свое пароходство) въ самый Амуръ, а по нему въ Благовѣщенскъ и Хабаровскъ, лежащіе оба въ той же безопшленной 50-верстной полосѣ. Такимъ образомъ, при тогдашней склонности управленія Маньчжурской дороги, возникала очевидная опасность (по неравенству торговыхъ условій Дальняго и Владивостока), что Дальній и южная линія дороги культурно и экономически своимъ

вляніемъ будутъ обслуживать со стороны Желтаго моря не только всю Маньчжурію, но и самый Амуръ въ двухъ главнѣйшихъ его пунктахъ: Благовѣщенскѣ и Хабаровскѣ. Свой же коренной національный портъ Владивостокъ, забронированный таможенною со стороны Японскаго моря и обнаженный для контрабанды сзади, изъ 50-верстной безпошлинной полосы по сухопутной Маньчжурской границѣ, оставался въ сторонѣ, на задворкахъ, обойденный и отрѣзанный отъ торговаго вліянія на Приамурье, изолированный только самъ въ себѣ. Получалось коренное, возмутительное неравенство между портами и явное преобладаніе Маньчжуріи надъ всѣмъ Приамурьемъ, особенно надъ самою цѣнною Уссурійскою его частью (съ готовою желѣзною дорогою); а это, въ свою очередь, влекло къ тому, что самая предприимчивость и капиталы перетягивались изъ послѣдней въ Маньчжурію, тѣмъ болѣе, что льготныя условія жизни въ ней, дешевизна и экономическая свобода (порто-франко, сравнительная густота заселенія, дешевизна труда и жизни), явственно чувствовались всѣми. Все это неравенство вело къ усиленному экономическому подъему китайскаго населенія Маньчжуріи, притягивало его переселеніе къ нашей границѣ, усиливало интенсивность жизни и роста Маньчжуріи, а свой русскій край по эту сторону границы придавливало, какъ прессомъ, и толкало только «на пониженіе» всего экономическаго благосостоянія.

Вотъ въ какомъ видѣ представлялось *тогда* дѣйствительное экономическое явленіе, но отнюдь не такъ, какъ *теперь* рисуетъ его ошибочно С. Д. Меркуловъ. Теперь этой опасности въ большей долѣ уже нѣтъ, потому что самый бывший Дальній и южная линія не въ нашихъ рукахъ, а необходимость обслуживать только *единственную* (оставшуюся у насъ) восточную линію отъ Харбина до Владивостока, въ жизненныхъ интересахъ (доходности) самой дороги, устранила сама собою всю прежнюю ошибочную тактику управленія дороги. Конечно, и теперь Японская и Маньчжурская дороги продолжаютъ развивать экономическія силы Маньчжуріи, тянуть къ себѣ китайское населеніе, усиливаютъ колонизаціонныя способности и подводятъ желтую волну переселенія къ нашей границѣ. Но это — явленіе неизбежное: въ чужой странѣ надъ жизненною регулировою мы уже не властвуемъ, какъ это могло бы быть ранѣе. Съ этимъ нужно считаться и принимать у себя дома соотвѣтствующія колонизаціонныя мѣропріятія; но это все-таки не основаніе сбрасывать «свои» рельсы съ Маньчжурской дороги, какъ, въ сущности, рекомендуетъ ниже сдѣлать это авторъ. Для этого нѣтъ также никакой надобности дорогу эту, съ указанною цѣлью, запираеть на замокъ и опечатывать; нужно только поставить въ своемъ собственномъ краѣ достаточныя препятствія къ свободному распространенію въ немъ желтой волны китайскаго труда и капитала, параллельно съ прямы-

ми положительными государственными-экономическими воздействиями на усиление в нем своего национального труда, предприимчивости и местного, колониального, капитала. Франция, напр., отнюдь не закрывает тѣ свои линии, которыя смыкаются съ германскими, и даже не ухудшает ихъ, изъ-за того, что по нимъ во Францію ѣдутъ нѣмцы и везутся нѣмецкіе товары «къ вывозу»; она ставитъ лишь нѣмецкихъ рабочихъ и нѣмецкіе товары въ определенное положеніе въ отношеніи своихъ собственныхъ...

— «2) Съ тою же цѣлью— продолжаетъ С. Д. Меркуловъ— она (Маньчжурская дорога) *ухудшаетъ условия экономической жизни Приамурья(?)*, ибо путемъ навигаціонныхъ тарифовъ искусственно, за счетъ русскаго государства, отнимаетъ отъ *Амурскаго пароходства*, составляющаго одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ благосостоянія русскаго населенія, грузы изъ Маньчжуріи *черезъ Николаевскъ* за границу и изъ Россіи и за границы *черезъ Николаевскъ и Владивостокъ* въ Маньчжурію».

Это уже совсѣмъ непонятно. Вѣдь, по мнѣнію автора, «содѣйствіе» *вывозу* изъ Маньчжуріи *вредно вообще*, идетъ ли самый «вывозъ» на Владивостокъ или на Николаевскъ... Въ чемъ же тогда, съ этой *принципальной* точки зрѣнія, преимущество за Николаевскомъ и Амурскимъ пароходствомъ предъ Владивостокомъ, куда эти грузы направляются *теперь?*.. *Теперь* «вредятъ» Маньчжурская дорога и Владивостокъ; тогда же, въ одинаковой

мѣрѣ, очевидно, будутъ «вредить» Маньчжурская дорога, Амурское пароходство (тоже вовлеченное «въ антигосударственную сдѣлку») и Николаевскъ.... Очевидно, построеніе автораздѣсь совершенно искусственно. Съ практической же стороны, если направленіе грузовъ изъ Харбина *не по желѣзной дорогѣ* во Владивостокъ, а по Сунгари *на Амурскомъ пароходствѣ* въ Николаевскъ, и удовлетворило бы послѣдній, то одновременно оно вызвало бы столь же сильные протесты во Владивостокѣ и не удовлетворило бы самое управленіе Маньчжурской дороги, которое, имѣя свою собственную желѣзнодорожную линію отъ Харбина до Владивостока, вмѣсто нея естественно вынуждено было бы обслуживать своими грузами чужое для него Амурское пароходство... Роль Амурскаго пароходства велика на своемъ Амурѣ, но зачѣмъ же ему тянуться еще въ чуждую Маньчжурію? Едва ли теперь роль эта чѣмъ-нибудь затруднена на Амурѣ Маньчжурской дорогою; но, несомнѣнно, она сильно затруднится новой Амурской линіей, которая отъ Хабаровска до Благовѣщенска пойдетъ параллельно и въ непосредственной близости съ Амурскимъ пароходствомъ. Тутъ ужъ ничего не сдѣлать... Что же касается замѣны, *по ввозу въ Маньчжурію*, существующаго пути изъ заграницы и Европейской Россіи вдоль всей Сибирской линіи или моремъ (черезъ Владивостокъ) проектируемымъ морскимъ ввозомъ черезъ Николаевскъ, Амуръ и Сунгари въ Харбинъ, то

это, конечно, коммерчески безнадёжно, какъ уже выяснено выше. А затѣмъ впередъ можно сказать, что если сама Маньчжурская дорога и потеряла бы чайные и другіе грузы съ востока на западъ, въ Европу, то во всякомъ случаѣ эти грузы перейдутъ не къ Амурскому пароходству, а къ Амурской желѣзной дорогѣ, за которою стоятъ Забайкальская и Сибирская линіи....

— «3) Съ той же цѣлью—продолжаетъ авторъ,—чтобы развить перевозку *хлѣбныхъ грузовъ* изъ Маньчжуріи въ Приамурье, путемъ перемолочныхъ тарифовъ она (Маньчжурская дорога) ставитъ маньчжурское земледѣліе въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ мѣстное русское земледѣліе. Въ силу этихъ тарифовъ, мука, изготовленная на мельницахъ Уссурійскаго края изъ маньчжурскаго зерна, привезеннаго по Китайской Восточной дорогѣ, перевозится по *Уссурійской желѣзной дорогѣ* по болѣе низкимъ тарифамъ, чѣмъ мука, изготовленная здѣсь же изъ русскаго зерна».

Тезисъ поставленъ ясно, но касаться его я пока не буду.

— «4) Съ тою же цѣлью, на перевозку товаровъ изъ Европейской Россіи въ Маньчжурію въ прямомъ русско-китайскомъ сообщеніи для русскихъ желѣзныхъ дорогъ тарифы въ 3—4 раза низшіе, чѣмъ тарифы на перевозку тѣхъ же товаровъ для русскаго населенія для Забайкальской области и Восточной Сибири. Очевидно, мѣра эта даетъ, за счетъ русской государственной казны, маньчжурскимъ потребителямъ болѣе дешевые товары

чѣмъ русскимъ потребителямъ Сибири и Забайкалья, вынужденнымъ конкурировать съ населеніемъ Маньчжуріи по снабженію этихъ русскихъ областей хлѣбомъ».

Суть здѣсь, очевидно, въ томъ, что *привозный* въ Забайкалье хлѣбъ изъ Маньчжуріи конкурируетъ съ *мѣстнымъ* и *сибирскимъ хлѣбомъ*; объясняется это тѣмъ, что провозъ товаровъ изъ Европейской Россіи въ Маньчжурію, вслѣдствіе благопріятствующихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, стоитъ меньше, а потому предметы потребленія въ Маньчжуріи дешевле, чѣмъ въ Забайкальѣ и Сибири, хотя послѣднія къ Европейской Россіи ближе; значить, и *производство хлѣба* въ чужой Маньчжуріи обходится дешевле, чѣмъ нашему русскому населенію въ Забайкальѣ.... Маньчжурская дорога, слѣдовательно, и въ эту сторону влияетъ столь же вредно на развитіе мѣстнаго земледѣлія, какъ и въ сторону Уссурійскаго края.... Одновременно же отсюда вытекаетъ *недовольство* автора и тѣмъ, что *русскіе товары* (изъ Европейской Россіи) *вообще «сбиваются» въ Маньчжурію*. Вѣдь, если тарифы поднять, то товаръ вздорожаетъ; а такъ какъ въ Маньчжуріи нашихъ крупныхъ поплинъ нѣтъ, морской фрахтъ чрезъ японскій Тайрентъ благопріятенъ и рынокъ свободенъ для иностранныхъ товаровъ, то русскія произведенія, сбываемыя теперь въ Маньчжурію, при возвышеніи тарифовъ, конкуренціи не выдержатъ. Къ этому, что ли, нужно стремиться? Едва

ли съ такимъ результатомъ будетъ согласно купечество центральной Россіи... Если же поступить иначе и понизить одновременно тарифы до Забайкалья, то «на государственный счетъ» ляжетъ еще больше, а этотъ «счетъ» и безъ того уже ставится въ укоръ. Гдѣ же выходъ?... Безъ сомнѣнія, автору рисуется то же самое рѣшеніе, какъ и въ отношеніи «маньчжурскаго зерна» въ Уссурийскомъ краѣ....

— «5) Съ этою же цѣлью, стремясь конкурировать съ южной линіей, перешедшей въ руки Японіи, дорога усиленно снабжаетъ сѣверную Маньчжурію иностранными товарами черезъ Владивостокъ. Ввозъ этихъ товаровъ съ 82,000 пуд. въ 1908 году возросъ до 650,000 пудовъ въ 1911 г. (Не считая китайской соли)».

И отлично. Значитъ 650,000 пуд. провезла *наша* дорога черезъ *нашъ* Владивостокъ (кое-что за это, кромѣ тарифа, *здѣсь* получили), а не японская линія черезъ японскій Тайрень, куда, безъ насъ, конечно, и были бы направлены всѣ эти грузы. Тарифъ съ 650,000 пуд. груза—это только подспорье нашему государственному бюджету, изъ котораго, иначе, пришлось бы больше *доплачивать* на Маньчжурскую дорогу для покрытія дефицита отъ ея эксплуатаціи.

«Лучше сѣна клокъ, чѣмъ вилы въ бокъ»—говорить пословица.

Я точно привелъ всѣ доводы С. Д. Меркулова и освѣтилъ ихъ достаточно детально.

— «Подобной *дѣятель-*

ностью—поясняетъ онъ въ заключеніи—Китайская Восточная желѣзная дорога отказалась отъ своего *главнаго назначенія*—*способствовать завоеванію русской торговлей сѣверной Маньчжуріи*. Вѣдь, нельзя же говорить о возможности завоеванія послѣдней на разстояніи 8—9 тысячъ вер. желѣзнодорожнаго пути, когда сама дорога развиваетъ *ввозъ иностранныхъ товаровъ* въ Маньчжурію черезъ Владивостокъ. *Стоимость перевозки отъ германскихъ и американскихъ портовъ до Харбина черезъ Владивостокъ равняется* (при настоящихъ тарифахъ отъ Владивостока до Харбина) *всего лишь 1½ тысячамъ верстъ желѣзнодорожнаго пути*»...

— «Высшими представителями правительства уже признано, что, *съ экономической точки зрѣнія*, сооруженіе Китайской Восточной желѣзной дороги есть *громадная ошибка*. Почему? Да потому, что, не приблизивъ Маньчжурію, *какъ рынокъ*, къ центрамъ русской промышленности, она открыла ее *для иностранной торговли*. Потому что—или приходится отказаться отъ ея доходной эксплуатаціи, или приходится угнетать русскіе интересы и служить иностранной торговлѣ при завоеваніи ею рынковъ даже сѣверной Маньчжуріи. Даже возможное достиженіе доходности ея путемъ развитія мѣстныхъ и вывозныхъ сообщеній изъ Маньчжуріи за границу *крайне вредно для Россіи*. Такое развитіе, какъ я уже указалъ, связано съ усиленіемъ заселенія Маньчжуріи китайцами, съ

развитіемъ ея экономическаго благосостоянія, что при настоящихъ условіяхъ не въ интересахъ Россіи».

— «Избѣжать этихъ вредныхъ явленій или, по крайней мѣрѣ, ослабить, ихъ — можно, только отказавшись отъ преслѣдованія доходности этой дороги... Лучше ассигновать авансомъ на ежегодное погашеніе убытка на Китайской Восточной желѣзной дороги отъ 3 до 5 милл. рублей, чѣмъ губить русское дѣло на Дальнемъ Востоѣ, нынѣ все увеличивающее дефициты государства по Приамурью, уже достигшіе суммъ свыше 50 милл. ежегодно»...

«Какія же—заканчиваетъ авторъ—имѣются средства для ослабленія вреднаго значенія Китайской Восточной желѣзной дороги?... Самое вѣрное: анексія Маньчжуріи до Куанчэнцзы»...

Таковъ взглядъ автора на роль нашей Китайской Восточной желѣзной дороги въ русскомъ дѣлѣ на Дальнемъ Востоѣ.

Я уже отмѣтилъ выше, что авторъ смотритъ на эту дорогу не съ того конца, откуда на нее нужно смотрѣть. Она никогда не была дорогою коммерческою. Поэтому она безусловно слаба въ коммерческомъ отношеніи. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что дорогу эту остается «бросить» или «обезвредить» порчею.

Эта дорога прежде и больше всего стратегическая. Вотъ съ какой точки зрѣнія ее только и слѣдуетъ оцѣнивать. Остальное—коммерческое, экономическое значеніе дороги—было и остается лишь дѣломъ второстепеннымъ.

Это, выражаясь языкомъ К. Маркса, «добавочная цѣнность».

Хорошее стратегическое положеніе само стоитъ большихъ денегъ.

Удовлетворяетъ ли Маньчжурская дорога этому требованію?

Нѣтъ. Для этого достаточно уяснить себѣ то, что было высказано выше. Нужно только всмотрѣться въ географическую карту.

Но выпустить изъ своихъ рукъ эту дорогу все-таки мы не можемъ. Ее нельзя ни отдать, ни продать никому другому—ни во флангъ намъ, ни въ тылу. Разъ мы выстроили эту дорогу, намъ и остается держать ее за собою. Безповоротно,—если только мы желаемъ чувствовать себя не на вѣсу въ собственномъ Уссурійскомъ краѣ. Хотя бы удвоенные, утроенные «дефициты» грозили намъ чрезъ это;—потому что фактическая цѣна этой дороги въ чужихъ рукахъ—цѣнность Уссурійскаго края, а она, въ существѣ, равна цѣнности всего Приамурья.

Строящаяся Амурская—тоже стратегическая—дорога ни въ какомъ случаѣ утраты Маньчжурской дороги возмѣститъ не можетъ. Она только дополняетъ первую, какъ вторая ея колея. Съ утратой Маньчжурской дороги Амурская ведетъ «въ мѣшокъ», изъ котораго нужно выбиратья, а не вползать въ него. Безъ Маньчжурской дороги, Амурская становится такою же «ниткою»—при томъ еще менѣе удобною,—съ какою мы одинъ разъ уже развѣяли праздно въ воздухѣ

«духъ» арміи, ея вѣру въ свои силы и чрезъ то проиграли войну. Защищаться на Амурской (стратегической) линіи нельзя; на Амурской и Маньчжурской *вмѣстѣ*—можно...

Выше сказано слово *анексія*.

Въ жизни государствъ создаются положенія, выходъ изъ которыхъ указывается самими обстоятельствами только въ одномъ единственномъ направленіи. Соединенные Штаты Сѣверной Америки напели его въ Панамскомъ каналѣ. Японія анексировала Корею и должна закрѣпиться прочно въ Южной Маньчжуріи. Германія и Англія лихорадочно торопятся выковать свои морскія силы. Это еще не означаетъ неизбѣжности войны; но это, несомнѣнно, повелительное требованіе государственной неизбѣжности — создать необходимое обезпечивающее *стратегическое положеніе*. Блаженъ тотъ, кто не проспитъ и не отстанетъ.

Безъ *стратегическаго положенія* вся наша колонизація на Дальнемъ Востокѣ — зданіе на пескѣ. На Маньчжурской дорогѣ, безъ которой даже и съ окончаніемъ Амурской мы сознавать свое положеніе здѣсь обезпеченнымъ не можемъ, рельсы еще съ 1904—1905 г. «поднилены» и въ теченіе всего послѣдующаго времени остаются не закрѣпленными. Въ боксерскую смуту 1900 г. нашъ желѣзнодорожный путь по Маньчжуріи смогли «починить» только наши же войска, а не китайскія власти. Изъ Сахалина въ то время былъ прежде всего открытъ огонь по Благовѣщенску и

поставилъ средній Амуръ въ критическое положеніе. Эти выстрѣлы были выраженіемъ подлинныхъ чувствъ китайскаго настроенія. Теперь тамъ же возникъ бойкотъ «пищевыми продуктами», и смыслъ его, конечно, столь же многозначителенъ для нашего противоположнаго берега. Вся китайская сторона теперь усиленно «желтѣетъ» отъ надвинувшихся на нее новыхъ переселенческихъ волнъ. Пустынный ранѣ лѣвый берегъ пограничной Уссури теперь заполняется растущей на глазахъ китайской колонизаціей. По всѣмъ пустыннымъ ранѣ долинамъ къ сѣверу отъ средней Сунгари, по южнымъ склонамъ хребта между нею и Амуромъ, все выше и выше къ переваламъ вздымается могучая желтая переселенческая волна. Шайки хунхузовъ разбиваютъ китайскіе стряды, держатъ «въ покорности и дани» нашихъ лѣсопромышленниковъ въ Маньчжуріи и «съ боемъ» врываются въ наши предѣлы по Уссурийской границѣ, а Маньчжурская дорога съ момента своего существованія ежегодно поглощаетъ милліоны на свою охрану, не имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ права переступать теперь за существующую полосу отчужденія. Контрабанда спирта со стороны Маньчжуріи заливаютъ нашу границу; пограничное русское населеніе вдоль всей Уссури и вверхъ по Амуру спаивается съ китайскаго берега; наша таможенная стража изнемогаетъ въ борьбѣ съ пагубною контрабандою, а *въ нашихъ* таможенныхъ пунктахъ бережно хранятся груды задержанныхъ,

съ нашей стороны, въ качествѣ контрабанды, опиума и соли, которыхъ мы, по договору, обязались «не пропускать» въ китайскіе предѣлы, чтобы не наносить ущерба китайской казнѣ и чтобы «не вырождалось» отъ опиума китайское населеніе въ Маньчжуріи! Наши таможи оказываются ревностными стражами китайскаго благополучія и безсильными свидѣтелями спаиванія собственнаго русскаго населенія съ китайской стороны!.. На Сунгаріи китайскія власти издѣваются надъ нашимъ пароходствомъ, а на Амурѣ мы готовы сообразоваться съ мертвыми и заброшенными въ теченіе цѣлаго полустолѣтія «правами китайскаго совмѣстнаго плаванія».... Въ такомъ положеніи дѣло, очевидно, оставаться не можетъ.

Въ настоящее время сѣверные пограничные съ нами монголы борются за свое право быть независимыми отъ Китая и китайцевъ. * Права Китая на монголовъ не выше правъ самихъ монголовъ на тотъ же Китай, потому что если послѣдняя Маньчжурская династія присоединила ихъ къ Китаю, то ранѣе монголы сами владѣли, какъ признанная китайцами династія, и Маньчжуріей, и Китаемъ. Маньчжуры давно уже растворились въ китайцахъ, а провозглашенная китайская «республика», устранившая права Маньчжурской династіи, сохранила юридически только «маньчжурскую печать» на чужой (маньчжурской) вотчинѣ, которая ей никогда не принадлежала: было какъ разъ наоборотъ, Китай принадлежалъ Маньчжуріи.

ибо былъ захваченъ ея народомъ.

При новой политической комбинаціи, создавшейся въ Маньчжуріи послѣ русско-японской войны, уже въ силу политической неизовъжности и неустрашимости отсюда Россіи и Японіи права ихъ фактически безусловно болѣе реальны и осязательны, чѣмъ права Китайской «республики». Маньчжурскій вопросъ теперь всецѣло принадлежитъ только полюбовному разграниченію Россіи и Японіи, безъ вѣдома Китая.

Анексія сѣверной Маньчжуріи для насъ фактъ неизбѣжной, настоятельной необходимости. Для меня никогда—съ момента приступа къ проведенію Маньчжурской дороги чрезъ сѣверную Маньчжурію на Владивостокъ—не оставалось сомнѣнія, что мы ведемъ (и должны вести) въ этомъ направленіи не только Маньчжурскую дорогу, а Маньчжурскую... линію, потому что, иначе, терялся бы весь смыслъ мѣропріятія.

Поставьте Маньчжурскую дорогу въ эти условія (они, именно, и «обусловливали» самое ея сооруженіе), и все сужденія о ней получаютъ совершенно иное содержаніе. Маньчжурская линія (въ томъ значеніи, которое придано ей выше) создаетъ прочное стратегическое положеніе всему Приамурью, что является необходимою основою всему дальнѣйшему. Маньчжурская линія объединяетъ въ одинъ общій планомѣрный и цѣлостный колонизаціонный районъ бассейны Нонни, Сунгары, Уссури и Амура. Если въ настоящее время луч-

пий земледѣльческій фондъ въ Приамурскомъ краѣ является почти исчерпаннымъ, то сѣверная Маньчжурія открываетъ новые и гораздо болѣе богатые ресурсы. Земледѣльская площадь отъ Южно-Уссурійскаго края широкою полосою направляется чрезъ всю территорію на западъ по Хунчуну-Нингутинскому району къ Сунгари и на сѣверъ отъ нея— въ пространство между Нонни, Уссури и среднимъ Амуромъ, по направленію къ Забайкалью.

Объединенный въ общую систему съ Приамурьемъ районъ этотъ представляетъ все разнообразіе условій для высокаго культурнаго роста и развитія при посредствѣ желѣзнодорожныхъ путей и собственной мощной водной системы. Все это сливается съ Забайкальемъ въ одно цѣлое. Вопросъ о внутреннемъ судоходствѣ и его обеспеченномъ развитіи разрѣшается самъ собою. Отпадаютъ всѣ противорѣчія приграничной 50-верстной полосы и ненормальности таможеннаго распредѣленія, а экономическая роль Маньчжурской дороги въ обслуживаніи прямыхъ русскихъ интересовъ становится безспорною, самая же дорога освобождается отъ обременительныхъ расходовъ по охранѣ, т.-е. переходитъ въ нормальныя коммерческія условія, общія съ другими дорогами.

Вопросъ назрѣлъ и у насъ и въ Японіи. Совмѣстные интересы обоихъ государствъ заставляютъ ихъ идти во взаимодѣйствіи и закрѣплять окончательно то положеніе, которое каждому изъ нихъ здѣсь присуще.

Тутъ не можетъ быть никакихъ недоразумѣній и недоумѣній, потому что положеніе cadaго исполнѣ ясно.

Въ вопросѣ объ анексіи я опредѣленно высказался еще въ 1898 г. и то же самое подтвердилъ въ памятной запискѣ генералу Куропаткину въ 1903 г., гдѣ, безусловно отрицая «южную Маньчжурію», указывалъ на всю необходимость прочнаго укрѣпленія въ сѣверной.

Статья С. Д. Меркулова цѣнна въ томъ, именно, отношеніи, что въ противорѣчіяхъ самого автора вскрываются наглядно всѣ дѣйствительныя жизненныя противорѣчія настоящаго нашего положенія—въ его общей «безпозиціи» и въ перекрещивающихся, другъ другу мѣшающихъ, нерѣдко даже противодѣйствующихъ общему ходу колонизаціи (въ ея цѣлостной идеѣ) административныхъ мѣропріятій, одинаково, какъ и въ области оборонительной, лишенныхъ *прочнаго исходнаго обоснованія, прочной позиціи въ практическомъ творчествѣ.*

VII.

Экономическій сдвигъ.

Еще весною текущаго года Владивостокскій Биржевой Ко-

митетъ, во главѣ мѣстнаго купечества, осязая непосредственно

вплотную надвинувшийся на здѣшнія торговопромышленныя предприятия финансовый кризисъ, констатировалъ крайнюю серьезность создавагося положенія. Послѣ совѣщаній въ Биржевомъ Обществѣ, выяснившихъ безусловную остроту и грозящую опасность кризиса, посланъ былъ рядъ телеграммъ министру финансовъ и правленіямъ двухъ главныхъ здѣшнихъ коммерческихъ банковъ: Русско-Азіатскаго и Сибирскаго.

Въ телеграммахъ указывалось, что за два мѣсяца (мартъ и апрѣль), по даннымъ владивостокскихъ нотаріусовъ, въ городѣ было протестовано векселей на сумму 860.000 руб. и въ ближайшій мѣсяць ожидалось (по практическимъ даннымъ и соображеніямъ) новыхъ протестовъ векселей не менѣе какъ еще на 500.000 руб. Прямыми причинами выставлялись, *во первыхъ*, неплатежи денегъ казною подрядчикамъ по военнымъ сооруженіямъ, торговымъ фирмамъ по поставкамъ и даже рабочимъ (за отсутствіемъ утвержденныхъ ассигнованій), *во вторыхъ*—внезапное сокращеніе банками торговопромышленныхъ кредитовъ и настойчивое требованіе ускореннаго возврата не только суммъ, выданныхъ свыше пониженной противъ прежняго нормы, но и вообще пониженія всей банковской задолженности, и *въ третьихъ*—прямой денежный голодъ, за недостаткомъ у самихъ мѣстныхъ отдѣленій наличныхъ банковъ оборотныхъ средствъ для удовлетворенія денежнаго спроса.

Для характеристики существующаго положенія весьма цѣннымъ является напечатанный недавно въ трехъ выпускахъ «Владивостокскихъ Биржевыхъ Вѣдомостей» (№№ 6—8 отъ 15 июля, 1 и 15 августа), издающихся мѣстнымъ Биржевымъ Комитетомъ, «Очеркъ торговопромышленнаго положенія Приамурья» В. Торича, данныя котораго я ниже и использую. Одновременно съ этимъ «Очеркомъ» г. Торича въ тѣхъ же выпускахъ «Влад. Бирж. Вѣд.» опубликованъ «Торговый обзоръ Владивостока за 1911 г.», извлеченный изъ годового отчета Биржевого Комитета.

Въ указанномъ отчетѣ говорится:

— «Денежный рынокъ съ самаго начала текущаго года былъ очень неблагопріятенъ. Признаки этого обнаруживались еще въ концѣ 1911 г., когда стало извѣстно, что Инженерное Управленіе и Строительныя Комиссіи, использовавъ кредиты, стали задерживать расчеты съ подрядчиками. У названныхъ учреждений новые кредиты къ новому году оказались неоткрытыми и задолженность ихъ подрядчикамъ въ первую четверть года, все возрастая и возрастая, достигла, по грубому подсчету, свыше 4.000.000 руб.

«Такъ какъ рынокъ никогда не отличался свободными оборотными средствами, будучи богатъ лишь предпринимательской энергіей, то задолженность казенныхъ учреждений вызвала усиленную потребность въ банковскихъ кредитахъ. Однако, съ

этой стороны помощи не могло быть оказано. Самый крупный по капиталу въ активѣ Русско-Азіатскій банкъ, перейдя, по слухамъ, норму задолженности своему Правленію, по требованію послѣдняго, сталъ усиленно сокращать кредиты. Наибольше значительныя размѣщенія его оказались въ предпріятіяхъ малоподвижныхъ, могущихъ быть реализованными только съ теченіемъ лѣтъ, и сильно сократить активъ на нихъ не представлялось возможнымъ; поэтому сокращеніе захватило, главнымъ образомъ, жизненную и оборотодѣятельную клиентуру, которая и стала испытывать трудности.

«Сибирскій банкъ, хотя и значительно расширившій свои операціи за послѣдніе два года, не могъ удовлетворить, по ограниченности капитала, возросшимъ требованіямъ и переносу на него урѣзанныхъ и закрытыхъ кредитовъ въ Азіатскомъ банкѣ.

«Общество Взаимнаго Кредита давно не пользовало всѣхъ ресурсовъ и новаго ничего дать на рынокъ не могло.

«Государственный банкъ, чувствуя затрудненія рынка и связанную съ этимъ опасность, тоже не находилъ возможнымъ расширить кредиты, склоняясь скорѣе на сокращеніе нѣкоторыхъ.

«Подобная обстановка естественнымъ образомъ повела за собой неплатежи со стороны наибольше слабыхъ предпріятій (Бр. Кузнецовы, Т-во Исаевыхъ). А такъ какъ они по векселедательству были связаны съ третьими лицами, то явилось прямое опасе-

ніе дальнѣйшихъ неплатежей и кризиса.

«Весенній періодъ особенно дѣлался чувствительнымъ къ такому положенію, такъ какъ здѣсь весна всегда являлась наибольше труднымъ временемъ для денегъ и наибольше требовательнымъ на банковый кредитъ. Торговцы въ это время начинаютъ получать товары на весь годъ, рыбопромышленники вынуждены запасаться рабочими, продуктами, матеріалами и орудіями промысловъ, лѣсопромышленники, заканчивая рубки, вынуждены платить пенныя, разчитывать рабочихъ и формировать новыя артели для сплава, подрядчики по казеннымъ работамъ, не получивъ ни расчетовъ, ни старыхъ залоговъ, вынуждены вносить новые залого по новымъ контрактамъ, закупать матеріалы и нанимать рабочихъ, которыхъ приходится привозить изъ Россіи, за неразрѣшеніемъ работать нерусскими, затрачивая на это очень крупныя средства.

«Совокупность всего вышеизложеннаго создала денежный голодъ, котораго не запомнятъ старожилы, и вызываетъ очень серьезныя опасенія за усиленіе кризиса, за исходъ исправности работъ, расчетовъ и платежей.

«Биржевой комитетъ видѣлъ единственный исходъ въ привлеченіи сюда новаго частнаго кредитнаго учрежденія. Мотивы его были: что жизнь здѣсь растетъ чрезвычайно быстро, создаются съ крайней быстротой новыя работы и новыя отрасли промышленности, какъ, напр., экспортъ рыбы, лѣса, руды; притока капиталовъ извнѣ нѣтъ, мѣстныхъ же

никогда не было; экономическая политика мѣняется изъ года въ годъ; предприниматели никогда не знаютъ—чего и какого курса имъ придется держаться въ ближайшемъ будущемъ, и не знаютъ—какой политики будутъ придерживаться частные банки. Поэтому спокойная обстановка работы и прогресса можетъ быть только при условіи, когда нѣтъ денежнаго голода, когда есть банки, ищущіе размѣщенія капитала, а не избѣгающіе этого, т.-е. когда можно рассчитывать на поддержку со стороны банковъ, коихъ здѣсь далеко не достаточно и процентныя ставки чрезвычайно высоки».

Отмѣтивъ далѣе, что «Владивостокскій Биржевой Комитетъ, предвидя, что означенная конъюнктура денежнаго рынка вызоветъ цѣлый рядъ массовыхъ краховъ», предпринялъ рядъ ходатайствъ, въ томъ числѣ по телеграфу на имя Предсѣдателя Совѣта министровъ, министра торговли и промышленности, объ открытіи во Владивостокѣ отдѣленія одного изъ Россійскихъ солидныхъ банковъ, мало зависимыхъ отъ заграницы,—«Отчетъ» сообщаетъ, что результаты по нимъ получились вообще неутѣшительные, частью уклончивые. «Отъ Правленія Сибирскаго банка получено обѣщаніе дать Отдѣленію, по ознакомленіи съ дѣлами, надлежащія директивы и отъ Правленія Азіатскаго банка—что, въ виду сліянія банковъ, оно не находитъ возможнымъ предоставить Владивостокскому отдѣленію прежній размѣръ кредита»... «Такимъ образомъ—заканчива-

еть «Отчетъ» свою грустную повѣсть—до настоящаго момента вопросъ остается все въ томъ же угрожающемъ положеніи. Неплатежи все учащаются и учащаются: за мартъ и апрѣль мѣсяцы у мѣстныхъ нотаріусовъ было протестовано векселей на 830,000 р. и несомнѣнно, что при дальнѣйшей затыжкѣ въ расчетахъ казны съ ея кредиторами—массовые крахи неизбежны».

Г. Торичъ въ своемъ «Очеркѣ торговопромышленнаго положенія Приамурья» дополняетъ эту картину слѣдующими сопоставленіями.

«Въ 1897 г. въ краѣ открылся первый частный банкъ и было положено начало широкой банковской дѣятельности, а съ нею вмѣстѣ и усиленію зависимости торгово-промышленнаго класса отъ банковъ. Банковый кредитъ ввелъ въ жизнь края новый элементъ.... Такъ, въ 1895 г., когда населеніе Владивостока было уже около 16,000 чел. и число выбранныхъ въ городѣ промысловыхъ и купеческихъ свидѣтельствъ доходило до 750, въ городѣ было за весь годъ протестовано торговыхъ и частныхъ векселей только 75 на сумму 60,712 руб.—одинъ вексель на 213 жителей или 3 р. 75 к. на жителя.... Въ 1906 г. число постоянныхъ жителей Владивостока дошло до 50,000, а число выбранныхъ свидѣтельствъ до 4871. Кассовые обороты банковъ въ 1906 году дошли: Государственнаго—свыше 322 мил., Русско-Китайскаго — 764 мил., Городскаго—свыше 9 мил. и только что открытаго Сибирскаго—почти 60 мил. Зато число протестован-

ныхъ векселей доросло до 604 на сумму 2.159,239 р.—одинъ вексель на 83 жителя или 43 руб. на каждого жителя въ городѣ.... Обороты Русско-Азіатскаго и Сибирскаго банковъ въ 1911 г. были свыше 180 мил. руб. въ каждомъ, Государственнаго (въ 1910 г.) свыше 280 мил., Владивостокскаго Общества Взаимнаго Кредита свыше 75 мил., Владивостокскаго Городскаго банка свыше 9 мил. руб. Число протестованныхъ въ городѣ векселей въ 1911 г. было 2,656 на сумму 1.476,846 руб., что, считая во Владивостокѣ 95,000 жителей, даетъ одинъ вексель на 35 жителей или 15 руб. на каждого жителя въ городѣ. Въ 1912 г. протестъ векселей грозитъ далеко превысить эту цифру. Такъ, по 30 апрѣля въ городѣ уже протестовано векселей свыше чѣмъ на 800,000 руб., при чемъ въ одномъ апрѣлѣ на 449,000 руб.

«Главными покупателями и потребителями въ краѣ являются казна и казенныя желѣзныя дороги, не выдающія векселей. Точной пропорціи отношеній торговли съ казною и частными потребителями установить невозможно, но будетъ близко къ истинѣ, если сказать, что обслуживаніе казны составляетъ основу краевой коммерческой жизни. Это обстоятельство придаетъ краевой торговлѣ и промышленности яркую особенность: отсутствіе векселей при обслуживаніи главнаго покупателя. Далѣе, векселя, выдаваемые мѣстными коммерсантами европейскимъ кредиторамъ, также не учитываются въ мѣстныхъ банкахъ, а поступаютъ въ

болѣе дешевые, европейскіе, и это, вмѣстѣ взятое, должно бы дѣлать вексельно-учетные обороты мѣстныхъ банковъ незначительными. На дѣлѣ получается противоположное: учетныя операціи являются въ нихъ главными, что ясно говорить, что дѣло кредита въ краѣ поставлено ненормально. Съ одной стороны, банкъ не даетъ денегъ иначе, какъ по представленіи къ учету торговаго векселя съ двумя подписями, а по складу краевой торговли—такихъ мало и обычно, когда приходится обращаться въ банкъ, ихъ нѣтъ. Обычный срокъ векселей, принимаемыхъ мѣстными частными коммерческими банками, отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, только въ исключительныхъ случаяхъ девятимѣсячный. Если въ нѣкоторыхъ видахъ торговли этотъ срокъ и является достаточнымъ, то для главныхъ промышленныхъ предпріятій въ краѣ: лѣсныхъ, рыбныхъ, горныхъ и строительныхъ—онъ коротокъ. Въ рыбномъ дѣлѣ оборотъ капитала, при работѣ на ближайшіе рынки, восьмимѣсячный, на европейскіе—годовой и болѣе. Въ горномъ дѣлѣ — годовой, а въ лѣсномъ онъ затягивается до двухъ лѣтъ. Какимъ же образомъ можно обслужить эти промышленности трехмѣсячными векселями? Очевидно, только при условіи переписки ихъ. Банки переписываютъ векселя, но они не обязаны дѣлать этого, а потому, обязываясь въ банкахъ, предприниматель, съ момента представленія перваго векселя, отдаетъ себя въ руки банковъ. Въ краѣ не разъ замѣчалось, что около

каждаго директора банка обычно группируются нѣсколько облюбованныхъ имъ лично кліентовъ, которымъ дѣлаются всевозможныя поблажки, и нерѣдко они такъ заполняютъ вексельный портфель, что остальнымъ кліентамъ мало что остается. Съ рядовымъ кліентомъ дѣло обстоитъ просто. Достаточно личного нерасположенія директора банка, приказа Правленія сократить кредитъ, чтобы ему на самомъ законномъ основаніи было отказано въ отсрочкѣ, и всѣ его расчеты нарушены. Можетъ ли предприниматель спокойно работать при такомъ положеніи, возможна ли въ краѣ созидательная работа, для которой, по словамъ В. Н. Коковцова, важно спокойствіе?».

Поясню, что послѣднимъ вопросомъ авторъ отвѣчаетъ на слова министра финансовъ въ его отвѣтной рѣчи въ Москвѣ, 4 апрѣля текущаго года, председателю Московскаго Биржевого Комитета Крестовникову:

— «Здоровыя предпріятія отказа въ кредитѣ не имѣютъ».... «Для торгово-промышленнаго класса важна спокойная созидательная работа»....

Врядъ ли кто лучше приамурцевъ—замѣчаетъ г. Торичъ—можетъ оцѣнить правоту этихъ словъ....

«За прошлые годы—продолжаетъ г. Торичъ—въ краѣ успѣли накопиться нѣкоторыя средства... Въ краѣ образовался классъ обеспеченныхъ людей, зарождались солидныя фирмы. Въ настоящее время положеніе рѣзко измѣнилось. Состоянія стали пропа-

дать, разсасываться какъ-то, на глазахъ у всѣхъ, и недавно еще обеспеченные люди одинъ за другимъ становятся въ ряды предпринимателей, нуждающихся въ оборотныхъ средствахъ и не всегда находящихъ ихъ. Явленіе это красною нитью проходитъ въ краѣ за послѣднія 7—8 лѣтъ. Лучшія въ городѣ недвижимости одна за другой переходятъ въ руки банковъ и многія коммерческія предпріятія только номинально числятся за владѣльцами ихъ, фактически же находятся въ рукахъ банковъ. Явленіе это не можетъ быть нормальнымъ. Отсутствіе знанія и работоспособности встрѣчаются вездѣ и всюду, но когда вообще обѣднѣніе является массовымъ явленіемъ, то очевидно, что сведеніе на нѣтъ многихъ предпріятій одновременно не можетъ быть приписано непригодности предпринимателей, а имѣетъ другія, болѣе глубокія, причины.... Въ 1906 г. во Владивостокъ явился новый контингентъ предпринимателей съ капиталами, нажитыми во время войны. Этотъ годъ внесъ въ окраинную жизнь оживленіе, и коммерческая жизнь замѣтно расширилась. Этотъ годъ интересенъ тѣмъ, что вслѣдъ за кратковременнымъ подъемомъ въ краѣ развился затяжной финансовый кризисъ, отголоски котораго чувствуются и до сихъ поръ»....

Я могъ бы привести цѣлый синоликъ «убіенныхъ» или «съ совершенновыпущенною кровью» предпріятій, которыя, конечно, столь же хорошо извѣстны г. Торичу, какъ и мнѣ, но я этого, конечно, не могу допустить здѣсь,

по вполне понятнымъ причинамъ. Я назову только уже совершенно погибшихъ, отмѣчая ихъ (съ 1906 г.) въ той суммѣ, которую они потеряли непосредственно изъ безспорныхъ личныхъ средствъ (нажитыхъ, преимущественно, за время войны) или же на сколько потеряли тѣ кредиторы, которые снабдили ихъ своими товарами или деньгами. Не все ли равно, для характеристики положенія, *чи* именно деньги, свои или чужія, кредиторскія, погибли въ краѣ? Важно то, что у лицъ, эти деньги (или товары) потерявшихъ, фактически тоже ничего не осталось. Вотъ здѣшніе «покойники»:

Бр. Кузнецовы—500 тыс.
Шильниковъ—500 тыс. Исаевы—400 тыс. Кордесъ—200 тыс.
Либе-Вульфъ—250 тыс. Бризе-Даніель—100 тыс. Американская Комп.—1.500 тыс. Тильмансъ—150 тыс. Эльвангеръ—200 тыс. Цой—200 тыс.... Это вмѣстѣ составляетъ 4.000,000 руб.

На-дняхъ предстоитъ «регу-лировка» счетовъ стараго русскаго предпріятія (20 лѣтъ работы) съ общою задолженностью 1.600,000 руб., на покрытіе которой не хватитъ, по меньшей мѣрѣ, 500,000 руб. Я знаю двѣ фирмы, несомнѣнно, имѣвшія послѣ войны одна 750 тыс., другая 250 тыс. наличныхъ денегъ, которыя (фирмы) теперь прочно зажаты въ банкахъ. Я не назвалъ еще четыре отдѣльныхъ фирмы, въ которыхъ, вмѣстѣ, улетучилось до 300 тыс. руб. капитала. Вмѣстѣ съ предшествующимъ это составитъ уже около 5.600,000 р. Припомните затѣмъ Кларксона.

Припомните одно очень крупное русское имущественное имя, отъ владѣній котораго остались только черепки. Припомните крупное золотопромышленное предпріятіе у Николаевска... Въ общемъ итогъ у васъ получится близко къ 8.000,000 рублей, если привести весь подробный перечень. *Это уже кладбище.* Коммерческіе банки понесли за это время «потерь», самое большое, до 3.000,000 руб. Куда же «развѣялись» остальные суммы? А сколько «больныхъ» фирмъ, которыя еще перебиваются около банковъ, пока и ихъ, прямо или косвенно, не зацѣпнеть надвинувшаяся лавина?!....

Это—въ области торгово-промышленной. Никогда не было такого страшнаго кризиса, такой нужды въ деньгахъ, какъ теперь, и такой власти (а вмѣстѣ съ тѣмъ и банковаго нажима), какъ въ настоящее время. Имена и предпріятія «выпалываются», какъ крапива. Даже «дубы» покрхтываются...

Въ городской обывательской жизни, не столь сконцентрированной, какъ торгово-промышленныя предпріятія, несравненно менѣе бьющей въ глаза отлѣльными единицами, но въ своемъ массовомъ содержаніи служащей еще болѣе нагляднымъ показателемъ общаго экономическаго непомоганія, отчетливо наблюдается то же полное осквѣніе. Нѣтъ денегъ вообще. Ростъ городскихъ построекъ остановился. Нужда растеть. Недавнее время, когда «рубль» былъ «не деньги», отбыло въ область преданій. Найти занятія почти невозможно.

Строительные материалы страшно поднялись въ цѣнѣ. Жизненные припасы страшно вздорожали. Рыба, крабы, шримсы, составившие недавно продукты, доступные всякой бѣднотѣ, теперь сдѣлались предметомъ потребления только зажиточнаго народа. Рабочихъ рукъ для частнаго населенія мало и онѣ тоже поднялись въ цѣнѣ; каботажъ почти уничтожился... И надо всѣмъ этимъ слышится одинъ и тотъ же голосъ: нѣтъ денегъ!

Во Владивостокѣ страшнѣе всего.... Лицо, только что проѣхавшее Амуромъ черезъ Благовѣщенскъ и Хабаровскъ, говорило мнѣ, что въ Хабаровскѣ много лучше, вслѣдствіе близости постройки Амурской дороги; въ Благовѣщенскѣ тоже ничего, но и ему очень скоро предстоитъ участь Владивостока, если не хуже. Передаю чужой отзывъ, какъ его понялъ....

А между тѣмъ казенное золото еще и теперь льется въ край въ суммѣ около 60 милліоновъ руб. ежегодно...

Въ чемъ же тогда коренится противорѣчіе внѣшней кажущейся «денежности» съ внутреннею и реальною «безденежностью»?

Мы видѣли раньше, на чемъ базируется объясненіе такого явленія Владивостокскій Биржевой Комитетъ. Но это лишь объясненіе частности, объясненіе въ примѣненіи къ извѣстной группѣ, при томъ объясненіе только остроты явленія, а не анализъ его общаго содержанія. Имъ отнюдь нельзя удовлетвориться въ общемъ вопросѣ о сложившихся вліяніяхъ экономической окра-

инной жизни и дальнѣйшемъ ходѣ колонизаціи.

Детальнѣе и шире ставить этотъ вопросъ г. Торичъ.

Онъ прежде всего совершенно основательно протестуетъ противъ шаблонныхъ и голословныхъ утвержденій, что край мало даетъ «здоровыхъ предпріятій». При наличіи богатствъ лѣса, рыбы, залежей ископаемыхъ, при таможенномъ покровительствѣ и крупныхъ потребностяхъ одной казны сводить общія причины только къ нездоровому складу предпріятій, очевидно, не приходится.

Въ первую голову г. Торичъ ставитъ ненормальную политику самихъ мѣстныхъ коммерческихъ банковъ.

Нигдѣ въ мірѣ промышленность не обходится безъ кредита, безъ средствъ, привлеченныхъ со стороны, а потому отсутствіе достаточныхъ *собственныхъ* средствъ въ молодомъ краѣ еще не мѣрило для показанія эфемерности мѣстныхъ предпріятій.

«Неизвѣстность края,—говоритъ г. Торичъ—отсутствіе въ немъ предпріятій, достаточно успѣшныхъ, чтобы заинтересовать биржу, ставятъ препятствія въ образованіи акціонерныхъ обществъ, съ привлеченіемъ широкой публики. Остаются только два пути: банки и содѣйствіе казны. Первый путь открыть краю съ 1897 г., но при какихъ условіяхъ! По причинамъ, ничего общаго собственно съ Приамурьемъ не имѣющимъ, край былъ отданъ въ монополію частнаго банка. Первое время въ рукахъ русскаго правительства еще былъ ка-

кой-то контроль за дѣятельностью банка, но впоследствии это отошло, и правление банка, фактически иностранное, стало полным распорядителем его дѣйствій. Въ 1907 г. открывается отделение второго акціонернаго банка, но это далеко еще не значитъ, что эти банки были и остались конкуррентами. Люди, знакомые съ настоящей постановкой банковаго дѣла, знаютъ, что въ настоящее время банки уже не дѣйствуютъ самостоятельно, а большими группами, между которыми и дѣлится поле дѣятельности.... При такой организаци, данный банкъ или банки являются полными монополистами и предпринимателю не остается другого выхода, какъ работать только чрезъ нихъ. Въ краѣ, какъ указано выше, торговыхъ векселей мало и предпринимателю поневолѣ приходится прибѣгать къ дружескимъ... Дружескій вексель имѣетъ ту отрицательную сторону, что онъ удваиваетъ задолженность пользующагося имъ лица.... Несвоевременный выкупъ его держателемъ, хотя использованнымъ его для личныхъ надобностей, также пагубно отражается на дѣлѣ даннаго лица, какъ и неплатежъ по представленному.... Эта зависимость страшна тѣмъ, что банкъ, заинтересованный непосредственно въ успѣхѣ задолжавшаго предпріятія, заботится только о цѣлости вложенныхъ въ него денегъ, а потому, какъ только задолженность предпріятія дорастаетъ до степени, могущей угрожать потерю одолженныхъ денегъ, то, имѣя въ рукахъ кліента, банкъ имѣетъ воз-

можность диктовать ему свои условия веденія дѣла... Кліентъ оезпомощенъ. Малѣйшее противодѣйствіе съ его стороны грозитъ протестомъ векселей и, значитъ, разореніемъ. Измученный постоянной заботой о перепискѣ векселей, оторванный отъ дѣла хожденіемъ по банкамъ, удрученныи неправильнымъ веденіемъ своего дѣла, въ конецъ изнервничавшійся, онъ вздыхаетъ съ облегченіемъ, когда, наконецъ, банкъ рѣшаетъ—опять таки ради соблюденія только банковыхъ интересовъ—взять его дѣло на себя, распутываетъ клубокъ его вексельныхъ обязательствъ и, взявъ на дѣло закладную, пишетъ накопившійся долгъ на онкольный счетъ. Съ этого момента кліентъ становится «пансіонеромъ» банка. Дѣло фиктивно значится за нимъ, фактически же оно уже банковское, и владѣльцу остается только надежда, что онъ «какъ-нибудь» вывернется и вернуть себѣ дѣло»....

«Въ краѣ существуютъ 8 отделеній частныхъ акціонерныхъ банковъ. Содержаніе такихъ отделеній обходится отъ ста до двухсотъ тысячъ рублей каждое, или краю это стоитъ свыше милліона рублей ежегодно. Если принять доходы приамурскихъ отделеній въ двѣсти тысячъ для главныхъ и въ сто тысячъ для остальныхъ городовъ, то краевая дань этимъ банкамъ опредѣлится въ ежегодной суммѣ свыше милліона рублей. Учитывая, наконецъ, проценты на вложенный въ нѣкоторыя отделенія капиталъ (примерно, отъ 5 до 8 милліоновъ по $4\frac{1}{2}\%$ годовыхъ), къ вышесказан-

нымъ цифрамъ приходится до-
бавить еще отъ 225,000 до 360,000
руб., что доводитъ общую сумму,
извлекаемую этими банками еже-
годно изъ края, до 2.360,000 руб.
ежегодно, если не больше.

«Никто, конечно, не ста-
нетъ говорить противъ необходи-
мости банковыхъ учрежденій въ
краѣ; но можно, повидимому,
много сказать про дѣятельность
банковъ, создающихъ нездоро-
вую, почти кошмарную атмосферу
въ экономической жизни его....

«Съ 1907 г. въ одномъ Вла-
дивостокѣ въ нихъ смѣнилось
семь директоровъ.... Семь дирек-
торовъ—значить, семь перемѣнъ
въ политикѣ банка, то съ распы-
реніемъ оборотныхъ средствъ и
попытками вскармливанія мел-
кихъ мѣстныхъ предпріятій до
крупнаго размѣра, то съ сокра-
щеніемъ этихъ средствъ и сма-
ркою на-нѣтъ еще вчерашнихъ
кліентовъ. Такіе эксперименты
не проходятъ даромъ ни краю, ни
самимъ банкамъ, и извѣстно не
мало случаевъ, когда Правленія
однимъ взмахомъ пера списыва-
ли со счетовъ Отдѣленія сотни
тысячъ рублей безнадежныхъ
долговъ. Край давно уже чувству-
етъ ненормальность такой поста-
новки кредитнаго дѣла въ немъ и
не разъ пытался реагировать на
нее»....

«Неправильная постановка
денежнаго вопроса въ краѣ еще
усугубляется цѣлымъ рядомъ
другихъ обстоятельствъ. Въ поли-
тикѣ края не установилось еще
прочнаго теченія, которое можно
было бы предусмотрѣть и учесть
впередъ. Въ немъ до сихъ поръ
еще происходитъ цѣлый рядъ пе-

ремѣнъ. Какъ, напр., можно на-
звать двукратное закрытіе порто-
франко, отголоски чего до сихъ
поръ чувствуются въ дѣлѣ вопро-
са о пошлинѣ на маньчжурское
зерно, перемѣну въ положеніи
каоотажа, обрусеніе труда и
т. д.?... Все это важные краевые
вопросы и не только установленіе
твердаго взгляда на нихъ, но и
самый процессъ проведенія его
въ жизнь—не могутъ не отозвать-
ся на строѣ краевой жизни и не
волновать ея. Далѣе, въ краѣ
нарушился порядокъ расчета по
казеннымъ работамъ... Была за-
держана сумма, доходящая до
полутора милліоновъ рублей. Въ
дѣлѣ съ частными кліентами это
выразилось бы въ выдачѣ вексе-
лей, которые хоть нѣсколько об-
легчили бы положеніе; но, оче-
видно, законодатель не допу-
скалъ и мысли о возможности та-
кой неустойки со стороны каз-
ны....

«Ясно—заканчиваетъ ав-
торъ,—что въ краѣ создалось по-
ложеніе, при которомъ самыя
жизнеспособныя предпріятія не
только не могутъ нормально раз-
виваться, но и существовать мо-
гутъ лишь съ трудомъ. Въ краѣ
больны не предпріятія, а нездо-
рова окружающая ихъ атмосфера,
и оздоровленіе ея должно быть
выдвинуто въ число первыхъ во-
просовъ по краеустройству»....

Въ № 79 «Дальн. Вост.»,
отъ 8 апрѣля текущаго года, бы-
ла напечатана статья А. О. «Цен-
трализація кредита въ Россіи».
Авторъ статьи—человѣкъ весьма
близкій къ банковому дѣлу, стояв-
шій во главѣ одного изъ «отдѣ-

лений» коммерческаго банка въ Приамурскомъ краѣ. На основаніи цифровыхъ данныхъ за послѣднія 11 лѣтъ о дѣятельности частныхъ коммерческихъ банковъ въ Россіи онъ констатируетъ, что, *при централизаціи банковаго дѣла въ Петербургъ и Москву*, активы балансовъ коммерческихъ *московскихъ и петербургскихъ банковъ* въ 1911 г., въ общей суммѣ, составляли около трехъ милліардовъ, тогда какъ *на всю провинціальную Россію* приходилось лишь около полу-милліарда. «Главная роль экономического руководства въ нашей промышленности и торговлѣ—говоритъ авторъ—выпадаетъ на долю частнаго кредита. Отъ послѣдняго зависитъ экономическое развитіе; его направленіе является направленіемъ хозяйства страны»... Оказывается, что за послѣднія 11 лѣтъ дѣятельность петербургскихъ банковъ *возрасла почти въ пять разъ, московскихъ свыше чѣмъ вдвое*, а въ банкахъ провинціальной Россіи только *на десять процентовъ*. Если же при этомъ выдѣлить еще банки привислинскіе и прибалтійскіе, то активы балансовъ русскихъ провинціальныхъ банковъ дадутъ уменьшеніе, а не ростъ. На долю 120-милліоннаго населенія русской провинціи придется всего лишь *3 процента* экономического «вліянія», а остальные 97 процентовъ банковаго экономического руководства падаютъ на долю петербургскаго, московскаго, привислинскаго и прибалтійскаго районовъ.

С. Д. Меркуловъ, опираясь на эти выводы, въ своей статьѣ

«*Опасные признаки*» (№ 172 «Дальн. Востокъ»), говоритъ:

«Петербургскіе и московскіе банки высасываютъ все средства изъ страны; а такъ какъ значительнѣйшее участіе въ этихъ банкахъ принимаютъ иностранные капиталы, то Россія въ цѣломъ истощается на здоровье гг. иностранцевъ. Картина эта еще ухудшается тѣмъ, что въ петербургскихъ банкахъ преобладаютъ нездоровыя операціи ради биржевой спекуляціи»... Рядомъ же съ этимъ и вся промышленная дѣятельность страны сосредоточивается въ немногихъ районахъ: московскомъ, прибалтійскомъ, привислинскомъ и бакинскомъ; сколько-нибудь серьезное промышленное развитіе въ остальной необъятной Россіи отсутствуетъ. Почему? Какія причины?... «Коротко, но метко—отвѣчаетъ С. Д. Меркуловъ—главная изъ нихъ опредѣлена въ статьѣ «*Центры и Россія*» въ № 13.018 «Нов. Вр.» отъ 10 іюня: «*Центры*, ставшіе во главѣ промышленнаго капитала, пользуются исключительнымъ авторитетомъ и вліаніемъ, нерѣдко клонящимся къ ущербу другихъ мѣстностей»... Подробнѣе тѣ же причины выясняетъ въ своей брошюрѣ «*О желательномъ направленіи финансовой и экономической политики Россіи*» членъ Государственнаго Совѣта В. И. Денисовъ, приходящій къ конечному выводу, что, вопреки оптимизму насчетъ нашего *бюджета*, печальное состояніе народно-хозяйственной жизни Россіи является фактомъ и должно вызывать тревогу. «Явленіе это свидѣтельствуеетъ, что ростъ нашего бюдже-

та не есть только результат роста народно-хозяйственной жизни Россіи, а главнымъ образомъ — результатъ *нажима, высасыванія творческихъ силъ народа*. Происходитъ онъ не за счетъ развитія экономической мощи, а на счетъ истощенія хозяйственнаго организма страны».

«Настоящее *видимое* блестящее экономическое развитіе Москвы и особенно Петербурга — заключаетъ С. Д. Меркуловъ — при обрисованномъ состояніи народно-хозяйственной жизни остальной Россіи, есть лишь нездоровое искусственное возбужденіе, нездоровый приливъ крови къ «сердцу» и «мозгу» страны на счетъ остального ея организма. Приливъ этотъ увеличивается благодаря дѣйствию пиявокъ, присосавшихся къ нимъ: широкому участию иностранныхъ капиталовъ въ банковской дѣятельности въ Россіи... При ослабленіи, или, по крайней мѣрѣ, приостановкѣ развитія въ хозяйственной жизни остальной Россіи, экономическое и финансовое процвѣтаніе и «*центровъ*» — *недолго вѣчно*»....

Если мы обратимся отсюда специально къ Приамурскому краю, то должны будемъ констатировать за послѣднее время цѣлый рядъ крупнѣйшихъ «*нажимовъ*» на его экономическое и финансовое благосостояніе именно со стороны «*центровъ*».

Порто-франко, при которомъ край колонизовался въ теченіе полустолѣтія, теперь закрыто, и закрыто подъ нажимомъ Москвы, при дружномъ противодѣйствіи всего населенія и мѣстной

администраціи. А что значитъ закрытіе порто-франко? Въ простѣйшемъ своемъ содержаніи это — введеніе новаго *косвеннаго налога на мѣстное населеніе въ видѣ пошлинъ*. Таможни выколачиваютъ съ населенія края, примѣрно, до милліона рублей. Эту сумму населеніе выплачиваетъ изъ своихъ ежегодныхъ ресурсовъ, при чемъ налогъ этотъ ложится здѣсь почти исключительно на городское населеніе, такъ какъ предметы сельскаго потребленія отъ таможенныхъ тарифовъ свободны. Населеніе Приамурья, со включеніемъ войскъ, распределяется приблизительно такъ: 40 проц. въ городахъ и 60 проц. въ селахъ. Такимъ образомъ вся пошлина, падая только на одну половину населенія, удваиваетъ пошлинныя тяготы послѣдней. Но таможня, сверхъ того, прикрывая собою болѣе дорогой (русскій) товаръ отъ конкуренціи болѣе дешеваго (иностраннаго) и заставляя населеніе переходить на первый, вынуждаетъ потребителей удорожать свой обиходъ, даже не выплачивая пошлиннаго обложенія, потому что самъ по себѣ ходовой рыночный товаръ, подъ давленіемъ пошлины на иностранный ввозъ, становится дороже. На иностранномъ товарѣ населеніе выплачиваетъ прямую *пошлину*, на русскомъ же оно покрываетъ изъ своихъ средствъ всю ту *разницу въ цѣнѣ*, какая существуетъ вообще между русскимъ и иностраннымъ производствами и которую пошлина собственно и «оберегаетъ» для фабриканта.

А результатъ? Пошлина, по-

ступающа въ таможенную, уходитъ *изъ края* въ центральную казну, *переплата* же за повышенную стоимость приобретаемаго русскаго товара (противъ иностраннаго) идетъ въ наши промышленныя районы Европейской Россіи, о которыхъ сказано выше. Въ обоихъ случаяхъ мѣстные ресурсы *выкачиваются* вонъ изъ края и вмѣстѣ съ тѣмъ *удорожается* въ немъ самая жизнь. Въ Москвѣ становится «лучше», въ Приамурскомъ краѣ «хуже».

Въ томъ же самомъ направленіи дѣйствуютъ и разные другіе прямыя и косвенныя налоги. Гербовый, судебный, нотаріальный, вексельный, паспортный и иные сборы здѣсь одинаковы съ Европейской Россіей. Введенный недавно государственныя налоги на недвижимыя имущества здѣсь и тамъ совершенно одинаковы, хотя, безъ сомнѣнія, условія для выплаты его въ нашемъ краѣ значительно тяжелѣе. Акцизы тоже вездѣ одинаковы. И т. д. Всѣ эти ресурсы опять таки высасываются изъ предѣловъ края въ центральныя учрежденія.

Работа банковъ въ томъ же направленіи выкачивания мѣстныхъ средствъ изъ края въ центральныя управленія отмѣчена выше, и по примѣрному подсчету г. Торича такое «выдаиваніе» составляетъ свыше 2 мил. руб. ежегодно. Этимъ, безъ сомнѣнія, *удорожаются* уже самыя «деньги», въ смыслѣ рыночнаго «товара», ибо все болѣе и болѣе концентрируются въ рукахъ банковъ, становятся все болѣе и болѣе «рѣдкими», полученіе ихъ для мѣстнаго оборота затрудня-

ется; а это вздорожаніе, въ свою очередь, отъ торгово-промышленнаго круга предпринимателей раскладывается и на все потребительное населеніе. Иначе говоря, жизнь дорожаетъ вообще отъ самыхъ верховъ до самаго низу.

Слѣдующею капитальною причиною настоящаго экономическаго и финансоваго гнета въ краѣ является фактическое отсутствіе въ немъ земельного кредита. Съ самаго момента начала войны въ 1904 г. и до сихъ поръ изъ работавшихъ здѣсь двухъ земельныхъ банковъ Нижегородско-Самарскій совершенно прекратилъ свои операціи, а Ярославско-Костромской только слегка ихъ поддерживалъ, на условіяхъ весьма суровыхъ для недвижимыхъ имуществъ. Цѣлая огромная область очутилась такимъ образомъ внѣ поземельнаго кредита и огромныя капиталы, вложенныя населеніемъ въ постройки, оказались связанными и неподвижными за отсутствіемъ для нихъ «рынка». При обращеніи взысканія на городское имущество дорогой доходный домъ въ Владивостокѣ можно было приобрести за цѣну банковскаго или иного «взысканія» съ ничтожною надбавкою; появились даже своего рода хищники, которые, пользуясь такимъ безвыходнымъ положеніемъ имуществъ, стали специализироваться на дешевой скупкѣ имуществъ, строя на чужой бѣдѣ свое будущее благополучіе. При отсутствіи земельного кредита въ краѣ, имущественныя владѣнія для коммерческихъ банковъ сохранили значеніе лишь въ предѣлахъ своей непосредствен-

ной «доходности»; и въ то время, когда въ подтоварномъ кредитѣ размѣры послѣдняго учитывались одновременно и на «прибыль», и на самый «товаръ», въ земельныхъ имуществвахъ цѣнность «товара» (самой собственности) значеніе утратила, потому что реализація его была крайне затруднительна. «Закладныя» въ коммерческихъ банкахъ перестали быть хорошимъ, устойчивымъ обезпеченіемъ для открываемыхъ кредитовъ....

Когда мнѣ, въ засѣданіяхъ Биржевого Общества по поводу навалившагося на Владивостокъ всею тяжестью нынѣшняго финансоваго кризиса, пришлось высказать, что какъ «неплатежи» казны по подрядамъ и поставкамъ, такъ и неожиданное «сокращеніе кредитовъ» въ коммерческихъ банкахъ—суть конечныя явленія, только *обостряющія* кризисъ, но не его *коренныя основанія*, а таковыми (какъ свидѣтельствуется необрывающаяся критическая линія затрудненій еще съ 1907 г.), являются общія условія, уничтожившія *свободно денежную наличность* вообще у населенія (закрытіе порто-франко, вздорожаніе жизни), и въ числѣ ихъ, *въ городахъ*, отсутствіе земельного кредита, меня долго не могли понять. Мнѣ возражали, что среди мѣстнаго торгующаго купечества «мало кто владѣетъ недвижимостью»... Дѣло, значить, «не касающееся».... Но на самомъ дѣлѣ «коммерція», хотя и безъ недвижимости, отъ таковой и отъ жизни не изолирована. Все жизненныя колеса цѣпляются другъ за друга, а на

общемъ жизненномъ циферблатѣ стрѣлки показываютъ общій ходъ «равнодѣйствующей» отъ взаимнаго давленія тысячъ разнообразныхъ зубцовъ. Вздорожаніе жизни дѣлаетъ покупателя (потребителя) менѣе устойчивымъ въ платежахъ и болѣе настойчивымъ въ кредитѣ. Мертвая неподвижность имуществъ, владѣльцы которыхъ люди сравнительно зажиточные, невозможность реализовать долгосрочнымъ земельнымъ кредитомъ часть вложенныхъ въ имущества капиталовъ, при растущей нуждѣ въ деньгахъ на ремонты, пристройки и экстренныя надобности, толкаетъ владѣльцевъ на краткосрочный кредитъ въ коммерческихъ банкахъ и заставляетъ наваливать на имущества тяжесть высокихъ процентовъ «онкольнаго счѣта» и острое давленіе вексельнаго учета. Дорожаетъ эксплуатація, дорожаютъ квартиры, но учащается и мертвый «простой» ихъ или неплатежъ квартирной платы. Въ общемъ вздорожаніи и смутѣ новыхъ условій владѣльцы имуществъ также болѣе задалживаются у коммерсантовъ и менѣе аккуратно выдерживаютъ погашеніе своей задолженности. А все это сконцентрировывается, въ концѣ концовъ, на томъ же торгово-промышленномъ «вексельномъ учетѣ», который лавитъ на самого купца и давитъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше, въ массѣ, берется кредита подъ имущества въ тѣхъ же самыхъ коммерческихъ банкахъ, потому что спросъ на деньги въ послѣднихъ чрезъ это усиливается, а съ нимъ повышаются, конечно, банковая тре-

бовательность и разборчивость. Раскройте специальный долгосрочный земельный кредит для недвижимостей, и коммерческіе банки съ ихъ краткосрочными кредитами въ значительной мѣрѣ освободятся для чисто торгово-промышленнаго спроса... Вотъ почему отсутствіе специального земельного кредита или его затрудненія являются однимъ изъ коренныхъ факторовъ нынѣшняго коммерческаго безденежья и закупорки въ банкахъ, перегруженныхъ векселями и закладными.

Дополнительно къ этому въ «болѣзнетворной» экономической и финансовой атмосферѣ общаго обострившагося положенія, какъ результата постепеннаго надвиганія всей суммы ухудшившихся условій жизни, необходимо учесть также и тѣ крупныя, неожиданныя колебанія въ укладѣ мѣстной жизни, о которыхъ говоритъ г. Торичъ. Въ амплитуду этихъ колебаній входятъ и періодическія, то яркія, то смутныя, опасенія за прочность самаго окраиннаго существованія, то тѣ или другія внезапныя мѣропріятія, рѣзко ломающія сложившійся укладъ окраинной жизни. Такая же мѣра, какъ принудительное обязательство имѣть часто излишній, обременительный расходъ на содержаніе дворниковъ и ночныхъ сторожей, конечно, подбрасываетъ уже прямую надбавку къ бремени общаго и безъ того вздорожанія всей обывательской жизни, а слѣдовательно, уже непосредственно вліяетъ и на обостреніе общаго денежнаго «голода»...

Такимъ образомъ причины

несомнѣннаго недомоганія являются болѣе общими и идутъ глубже, чѣмъ это рисуется въ сѣтованіяхъ только однихъ торгово-промышленныхъ дѣятелей. И это заставляетъ задуматься еще больше.

Въ основѣ состоявшагося закрытія Приамурскаго порто-франко залегала, какъ извѣстно, та главная идея, что при его посредствѣ, съ помощью сбыта въ краѣ беспошлинныхъ товаровъ, иностранная промышленность и торговля высасываютъ изъ Приамурья въ свою пользу русское золото за-границу и что уничтоженіе порто-франко, т.-е. введеніе пошлинъ и учрежденіе таможи, необходимо для поддержанія своего собственного производства въ Европейской Россіи....

Порто-франко закрыто, и возврата къ старому, конечно, уже нѣтъ. Но сама жизнь, какъ видимъ, говоритъ, что для Приамурскаго края это рѣшеніе не было благодѣтельнымъ.

Высасываніе средствъ изъ Приамурскаго края,—это та основная причина, которая, постепенно усиливая мѣстное экономическое худосочіе, ведетъ къ обезцѣненію уже приобрѣтенныхъ результатовъ колонизаціонной осѣдлости и, въ острыхъ случаяхъ, вызываетъ такія экономическія заболѣванія, какъ наблюдаемое теперь въ Владивостокѣ, гдѣ мѣстная жизнь и дѣятельность замѣтно уже хирѣютъ.

Въ смыслѣ вліянія на пониженіе экономическаго роста Приамурья важнымъ является, конечно, лишь самый фактъ высасыванія изъ него на сторо-

ну мѣстныхъ созидательныхъ средствъ и совершенно затѣмъ одинаково, *по мѣстнымъ послѣдствіямъ*, куда именно эти средства направляются. Въ послѣднемъ случаѣ явленія разнствуютъ только по мотивамъ: иностранные товары своимъ сбытомъ (при порто-франко), безъ сомнѣнія, поддерживаютъ иностранную промышленность, русскіе (при таможднѣ) — свою отечественную, въ промышленныхъ районахъ Европейской Россіи; но *для краевыхъ послѣдствій*, повторяю, это одинаковое высасываніе мѣстныхъ средствъ имѣетъ одинъ и тотъ же результатъ. Съ общегосударственной точки зрѣнія важно, чтобы деньги не уходили за предѣлы государства (*мотивъ національной промышленности*); съ краевой точки зрѣнія еще важнѣе, чтобы, *для цѣлей спеціально мѣстнаго развитія*, деньги не выкачивались за предѣлы самаго Приамурскаго края (*мотивъ мѣстной жизни и промышленности*).

Если, *ставъ на мѣстную точку зрѣнія*, мы видимъ, что мѣстные средства, все равно, выкачиваются за предѣлы района и ускользаютъ такимъ образомъ отъ непосредственнаго его обслуживания, то — опять-таки *съ той же краевой точки зрѣнія* — цѣлесообразнѣе для его обособленныхъ мѣстныхъ интересовъ та экономическая политика, при которой высасываніе средствъ будетъ *наименьшимъ*, при которой привозные товары будутъ *дешевле*, затраты населенія *меньше*, а мѣстная экономія *больше*. Это же возможно лишь при порто-франко,

но никакъ не при пошлинѣ и таможднѣ. Порто-франко является прямымъ средствомъ сберечь въ самомъ краѣ *излишки* его мѣстныхъ средствъ и направить это скопленіе на его же экономическое обслуживаніе, на развитіе въ немъ доступныхъ собственныхъ производствъ, на разработку почвы и вообще на мѣстныя культурныя цѣли. Этою экономіею у самого населенія образуются чисто мѣстные капиталы, связанные съ краемъ неразрывными узами, и на нихъ та *мѣстная рента*, которая уже не будетъ высасываться за предѣлы края, какъ теперь, а пойдетъ на то же краевое обслуживаніе.

Въ теченіе цѣлаго полустолѣтія само правительство въ своей экономической политикѣ по отношенію къ Приамурскому краю стояло на этой мѣстной, *краевой точкѣ зрѣнія*, ставя въ главѣ мѣрь къ развитію и упроченію здѣшней колонизаціи *созданіе возможно дешевыхъ условій жизни* (порто-франко), путемъ свободнаго привлеченія дешевыхъ иностранныхъ товаровъ, освобожденных отъ пошлинъ. Въ этомъ оно отчетливо проводило принципъ общей поддержки мѣстнаго населенія въ удешевленіи ему способовъ пріобрѣтенія и удовлетворенія необходимыхъ жизненныхъ потребностей... Теперь, съ закрытіемъ порто-франко, принципъ этотъ смѣнился другимъ: принципомъ поддержки, *за счетъ несомнѣннаго вздорожанія мѣстной окраинной жизни*, промышленныхъ районовъ Европейской Россіи. Для края это, несомнѣнно, является отягощеніемъ и, несо-

мнѣнно, задерживаетъ интенсивность его мѣстнаго развитія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ новая экономическая политика, очевидно, ставитъ препятствія и самому правительству въ осуществленіи имъ спеціальной задачи по устройенію окраины, какъ спеціального государственнаго пограничнаго базиса, удорожая прямые расходы на его содержаніе и задерживая общій его культурный ростъ.

Правительство въ данномъ случаѣ свернуло съ прежняго пути *преждевременно*. Оно поддалось тѣмъ соображеніямъ, что если на Приамурскій край затрачиваются ежегодно огромныя суммы, если въ него вложены уже сотни милліоновъ государственныхъ денегъ, то и населеніе края должно, въ свою очередь, дать что-нибудь въ прямой возвратъ всѣхъ этихъ суммъ. Между тѣмъ распределеніе правительственныхъ ассигнованій на край ясно показываетъ, что свыше четырехъ пятыхъ всѣхъ прямыхъ суммъ идутъ исключительно на военныя надобности, а сотни милліоновъ, вложенныхъ въ Маньчжурскую и Амурскую желѣзныя дороги, обслуживаютъ прежде всего цѣли стратегическія и безъ послѣднихъ, конечно, никогда не были бы затрачены для частнаго населенія двухъ областей, которое даже къ данному времени представляетъ численность всего только въ 850,000 душъ. По своей плотности населеніе это еще совершенно ничтожно, чтобы обслужить культурно огромный дѣятельный край съ пространствомъ въ два большихъ европейскихъ

государства; отвѣтственность же за расходы на государственную оборону (особенно въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ это замѣчается на Дальнемъ Восто-кѣ), конечно, нельзя (и неосновательно) вѣрлить на плечи мѣстнаго населенія, которое само, въ сущности, является лишь *частью* создаваемой государственной обороны (колонизація), и сваливать только потому, что это населеніе *живетъ здѣсь*. Затраты собственно на прямую культурныя потребности края (и ради ихъ самихъ) здѣсь вовсе не такъ значительны, чтобы могли серьезно оплодотворить почву и приготовить жатву, могущую быть источникомъ на покрытіе чрезвычайныхъ тратъ государства по обслуживанію имъ своихъ спеціальныхъ задачъ на Дальнемъ Восто-кѣ. Мы наглядно видимъ, что какъ только изъ этой скудной жатвы стали отбирать положенныя «снопы» для таможи, для банковъ, для новыхъ налоговъ, такъ вся дѣловая жизнь заскрипѣла и захлябала, а въ самихъ выкачивающихъ поршняхъ стало посвистывать отъ обнаружившихся «зазоровъ».....

Если роль банковъ, этого (въ отношеніи мѣстныхъ средствъ) высасывающаго аппарата, является ясною, то такую же точно роль играетъ въ жизни края и таможенное обложеніе съ его экономическими послѣдствіями.

Правительство, несомнѣнно, было введено въ заблужденіе внѣшностью явленія. Имѣя передъ глазами общую сумму ассигнованій на Приамурскій край, оно приняло эти суммы—какъ

мѣру мѣстной экономической способности окраины. Сотни тысячъ миллионѣвъ «воплощены» въ жизнь. Но уберите прочь вопросы обороны въ широкомъ смыслѣ, и отъ этихъ сотенъ тысячъ миллионѣвъ останутся фактически только просто миллионы, какъ мѣрило обслуживания государствомъ здѣшней колонизаціи. Правительство забыло, что разъ мѣстная экономическая жизнь почти цѣликомъ ютится около казенныхъ ассигновокъ и опирается при этомъ почти исключительно только на привозные товары, на внѣшнее, а не мѣстное производство,—то жизнь эта явно сама по себѣ еще не упрочилась, не пустила надежныхъ корней въ краѣ и снова ослабитъ связи съ нимъ, какъ только ассигнованія изсякнутъ. Главнѣйшіе города Приморской области—Владивостокъ, Хабаровскъ, Никольскъ-Уссурийскій въ ихъ нынѣшнемъ ростѣ—это, съ экономической точки зрѣнія, лишь весьма не прочныя скопленія большою частью временныхъ людей въ административныхъ центрахъ и около крупной стоянки войскъ. Оттого они, отчетливо выражая собою вѣдомственные «смѣты» (преимущественно военныя), отнюдь не выражаютъ собою жизни того населенія, которое внутри края составляетъ колонизаціонную массу. Я не знаю, чѣмъ будутъ представлены на предстоящей Хабаровской выставкѣ эти города, но если тамъ, при входѣ, на дверяхъ, не будетъ вывѣшена четкая таблица казенныхъ отпусковъ на край и рядомъ съ вольными экспонатами не выложена

соотвѣтствующая «статистическая» груда мундировъ разныхъ вѣдомствъ, то посѣтителю выставки безусловно не вынесутъ нагляднаго представленія о реальномъ ростѣ и роли мѣстной промышленности въ окружающей жизни, а найдутъ лишь обособленные отъ сути послѣдней отдѣльные выставочные «показы», своего рода «паноптикумъ».... При такомъ сопоставленіи отчетливо подчеркнута бы вся ошибочность измѣрять объемъ дѣйствительнаго экономического развитія окраины по общей «смѣтѣ» правительственныхъ отпусковъ для Приамурья и на этомъ строить (какъ было сдѣлано) увѣренность въ своевременности обложенія его пошлинами и общими налогами вмѣсто прежнихъ льготъ.

Чѣмъ больше будетъ экономическихъ «нажимовъ» на мѣстную жизнь, тѣмъ болѣе она будетъ идти вспять и лишаться дѣйствительной возможности окрѣпнуть изъ своихъ собственныхъ ресурсовъ, изъ той экономіи, которая могла бы постепенно образоваться въ рукахъ населенія за покрытіемъ его насущныхъ потребностей. Поэтому во всякомъ случаѣ мѣры къ дальнѣйшему повышенію путемъ пошлинъ дороговизны мѣстной жизни, какими бы соображеніями это ни прикрывалось, должны быть отвергнуты. Иначе, населеніе, собираемое здѣсь съ такимъ трудомъ, съ огромными казенными затратами, постепенно начнетъ рваться вонъ отсюда и терять притяженіе къ мѣстной осѣдлости, обращаясь въ болѣе и болѣе подвижное, въ бо-

лѣе и болѣе пролетарное и неустойчивое. Это совсѣмъ не то, что нужно краю, для его роста, и государству—въ осуществленіи его спеціальныхъ задачъ на здѣшней окраинѣ.

Пониженіе растущей дороговизны жизни, обусловливаемой уже самою отдаленностью края, его культурною молодостью, явною малонаселенностью и слабостью промышленнаго развитія, вотъ тотъ основной стимуль, который, какъ въ прежнее время, такъ и теперь еще, несмотря на всю свою элементарность, долженъ залегать во главѣ всѣхъ мѣропріятій и руководить внутреннею политикою въ отношеніи Приамурскаго края.

Жизнь нельзя насиловать. Жизнь, безъ внесенія въ нее крупнаго разлада, нельзя заключить въ тѣ рамки, которыхъ она не можетъ вынести по своей структурѣ и своимъ реальнымъ возможностямъ. И безцѣльно это дѣлать, потому что послѣ искусственной ломки она всетаки вступитъ въ свои права, пойдетъ только тѣмъ путемъ, который является для нея свойственнымъ по самой обстановкѣ и суммѣ бытовыхъ условій.

Передъ нами большой «рабочій вопросъ»...

Вся жизнь края за предшествующее полу столѣтіе слагалась на желтомъ, китайскомъ, трудѣ. Во всемъ, что создавалось до сихъ поръ въ культурѣ окраины, желтый трудъ, какъ элементарный созидатель, игралъ главенствующую роль. Распространяться на этотъ счетъ излишне...

Но съ самаго же перваго момента чувствовалось и сознавалось, что *націонализаціи* края на этой почвѣ произойти не можетъ. Чѣмъ выше росла потребность края въ рабочихъ рукахъ, тѣмъ обширнѣе являлось предложеніе желтаго труда и тѣмъ больше начинала «желтѣть» самая колонизація.

Люди экспансивные стали утверждать, что «китайцы уносятъ изъ края деньги, ничего въ немъ не оставляя».

Но—спрашиваетъ американскій экономистъ Г. Джорджъ—что *тяжелѣе*: пудъ пуху, или пудъ желѣза?...

Если китайцы уносили изъ края наше золото, то они, на равную сумму по стоимости своего труда, оставляли здѣсь плоды послѣдняго, въ видѣ сооружений, дорогъ, воздѣланной почвы, продуктовъ промысла, и пр., за что имъ и выплачивалась заработная плата. Это было не только равноцѣннымъ возмѣщеніемъ, со стороны китайской заработной платы, русскому населенію и вообще культурѣ края, но, создавая для нихъ то или другое предпріятіе, то или другое сооруженіе или пути сообщенія, тѣмъ самымъ создавало въ краѣ новыя, не существовавшія ранѣе орудія производства и возможность ими пользоваться, создавало, значить, возможность полученія наилучшей прибыли на затраченныя суммы или наилучшаго удовлетворенія потребностей; иначе говоря—обращало пассивныя «деньги» въ активный капиталъ, оплодотворяло недѣятельную (промышленно) почву и расширяло ея куль-

турную площадь. Съ этой стороны, плоды китайскаго труда безусловно стоили дороже уносимыхъ имъ «денегъ» и *съ этой точки зрѣнія*, очевидно, называть китайскій трудъ невыгоднымъ, вреднымъ для края—нельзя...

Желтый (китайскій) трудъ необходимо признать нежелательнымъ только съ точки зрѣнія возможной націонализаціи Приамурья и въ виду того, что китайцы, вынося свои заработки за границу, тѣмъ самымъ играли по отношенію къ краю роль помпы, при посредствѣ которой мѣстные средства изъ года въ годъ выкачивались изъ предѣловъ края въ Китай. Хотѣлось бы, чтобы, рабочая сила была наша, національная; хотѣлось бы, чтобы заработная плата оставалась въ самомъ краѣ и накоплялась въ мѣстныхъ ресурсахъ.

Въ настоящее время китайскій трудъ въ казенныхъ и общественныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ замѣщенъ трудомъ русскимъ, и запросы націонализаціи труда удовлетворены въ достаточно широкомъ масштабѣ. Но достигнуто ли желаніе отгородиться отъ «увоза русскихъ денегъ въ Китай» съ тѣхъ работъ, гдѣ китайцы уже никакого непосредственнаго участія не принимаютъ?

Въ этомъ отношеніи въ высшей степени интересно является статья г. Адамса «*Замѣна желтаго труда*», напечатанная въ № 169 «Дальн. Вост.», отъ 29 іюля текущаго года.

Г. Адамсъ констатируетъ прежде всего, что съ замѣною ки-

тайскихъ рабочихъ русскими цѣна на трудъ вообще поднялась, причѣмъ повышеніе это, вельдствие сокращенія численности желтой массы и ослабленія въ средѣ ея конкуренціи, распространилось также и на уцѣлѣвшій еще, хотя и сокращенный желтый трудъ въ потребленіи частнаго населенія.

Далѣе г. Адамсъ устанавливаетъ, что обычный заработокъ китайскаго чернорабочаго составлялъ поденно 60—70 коп. Русскій рабочій на казенныхъ работахъ получаетъ по 1 р. 75 коп. въ день, работая не свыше 25 дней въ мѣсяць. Изъ этой платы самъ рабочій проѣстъ не мене 60—70 к. въ сутки, т. е. истратитъ ровно ту сумму, которая составляла ранѣе полную плату китайца и включала въ себя его личный прокормъ и тотъ остаточный денежный заработокъ, который осенью вывозился имъ отсюда въ Китай. Куда-же идутъ эти кормовыя деньги русскаго рабочаго? «Судите сами,—отвѣчаетъ г. Адамсъ. Русскій рабочій ѣстъ мясо, привозимое сюда *изъ Кореи и Китая*, муку и гречневую крупу получаетъ *маньчжурскую, рисъ—японскій*, капусту, картошку, морковь, лукъ, свеклу и пр.—*китайскіе*, соль—*германскую и китайскую*. Все это потому, что русское населеніе въ краѣ ни скотоводствомъ, ни сельскимъ хозяйствомъ за предѣлами личной надобности не занимается. Все это—или привозное изъ-за границы, или же воздѣлывается тѣми же *китайцами* въ самомъ краѣ»...

Констатируя этотъ результатъ,

г. Адамсъ замѣчаетъ, что такъ будетъ продолжаться «вплоть до того дня, пока мѣстное *русское* населеніе не будетъ въ состояніи не только прокормить само себя, но и выдѣлать достаточное количество провизіи для ѣдущаго сюда на заработки русскаго рабочаго, иначе говоря—пока не прекратится надобность все потребное для его продовольствія покупать въ Китаѣ или у китайцевъ».... «Получается прямая несуразность. Въ прежнее время китаецъ, увозя свои заработки въ Китай, взамѣнъ ихъ оставлялъ плоды труда въ сооруженіяхъ; а въ настоящее время, *при русскихъ рабочихъ*, тотъ же китаецъ ту же самую сумму денегъ вывозитъ въ Китай лишь за одни проданные русскому рабочему *пищевые продукты*, такъ какъ пища русскаго рабочаго значительно дороже пищи китайца»...

Значитъ, съ точки зрѣнія «задержки въ краѣ» денегъ, увеличившихся ранѣе *китайскими* рабочими, результаты оказались пока не предусмотрѣнными... А измѣнить это положеніе не такъ-то легко и во всякомъ случаѣ для этого требуется не мало времени, въ зависимости отъ самаго развитія въ краѣ частной русскаго жизни, независимой отъ китайскаго труда.

Самый вопросъ объ «экономіи» на замѣнѣ китайскаго труда русскимъ, конечно, не входилъ и не могъ входить въ соображенія, потому что *русскій трудъ гораздо дороже*. Но какъ никакъ правительство переплачиваетъ весьма крупныя суммы. Какъ мѣра *временная*, привозъ рабочихъ изъ

Европейской Россіи, за 7—8 тысячъ верстъ, на мѣстные казенныя работы и на постройку Амурской линіи—это дѣло вѣдомственное, дѣло чисто смѣтныхъ ассигнованій «больше» или «меньше». Но какъ одна изъ постоянныхъ мѣръ къ общей *націонализациі мѣстнаго труда*, она заслуживаетъ детальнаго освѣщенія.

Само собою разумѣется, что рѣшеніе столь крупнаго въ окраинной жизни вопроса, какъ удовлетвореніе потребности края въ рабочей силѣ, не можетъ, *при исключеніи (недопускѣ) труда китайскаго*, опираться на рабочихъ, привозимыхъ сюда за 7—8 тысячъ вер., только на лѣтній сезонъ, и обратно увозимыхъ отсюда осенью. Это такъ затруднило бы, а во многихъ случаяхъ даже искалѣчило самую жизнь окраины, что она безусловно не вынесла бы этого положенія и самая колонизація распаталась бы окончательно. На это, безъ сомнѣнія, и не идутъ. Предполагается, однако же, что нѣкоторая часть привозимыхъ изъ Европейской Россіи рабочихъ будетъ осѣдать въ краѣ, выпитеть потомъ свои семьи и обратится въ спеціальныхъ рабочихъ переселенцевъ.

Можетъ ли, однако же, производящійся въ настоящее время грандіозный опытъ массоваго передвиженія рабочей силы дать прочныя основанія къ положительному выводу въ серьезныхъ размѣрахъ?

Въ колоніяхъ или молодыхъ странахъ съ недостаточнымъ населеніемъ нѣтъ тѣхъ общихъ спеціфическихъ условій, которыя

прибывшаго туда работника, имѣющаго легкую возможность по окончаніи сезона вернуться назадъ, могли бы прочно удерживать въ положеніи *наемнаго рабочаго*. «Сегодняшній наемный работникъ—говоритъ К. Марксъ («Капиталъ», т. I, стр. 655, изд. 1872 г.)—дѣлается завтра независимымъ крестьяниномъ или ремесленникомъ, имѣющимъ собственное хозяйство. Онъ исчезаетъ съ рабочаго рынка, но не въ рабочій домъ.... Предложеніе наемнаго труда на рынокъ не только не постоянно, но при томъ неправильно и недостаточно. Оно не только слишкомъ мало, но и необезпечено». К. Марксъ (стр. 652) приводитъ такой классическій примѣръ изъ колонизаціи Австраліи. «Г. Пиль взялъ съ собою изъ Англіи на рѣку Сванъ, въ Новую Голландію, средствъ существованія и орудій производства на сумму 50,000 фунт. стерл. Г. Пиль былъ такъ предусмотрителенъ, что взялъ кромѣ того 3,000 человекъ изъ рабочаго класса, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. По достиженіи же мѣста у г. Пилья не осталось ни одного слуги, чтобы сдѣлать постель или принести воды изъ рѣки. Несчастный г. Пиль все предвидѣлъ, но забылъ только вывезти на р. Сванъ англійскія отношенія производства!»...

Леруа Болье («Колонизація у новѣйшихъ народовъ», стр. 480—490) признаетъ, что «если колонія достигла состоянія зрѣлости, то уже образовался тотъ постоянный потокъ, который несетъ съ собою въ колонію часть капиталовъ и рабочей силы старыхъ

обществъ; но все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы довести колонію до состоянія зрѣлости и проложить путь для этого потока, а это безконечно труднѣе, чѣмъ полагаютъ». Леруа Болье приводитъ цѣлый рядъ примѣнявшихся плановъ переселенія рабочей силы въ новыя страны. Въ англійской Америкѣ практиковался провозъ законтракованныхъ рабочихъ съ даровымъ проѣздомъ; но по прибытіи на мѣсто изъ нихъ удерживались только нѣмцы (вообще не англосаксы), незнакомые съ языкомъ страны, что собственно и связывало ихъ; законтракованные же англичане «немедленно скрывались и обзаводились собственнымъ хозяйствомъ». Проектировались также теоретическіе планы переселенія рабочихъ большими массами, но всѣ они въ жизнь не воплотились. По одному проекту (Пулеттъ Скропа) рабочіе везлись на государственный счетъ, съ постепенной уплатой этого провоза изъ заработной платы; но «этотъ способъ, много разъ практиковавшійся въ Австраліи и особенно въ новомъ Южномъ Валлисѣ, всегда приводилъ къ неудовлетворительнымъ результатамъ», потому что отъ возврата проѣздной платы рабочіе уклонялись. По другому, измѣненному, плану, государственный провозъ разлагался (мелкими долями) на самихъ предпринимателей, въ расчетъ, что даровое переселеніе вызоветъ массовый притокъ рабочихъ, усилитъ ихъ конкуренцію и понизитъ заработную плату, а это косвенно возмѣститъ предпринимателямъ ихъ расходы; но этимъ

планомъ фактически не создано «никакого средства удержать рабочихъ на службѣ у капиталистовъ»... Самою лучшею оказалась въ Англіи система Вакфильда. Она состоитъ въ томъ, что колониальныя земли продавались по относительно высокой цѣнѣ и на этотъ фондъ бесплатно везли переселенцевъ, безъ возврата проѣздныхъ денегъ и даже съ правомъ чрезъ три года снова бесплатно уѣхать назадъ; при этомъ выдавалось также и вспоможеніе. Благодаря этой системѣ «колонисты сотнями тысячъ заселяли различныя австралийскія колоніи». Но—прибавляетъ Леруа Болье—даровое переселеніе можно съ пользою практиковать лишь въ начальный періодъ существованія колоній, а если оно будетъ продолжаться и позже, то являются серьезныя неудобства. Во Франціи «въ одинъ годъ роздано было 100,000 разрѣшеній на даровой проѣздъ въ Алжиръ, но почти все эти лица снова вернулись на родину; точно также возвраты бесплатно перевезенныхъ эмигрантовъ изъ Австраліи въ Англію до такой степени участились по прошествіи нѣкотораго времени, что первоначальная система потребовала существенныхъ измѣненій». Поэтому авторъ особенно подчеркиваетъ, что система вспоможенія переселяющимся (Вакфильда) имѣетъ силу «только въ началѣ колонизаціи» и что ее «слѣдуетъ примѣнять съ тактомъ и осмотрительностью». Въ странѣ почти совершенно пустынной и чрезвычайно отдаленной (Австралія и Новая Каледонія) даровое

переселеніе (и ссылка) «единственное средство населить страну и привлечь къ ней капиталы». «Необходимо также принимать въ соображеніе характеръ производства различныхъ колоній». Даровое переселеніе въ широкихъ размѣрахъ полезно для районовъ крупнаго хозяйства, гдѣ является нужда «въ обиліи рабочихъ силъ». «Но такія искусственныя мѣры далеко не столь необходимы, развѣ въ началѣ, колоніямъ, занимающимся земледѣліемъ, въ видахъ удовлетворенія мѣстному потребленію, какъ, напр., Канадѣ и Новой Англіи, странамъ, которыя, въ силу естественныхъ условій, предназначены для мелкихъ собственниковъ»...

Вообще же—заканчиваетъ свои выводы Леруа Болье—«слѣдуетъ замѣтить, что обезпеченность собственности, цѣлесообразный внутренній режимъ — привлечетъ гораздо болѣе рабочихъ рукъ, чѣмъ все прочее: учредите хорошую администрацію, и эмиграція приметъ громадные размѣры».

Въ подтвержденіе предшествующихъ согласныхъ выводовъ К. Маркса и Леруа Болье можно сослаться на факты изъ мѣстной жизни. Много ли мы видимъ хотя бы прислуги въ городахъ изъ семей нашихъ мѣстныхъ переселенцевъ? Они, видимо, предпочитаютъ держаться около собственнаго своего хозяйства и если являются въ городъ, то лишь весьма не надолго, пока не заработаютъ ту дополнительную сумму, которая экстренно потребовалась въ ихъ собственномъ хозяйствѣ. Встрѣчаются иногда переселен-

цы, протягивающія руку за помощью, но и эти попрошайки ищутъ чаще всего не работы въ городѣ, а наивнаго сердоболья; отъ наемной работы они упорно уклоняются, откровенно высказывая, что на улицѣ «настрѣляютъ» больше, и быстро скрываются опять же въ свои хозяйства... Рядомъ съ этимъ общія жалобы подрядчиковъ (за немногими исключениями) свидѣлствуютъ, что съ выписанными изъ Европейской Россіи рабочими дѣло обстоятъ весьма ненадежно, что, затратившись на нихъ по провозу и задаткамъ, подрядчики чувствуютъ себя во власти рабочихъ, что тѣ бросаютъ ихъ, переходятъ на другія работы и вообще командуютъ положеніемъ. Дошло даже до вмѣшательства администраціи и угрозъ, что предприниматели, принимающіе на свои работы людей, законтрактованныхъ другими, будутъ нести отвѣтственность за убытки. На работахъ военнаго вѣдомства ухода рабочихъ, по видимому, не наблюдается, но тамъ на этотъ случай, конечно, имѣются особыя «возможности», недоступныя частнымъ лицамъ; и всетаки даже тамъ привозные рабочіе, въ общемъ, находятся въ положеніи привилегированномъ.

«Хорошая администрація», о которой говоритъ Леруа Болье, тоже не есть нѣчто маниловское или показно-прожектерское. Это дѣлотоже очень сложное, требующее не разговоровъ и сочувствій только, а практической, живой, глубоко продуманной системы. «Большая часть европейскихъ колоній—говоритъ Леруа Болье

—по свидѣтельству исторіи, основывалась почти случайно, безъ систематическаго руководства ими, и предоставлялась на волю всѣхъ случайностей, могущихъ постигнуть возникающее общество». Теперь же понято, что «разумное управленіе, руководство, основанное на выводахъ науки и данныхъ опыта, искусная и умѣренная опека, которая постепенно бы ослаблялась и во время прекращалась,—что все это въ значительной степени помогло бы колоніямъ побѣдить препятствія, съ которыми сопряжено ихъ дѣйство, сократило бы первоначальный періодъ борьбы и тревожныхъ заботъ и ускорило бы приращеніе населенія, богатствъ и вообще ходъ цивилизаціи»... Въ отношеніи земледѣльческихъ колоній (какъ наша Сибирь и Приамурье) «метрополія должна обладать въ этомъ случаѣ обширной территоріей и быть настолько населенною, чтобы доставлять значительный контингентъ эмигрантовъ; иначе, едва возникшія колоніи ускользнутъ отъ метрополіи и попадутъ въ руки другихъ народовъ, откуда выходитъ болѣе могучій эмиграціонный потокъ»... «Земледѣльческія колоніи растутъ чрезвычайно медленно,—лишь по прошествіи многихъ поколѣній достигаютъ онѣ благосостоянія».. «Народъ, не имѣющій сильнаго флота, напрасно будетъ пытаться основывать на отдаленныхъ моряхъ торговые поселенія; онъ не вознаградитъ своихъ трудовъ и не вернетъ своихъ издержекъ»... Для основанія колоніи «прежде всякаго поселенія необходимо выполнить въ значительныхъ раз-

мѣрахъ подготовительныя работы, которыя должны привести страну въ состояніе, удобное для заселенія и выгодной обработки»; «сущность колонизаторскаго искусства націи состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность колонистамъ и эмигрантамъ свободно распоряжаться естественными ресурсами страны, изъ которыхъ главные суть: почва, вода, лѣса, каменоломни, рудники»... «Въ ряду условій, необходимыхъ для благосостоянія новыхъ колоній, есть одно наиболѣе важное, это то, что англійскіе экономисты называютъ *подготовительнымъ* трудомъ, т. е. совокупность работъ по осушенію, земляныя работы, расчистка почвы и размежеваніе... Недостаточно поставить массу людей лицомъ къ лицу съ дикою природою и пригласить ихъ къ труду: необходимо предварительно смягчить эту природу, сдѣлать ее гостепріимною, ограничить ее точными предѣлами и приспособить къ приему многочисленныхъ эмигрантовъ... Опытъ неопровержимо доказываетъ, что колонию нельзя импровизировать и что она не можетъ благоденствовать, если предварительно не будетъ выполнено то, что извѣстно подъ именемъ подготовительныхъ работъ»... «Главнѣйшія подготовительныя работы сводятся, по нашему мнѣнію, къ тремъ видамъ: устройству дорогъ, размежеванію и опредѣленію съ геометрическою точностью земельныхъ участковъ, назначенныхъ для раздачи или продажи, и, наконецъ, работы по устройству портовъ»... «Устройство дорогъ въ самомъ началѣ есть дѣло

необходимое, не терпящее отлагательства... Дороги обладаютъ могущественною притягательною силою; когда ихъ много и онѣ въ исправности, то онѣ создаютъ сельское хозяйство и плодятъ города. Правильная сѣть дорогъ есть первая потребность всякой колоніи, существенное условіе ея прогресса... Послѣ дорогъ главнѣйшая подготовительная работа есть размежеваніе и геометрическая разверстка земли на участки. Трудъ этотъ нообыкновенно важенъ, хотя имъ пренебрегали почти во всѣхъ колоніяхъ, основанныхъ ранѣе XIX вѣка, и теперь еще онъ выполняется не удовлетворительно во многихъ европейскихъ поселеніяхъ»... «Послѣ подготовительныхъ работъ хорошая поземельная система наиболѣе важна для возникающей колоніи. Колониальная исторія содержитъ множество доказательствъ рѣшающаго вліянія поземельной системы на будущность юной колоніи»... «Вмѣшательство администраціи, доходящее часто до смѣшныхъ придиорокъ, произволь и бесполезныя или вредныя предписанія ослабляютъ личную отвѣтственность и инициативу,—эти два наиболѣе энергическіе стимула соціального прогресса»...

Вотъ то, что разумѣеть подѣ «хорошею администраціею» Леруа Болье въ своей книгѣ *«Колонизація у новѣйшихъ народовъ»* (стр. 457—480).

Параллельно съ этимъ тотъ же Леруа Болье выясняетъ и вопросъ о расходахъ на колоніи съ финансовой точки зрѣнія (стр. 453—456), «Защитники колони-

заціи—говорить онъ — не разъ приводили, какъ доказательство въ пользу важнаго значенія колоній, тѣ *доходы*, которые метрополія можетъ извлечь изъ нихъ. Но тѣ *расходы*, которые метрополія терпятъ отъ колоній, еще чаще выставлялись на видъ противниками колонизаціи, съ цѣлью отклонить своихъ соотечественниковъ отъ основанія новыхъ колоній или склонить ихъ къ оставленію основанныхъ уже прежде. Однако, не должно впадать въ крайности обоихъ этихъ воззрѣній: основывать колоніи для полученія съ нихъ *доходовъ* такъ же безразумно, какъ покидать твердо установившіяся и процвѣтающія колоніи, изъ за тѣхъ *расходовъ*, которые онѣ временно налагаютъ на метрополію»... «Колонія доставляетъ своей метрополіи чрезвычайно рѣдко чистый барышъ: во времена своего дѣтства она этого не можетъ... Пока колонія находится въ періодъ молодости и роста, всякая попытка извлечения дохода изъ нея будетъ только задерживать прогрессъ... До тѣхъ поръ, пока колонія управляется чиновниками метрополіи и защищается ея солдатами и моряками, до тѣхъ поръ, очевидно, на метрополіи должны лежать значительныя издержки. Чиновники колоніи должны быть хорошо оплачены вслѣдствіе отдаленности мѣста и трудности управленія колоніями.... При этихъ громадныхъ расходахъ доходы ничтожны; чтобы не повредить развитію обработки земель, налоги во всякой колоніи должны быть чрезвычайно умѣренны.... Такимъ образомъ нечего заблуждаться на счетъ то-

го, что расходы на нее многимъ превышаютъ доходы съ колоніи и что метрополіи придется большею частью покрывать значительныя издержки».... «Вообще чрезвычайно ошибочно основывать колоніи въ надеждѣ получать съ нихъ доходъ»...

Отмѣчая детально (стр. 494—503) характерныя особенности жизни въ колоніяхъ (по сравненію съ метрополіями), Леруа Болье говоритъ, что «въ теченіе продолжительнаго времени земледѣліе составляетъ почти исключительный родъ занятій колонистовъ». «Владѣніе землею для всякаго слишкомъ привлекательно; рабочая сила и капиталы слишкомъ скудны, раздѣленіе труда слишкомъ слабо, чтобы промышленность могла установиться въ зарождающихся колоніяхъ.... Поэтому внѣшняя торговля получаетъ для колоній особенную важность и ея преобладающее значеніе отражается на всемъ экономическомъ строѣ».... «Одинъ изъ результатовъ преобладанія внѣшней торговли въ большей части колоній и скудости капиталовъ почти во всѣхъ есть немедленное развитіе кредита. Во всѣхъ колоніяхъ кредитъ развитъ особенно широко или по отношенію къ населенности, или по отношенію къ существующимъ богатствамъ. Быстрый ростъ колоніи почти невозможенъ, если она не прибѣгаетъ къ широкому кредиту въ той или другой формѣ».... «Понятно, что коммерческіе кризисы въ этихъ дѣятельныхъ обществахъ, гдѣ нѣтъ средствъ противодѣйствовать этимъ кризисамъ, должны составлять особен-

но частое явление, тѣмъ болѣе, что, вслѣдствіе значительнаго развитія внѣшней торговли, на колоніяхъ отражаются всѣ вліянія, исходящія отъ метрополи, и онѣ живо чувствуютъ малѣйшія колебанія въ ея торговлѣ».... «Изъ этого очерка быта колоній въ первую эпоху ихъ видно, насколько структура ихъ нѣжна, насколько онѣ воспріимчивы и подвержены разнаго рода кризисамъ и пертурбаціямъ. Поэтому то управлять ими не легко и онѣ требуютъ весьма мягкой системы администраціи, чтобы выдержать всѣ эти экономическіе недуги, составляющіе во время дѣтства колоній тяжкое испытаніе для ихъ живучести и силы ихъ роста. Изъ всѣхъ отраслей колониальной администраціи, быть можетъ, наиболѣе трудна та, которая относится къ распредѣленію и взиманію налоговъ.... Изъ всѣхъ европейскихъ колоній только три или четыре приносятъ доходъ метрополи, и стоитъ ихъ назвать, чтобы видѣть, что положеніе ихъ совершенно исключительно; въ прошломъ столѣтіи (XVIII) такою колоніею была Мексика, а въ нынѣшнемъ (XIX) Куба и Ява».... «Ввозныя пошлины въ колоніяхъ должны быть чисто фискальными и не имѣть покровительственнаго характера, потому что тогда онѣ могутъ принести много вреда»....

«У французской колониальной администраціи—говоритъ въ заключеніи своей книги Леруа Боле — есть манія считать себя способнѣе колонистовъ понимать интересы хозяйства. Всѣ эти чиновники, такъ быстро смѣняю-

щіе другъ друга, предпринимаютъ борьбу противъ мнимой рутины колонистовъ и стараются ввести разными новыми путями усовершенствованія въ сферу производства. Они воображаютъ даже, что имъ подѣ силу управлять экономическими интересами колоній; они рекомендуютъ и предписываютъ—мы видѣли тому примѣры—вводить нѣкоторыя отрасли хозяйства или извѣстные способы веденія его; въ силу ничѣмъ не оправдываемаго произвола, они обременяютъ земледѣльца бесполезными обязательствами; они импровизируютъ, согласно своимъ узкимъ взглядамъ, производство, не соответствующее ни почвѣ, ни капиталамъ, ни рабочей силѣ»....

«Полное невмѣшательство въ дѣла частныхъ лицъ есть существенное условіе добраго порядка и преуспѣянія въ колоніяхъ. Необходимо предоставить частнымъ интересамъ полную свободу»....

Предшествующія соображенія и данныя изъ исторіи колонизаціи другихъ народовъ, при сопоставленіи ихъ съ наличными условіями жизни въ Приамурскомъ краѣ, приводятъ насъ къ тому общему заключенію, что наиболѣе благоприятныя условія къ упроченію здѣшней осѣдлости послѣдними мѣропріятіями нарушены и сдвинуты со своихъ устоевъ. Произошелъ несомнѣнный сдвигъ въ прежнихъ отношеніяхъ къ краю со стороны правительства и этотъ сдвигъ уже даетъ себя чувствовать въ практическихъ послѣдствіяхъ.

«Переселеніе» и «колониза-

ція» не представляютъ какихъ то отвлеченныхъ терминовъ. Въ нихъ включены живые люди, и только отъ удачнаго удовлетворенія жизненныхъ потребностей послѣднихъ зависитъ практическая успѣшность самой колонизаціи (заселенія) новыхъ районовъ.

Если въ старыхъ обществахъ, въ мѣстахъ выселенія (эмиграціи), переселяющіяся массы сдвигаются съ мѣста стѣнительными условіями жизни и дѣятельности, то въ основѣ передвиженія на новыя мѣста залегаютъ не какія либо инныя соображенія, а прозаическій, элементарный расчетъ (надежда) найти тамъ лучшую экономическую обстановку. Въ ближайшихъ соображеніяхъ сельскую массу влечетъ обширный свободный земельный фондъ (надѣль), городскую—высокое жалованье или вообще повышенные заработки и высокая торговая прибыль. Безъ этого колонизаціонные районы сами по себѣ не имѣли бы никакого притяженія. Но въ то время, какъ на старыхъ мѣстахъ выселенію естественно противодѣйствуетъ врожденная привязанность къ родному углу, къ привычной отъ рожденія обстановкѣ, въ новомъ районѣ этого еще нѣтъ, эта привязанность можетъ явиться только у позднѣйшихъ поколѣній. Поэтому задерживающими импульсами здѣсь могутъ быть только чисто экономическіе расчеты, и каждое нарушеніе ихъ дѣйствуетъ отрицательно на упроченіе создающейся новой осѣдлости.

Заселеніе Приамурскаго края до сихъ поръ еще продолжается поддерживаться льготами,

хотя уже не столь значительными, какъ въ прежнее время. Но въ общемъ итогъ даже при этихъ льготахъ и повышенномъ жалованьи издержки на существованіе здѣсь настолько сравнительно высоки, что, въ результатъ, всѣ матеріальныя выгоды окраинной службы сводятся къ нулю и служилый людъ чувствуетъ свое положеніе въ экономическомъ отношеніи весьма неудовлетворительнымъ. Всѣ иллюзіи предполагавшагося достатка быстро разлетаются при соприкосновеніи съ суровой дѣйствительностью. Сама же окраинная жизнь на столько еще узка въ своемъ культурномъ содержаніи, что матеріальная неудовлетворенность не только ничѣмъ не сглаживается, но еще больше подчеркивается. Въ этихъ условіяхъ нужно искать главную причину того пониженнаго уровня служебной и, въ частности, административной нравственности, пониженнаго понятія о служебномъ долгѣ, проявленія которыхъ наблюдаются здѣсь столь часто. «Загниваетъ» та главнѣйшая культурная сила, которая стоитъ наверху колонизаціи и держитъ въ своихъ рукахъ руководство послѣднею. Конечно, я говорю здѣсь о колонизаціи во всемъ ея объемѣ и цѣлостности, не подраздѣляя ея на какія либо группы или области колонизаціонныхъ воздѣйствій... Міръ административный, міръ судебный, міръ учебный, среда военноморская, адвокатура, полиція, общественныя самоуправленія, вся мѣстная гражданственность въ совокупности требуютъ значительнаго оздоровленія, но въ

основѣ его прежде всего залегаютъ условія экономическія.

Закрытіе порто-франко и учрежденіе таможи, равносильныя, съ одной стороны, введенію новаго налога, съ другой же— замѣнѣ (въ массѣ), подъ угрозою пошлинъ, сравнительно болѣе дешевыхъ предметовъ потребления болѣе дорогими, увеличивъ расходы населенія, безъ сомнѣнія, удорожили жизнь, ослабили обывательскій бюджетъ и подорвали въ немъ возможность скопленія какой либо экономіи. Понизились одновременно и мѣстная зажиточность, и накопленіе мѣстныхъ средствъ къ дальнѣйшему не только матеріальному, но и духовному прогрессу колонизаціи, потому что успѣхи послѣдняго всецѣло обуславливаются, конечно, только экономическими возможностями мѣстнаго населенія. Наиболѣе ослабѣло, конечно, городское населеніе, живущее на емною заработной платою или жалованьемъ около одного и того же главнаго источника—казны, потому что названное населеніе наиболѣе лишено возможности соотвѣтственно вздорожанію жизни повысить оцѣнку своего труда...

Въ зажиточномъ классѣ, среди владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, къ общему ухудшенію положенія отъ вздорожанія жизни присоединились еще затрудненія отъ пріостановки съ 1904 г. земельного кредита, что вынудило ихъ, при нуждѣ, обращаться къ краткосрочному дорогому кредиту въ коммерческихъ банкахъ и къ векселямъ. Изъ всѣхъ дѣйствующихъ въ краѣ банковъ въ

данномъ случаѣ только городскіе могли для имуществъ расширить сроки кредитовъ до трехъ лѣтъ; но средства этихъ банковъ ничтожны, а трехлѣтніе сроки никоимъ образомъ не замѣняютъ собою кредита долгосрочнаго (21 годъ). При томъ же и самый кредитъ обходится въ нихъ для имуществъ всетаки весьма дорого (8 проц. безъ погашенія).

Въ области торгово-промышленной создалась та обстановка кредита въ коммерческихъ банкахъ, которая освѣщена выше достаточно детально. Назвать ее здоровою ни въ какомъ случаѣ нельзя. Этого то кредита, на который думала прочно опереться мѣстная предпринимательская инициатива, полетѣвшая на него, какъ бабочка на огонь, и рѣжетъ теперь, подъ корень, какъ самую инициативу, такъ и тѣ матеріальныя пріобрѣтенія, которыя она успѣла создать за предшествующее время колонизаціи.

Стараясь выяснитъ коренныя причины создавагося здѣсь безвыходнаго (для мѣстныхъ силъ) финансоваго тупика, я обращался къ первоисточникамъ. «Снимаютъ рубашку, но на законномъ основаніи и вполне корректно»—вотъ общее резюме изъ всѣхъ отзывовъ людей торгово-промышленныхъ, въ данномъ случаѣ—стороны страдательной. «Требуютъ погашенія кредитовъ съ полною настойчивостью, не входя въ общее положеніе рынка; вытягиваютъ деньги изъ оборота; накладываютъ руку на самыя предпріятія, а погашенные кредиты вновь не раскрываютъ. Правленіями банковъ рѣшитель-

но предписано «очистить воздух», выбросить все больное»... Дѣло поставлено, очевидно, рѣзко. Бьютъ по узлу топоромъ... Распространено также мнѣніе, что Русско-Азіатскій банкъ, который собственно и стоитъ во главѣ создавагося кризиса, выжимаетъ изъ здѣшнихъ отдѣленій средства на внесеніе своей доли въ Парижъ для «Китайскаго займа» и для участія въ финансировкѣ постройки нашихъ черноморскихъ броненосцевъ... На какихъ данныхъ основаны послѣднія утверждения и насколько они достоверны—не знаю, но считаю нужнымъ привести ихъ, чтобы картина не затушевывалась.

Съ противоположной стороны, въ свою очередь, разясняютъ, что дѣло идетъ только своимъ естественнымъ ходомъ. За время своей работы въ краѣ Русско-Азіатскій банкъ потерялъ 3 милліона руб. Владивостокъ вообще далъ убытки... Широко шли на развитіе мѣстной промышленности, но опытъ показалъ, что серьезной промышленности въ краѣ нѣтъ... Въ настоящее время банкъ имѣетъ свыше 180 отдѣленій; изъ нихъ для средняго обслуживанія Петербургскаго и Московскаго районовъ нужно около 100 милл. руб. Каковъ же долженъ быть общій капиталъ для удовлетворенія всѣхъ имѣющихся отдѣленій?.. Изъ этого видно, что на долю Владивостока ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть удѣлено прежняго кредита, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время для размѣщенія денегъ въ самой Европейской Россіи существуетъ огромный спросъ. И этотъ спросъ

является менѣе рискованнымъ, а прибыли, при меньшемъ процентѣ, но безъ потерь, въ итогѣ выше чѣмъ здѣсь....

Безъ сомнѣнія правда *коммерческихъ мотивовъ* лежитъ на этой сторонѣ. Банкъ-коммерсантъ и дѣлецъ биржи, а биржа—это «наличная цѣнность бумаги»... Тутъ все ясно. Но столь же все ясно и на противоположной сторонѣ: съ банками погибло прежнее мѣстное достояніе, временно «вспыхнувъ» на волѣ и затѣмъ «истлѣвъ» въ банкахъ безъ остатка И это жестокая правда *конечнаго результата*. Очевидно, между сторонами тщетно пытаются установить *взаимное пониманіе*: обѣ стороны стоятъ на разныхъ точкахъ зрѣнія и въ разныхъ плоскостяхъ.

Но существо положенія можетъ быть выяснено безъ особыхъ затрудненій. Русско-Китайскій (нынѣшній Русско-Азіатскій) банкъ является созданіемъ той самой авантюрной эпохи, когда мы очертя голову лѣзли въ Маньчжурію и вообще на Дальній Востокъ за готовыми яко бы грудями золота. Общество Восточной желѣзной дороги и Русско-Китайскій банкъ—была. даже съ внѣшней стороны, «молочными братьями»; въ дѣйствительности же они связывались между собою безусловно кровнымъ родствомъ... Какъ и Маньчжурская дорога, Русско-Китайскій банкъ выросъ на казенныхъ деньгахъ; онъ сразу же былъ сдѣланъ гарантированнымъ монополистомъ на Дальнемъ Востокѣ и поставленъ фактически почти въ положеніе государственнаго банка, прикрыта-

го только коммерческимъ... фиговымъ листкомъ, для получения прибылей въ частныя руки. Въ уставѣ банка, правда, не говорилось прямо о правительственной гарантіи, но упоминаніе о залоговыхъ преимуществахъ акцій и большое количество ихъ въ рукахъ казны вселяли въ публикѣ твердое убѣжденіе, что это во всякомъ случаѣ полуправительственное учрежденіе. Черезъ него шла финансировка Маньчжурской дороги и, частью, нашей арміи во время войны. Заработки банка на этихъ операціяхъ были настолько громадны, что при сведеніи счетовъ казна въ одинъ пріемъ «скостила» что-то около 6 милл. руб. Это свидѣтельствуеетъ, что банкъ шель сюда съ огромнымъ аштитомъ, какъ шли въ концесію на Ялу и вообще во всю маньчжурскую авантюру.

При такой тенденціи и обстановкѣ барыши на Дальнемъ Востокѣ и въ мѣстныхъ предприятияхъ казались тоже неисчерпаемыми и безпредѣльными. Особенно манило золото, каменноугольное дѣло, крупныя подряды и поставки казнѣ. Банкъ бралъ (со всѣми комиссіями) до 11 проц. со своихъ кліентовъ, а при онкольныхъ счетахъ и всѣ 13 проц. Никакая здоровая дѣятельность этого выдержать, конечно, не могла и постепенно въ такихъ онколяхъ запутывалась, до того, что положеніе становилось совершенно безпросвѣтнымъ. Долгъ на предприятии накоплялся такой, что нарощіе банковые проценты поглощали всю прибыль, не оставляя ничего для оборота, и изъ долга этого не представлялось

возможности вырваться даже въ теченіе столѣтія. Когда то такимъ же образомъ за Байкаломъ забалили всю Восточную Сибирь Кандинскіе. Въ первое время по занятіи Амура тѣмъ же путемъ шла Россійско-Американская компанія... Въ существѣ это былъ аферный, биржевой, хищническій пріемъ,—не развитіе здоровыхъ, прочныхъ предприятий, а ограбленіе мѣстныхъ прибылей, насажденіе слѣпного ажіотажа, но отнюдь не промышленности. Постепенно банкъ высосалъ изъ своихъ кліентовъ все, что могъ, ничего новаго не создалъ (и не могъ создать, потому что бросался больше на аферы), а старые зачатки лишь заразилъ своей банковской «филоксерой». Теперь же, гдѣ проходитъ банкъ, тамъ, какъ подъ конемъ Атиллы, перестаетъ расти трава... Банкъ ничего не потерялъ въ общихъ своихъ операціяхъ по Приамурскому краю; но послѣдній, конечно, не оправдалъ его излишнихъ надеждъ на полученіе золотого руна, и теперь банковая заинтересованность въ краѣ падаетъ все ниже и ниже, потому что съ тѣмъ же успѣхомъ она можетъ работать и въ предприятияхъ Европейской Россіи. Но самыя то окраинныя предприятия, уже выжатая банкомъ, какъ лимоны, и лишеныя необходимыхъ оборотныхъ средствъ при расширенныхъ размѣрахъ, созданныхъ передъ тѣмъ поддержкою того же банка, оказываются висящими въ воздухѣ. Въ этомъ положеніи они больны, потому что чувствуютъ прямой денежный голодъ...

Въ одномъ и томъ же направленіи съ банками въ области

расшатыванія мѣстной предпринимательской (промышленной и торговой) дѣятельности дѣйствуютъ и слишкомъ прямолинейныя, слишкомъ рѣзкія мѣропріятія въ разрѣшеніи сложнаго по своимъ проявленіямъ и воздѣйствіямъ мѣстнаго рабочаго вопроса. Здѣсь тоже, въ сущности, рубятъ топоромъ. Никто, повторяю, не возражаетъ противъ необходимости націонализаціи наемнаго труда, какъ идеала въ закрѣпленіи самой окраины; но практическое достиженіе этого идеала должно совершаться, хотя и неуклонно, но медленно и осторожно. Исходнымъ положеніемъ здѣсь можетъ служить только цѣль политическая, а не какія либо нныя соображенія. Та цѣль, чтобы заработная плата не уходила *изъ края*, привозомъ сюда временныхъ рабочихъ изъ Европейской Россіи, очевидно, не достигается; мало того, часть ея за пищевые продукты по прежнему уходитъ въ руки тѣхъ же китайцевъ и корейцевъ, а что переводится въ Европейскую Россію, то одинаково изъ предѣловъ экономическаго вліянія на жизнь Приамурья ускользаетъ, потому что для такого вліянія заработки должны *скопляться на мѣстѣ*, ибо лишь тогда они будутъ дѣйствовать здѣсь активно... Нельзя обосновывать *общаго рѣшенія вопроса* и тѣмъ соображеніемъ, что такимъ мѣропріятіемъ мы охраняемъ какіе либо «секреты», потому что военное строительство въ крѣпости дѣло временное, недолгосрочное и съ окончаніемъ его вопросъ самъ собою сойдетъ съ этой почвы.

Несомнѣнно, казенныя работы, обслуживаніе желѣзнодорожныхъ линій и разныхъ мастерскихъ, портовая служба и пр., равно какъ заработки въ общественныхъ учрежденіяхъ должны быть предоставлены исключительно русскому труду, могущему образовать въ нихъ прочныя кадры, матеріаль для которыхъ всегда найдется на мѣстѣ и можетъ безъ затрудненія пополняться запасными воинскими чинами. Но въ частномъ потребленіи желательная націонализація труда неизбежно сталкивается, во первыхъ, съ чисто экономическими расчетами населенія, а во вторыхъ, съ такими усложненіями, что всякая принудительность здѣсь оказалась бы безусловно вреднымъ, въ колониационномъ смыслѣ, вторженіемъ въ свободныя частно-хозяйственныя соображенія и возможности. Здѣсь компромиссъ можетъ быть установленъ только самою жизнью, и ничѣмъ инымъ, чтобы не возникли тормазы для самаго роста мѣстной культуры. А между тѣмъ административныя стремленія къ націонализаціи труда выходятъ здѣсь далеко за предѣлы практической цѣлесообразной возможности. Требованіе, напр., чтобы мелкій каботажъ (на баржахъ и шаландахъ) обслуживался исключительно русскою командою, привело къ уродливому результату въ томъ отношеніи, что явились лишь фиктивные показные «управители», а все остальное осталось въ прежнемъ положеніи, и лишь, вмѣстѣ съ вздорожаніемъ перевозки, сократилось самое количество плавучихъ средствъ для обслуживанія потребностей насе-

ленія, равно какъ вздорожали и строительные матеріалы (камень, песокъ). Тѣ же мѣропріятія, направленные на рыболовство въ районѣ Владивостока, сильно подняли мѣстные цѣны на рыбу, крабовъ, примсовъ, почти изъявъ ихъ изъ обихода бѣднѣйшаго населенія. Для аренды казенныхъ земель выдвинуто требованіе не допускать къ обработкѣ ихъ даже корейскаго труда и въ результатѣ были случаи, что на этомъ основаніи аренды у предпринимателей отбирались обратно. Относительно крестьянскаго хозяйства давно уже будируется вопросъ о необходимости стѣснить его въ наймѣ желтаго труда на сельскохозяйственныя работы и если только это практически осуществится, то хозяйственные тормазы усилятся еще больше. Требования въ казенныхъ поставкахъ для матеріаловъ мѣстнаго производства уже фактически перешли на то, чтобы самыя частныя предпріятія въ данномъ случаѣ обслуживались исключительно русскимъ трудомъ. Правда, за это добавляется плата, но самыя производства, конечно, сильно стѣсняются и подвергаются многимъ случайностямъ; и все это опять таки, прямо или косвенно, отражается на всей хозяйственной жизни края вздоржаніемъ матеріаловъ и ослабленіемъ надлежащей устойчивости частныхъ предпріятій...

Повторяю, жизнь, *въ извѣстныхъ предѣлахъ*, можно направлять въ желаемое русло, но не разомъ, не рѣзкою ея ломкою, а постепенно и съ крайнею осторожностью. Насиловать реальные

возможности въ сложившейся экономической обстановкѣ нельзя, потому, что обособленныхъ явленій (какъ въ кабинетныхъ опытахъ) не существуетъ, а приходится имѣть дѣло всегда съ ихъ общою глубоко проникающею связью, и неосторожный разрывъ послѣдней одинаково больно ударяетъ «однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику»...

Во всякомъ случаѣ націонализацию наемнаго труда въ Приамурскомъ краѣ, какъ практическую идею, долженствующую войти *устойчиво* въ его жизнь, нельзя базировать на *временномъ пришломъ элементѣ*, являющемся сюда весною за 7—8 тысячъ верстъ и отливающимъ (полностью) осенью обратно. Элементъ этотъ, ничѣмъ не связанный съ краемъ, съ прекращеніемъ крупныхъ казенныхъ работъ, совершенно отольетъ отсюда и отъ временнаго искусственнаго опыта, не вошедшаго въ общую жизнь, останутся только «палки» въ колесахъ мѣстнаго экономического развитія...

Общій экономическій сдвигъ, наблюдающійся въ настоящее время въ приамурской колонизации, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

Этотъ сдвигъ, въ конечномъ своемъ итогѣ, является, какъ мы видѣли выше, прямымъ послѣдствіемъ той смуты въ основномъ пониманіи задачи и условий Приамурской колонизации, которая проявляется за послѣднее время особенно усиленно и грозитъ завести послѣднюю въ безвыходный экономическій тупикъ.

VIII. Колонизаціонный банкъ.

Идея спеціального Приамурскаго Колонизаціоннаго банка всецѣло принадлежитъ С. Д. Меркулову. Обоснованіе этой идеи и общая схема ея практическаго воплощенія въ жизнь изложены достаточно подробно въ его статьѣ «*Приамурскій колоніальный банкъ*», напечатанной въ №№ 130—131 «Дальн. Вост.», отъ 13—14 іюня текущаго года.

Авторъ исходитъ изъ создаваемаго остраго мѣстнаго денежнаго кризиса, но въ жалобахъ по этому поводу, на которыя я указывалъ раньше, вполне основательно не усматриваетъ надлежащаго пониманія основныхъ причинъ явленія. «Допустимъ—говоритъ онъ—будетъ произведена безотлагательная расплата казарменными комиссіями, инженернымъ вѣдомствомъ, управленіемъ по сооруженію Амурской желѣзной дороги со своими контрагентами. Допустимъ, что впредь подобныхъ задержекъ не повторится. Допустимъ, наконецъ, что частные банки, отказавшись отъ личныхъ интересовъ, широко раскроютъ свои кассы для нуждающихся въ деньгахъ промышленниковъ. Все это мало успокоительно. Фактъ остается фактомъ. Происходитъ нѣчто ненормальное въ жизни края. Вся его торговопромышленная жизнь, все его финансовое благополучіе такъ легко колеблется въ зависимости отъ казенныхъ кредитовъ или случайныхъ соображеній со стороны частныхъ бан-

ковъ, чуждыхъ интересамъ края. Вѣдь, кредиты различныхъ вѣдомствъ не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ соображеній выгоды тѣхъ или иныхъ казенныхъ мѣропріятій для мѣстной промышленности. Политика частныхъ банковъ не можетъ быть освобождена отъ зависимости принципу преслѣдованія своихъ коммерческихъ интересовъ. Разъ они находятъ невозможнымъ расширеніе кредитовъ или даже приобѣгаютъ къ сжатію, къ сокращенію ихъ, стало быть экономическая жизнь края не отвѣчаетъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ кредиты эти могутъ быть расширены или оставлены въ допущенныхъ уже размѣрахъ. При благопріятныхъ условіяхъ, частно-коммерческій интересъ ихъ заключается, и помимо сторонняго воздѣйствія, въ наивозможно широкомъ развитіи кредитныхъ операцій».

«Разрѣшеніе кризиса, торгово-промышленное благополучіе, устойчивое финансовое положеніе—продолжаетъ авторъ—зависятъ вовсе не отъ искусственныхъ временныхъ поддержекъ. Это можетъ быть достигнуто, когда торгово-промышленная жизнь края, его финансовое положеніе—будутъ поставлены на путь здороваго, прочнаго развитія, а не останутся покоиться на переходящихъ строительныхъ или другихъ нуждахъ казенныхъ вѣдомствъ... Только экономическая жизнь края, построенная на

развитіи разныхъ видовъ возможной въ краѣ промышленности, можетъ избавиться отъ зависимости предъ случайными факторами»...

Отмѣчая далѣе безусловную неустойчивость нынѣшней экономической жизни Приамурья, не рѣшительно возставая противъ огульныхъ, беспочвенныхъ обвиненій его населенія въ инертности, въ отсутствіи достаточной инициативы, С. Д. Меркуловъ указываетъ, что ненормальностью въ Приамурскомъ краѣ, не смотря на его огромныя естественныя богатства, является не только недостаточность обслуживающаго его коммерческаго капитала, но еще болѣе—*паразитизмъ* послѣдняго въ такомъ обслуживаніи, *по отношенію къ краю...*

«Русское правительство щедро орошало край казенными деньгами, но дѣлало это такъ несовершенно, что золотой дождь стекалъ *на сторону*. Поступавшія на окраину средства *уходили* за границу, въ Китай, въ Маньчжурію и обратно въ Европейскую Россію. Нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей понынѣ продолжаютъ *последнее* считать явленіемъ не только нормальнымъ, но и желательнымъ. Подобное убѣжденіе основано на спутанности понятій, на *смѣшеніи* совершенно различныхъ задачъ: *упроченіи Приамурья какъ русской окраины*—съ задачами, вытекающими изъ предположенія, что оно—*лишь колонія Россіи...* Съ 1891 г. Приамурье получило отъ казны за золото свыше 300 милл. руб. Государство выбросило на окраину за время владѣнія

Приамурьемъ, въ видѣ дефицита, свыше 900 милл. руб. Эти два слагаемыхъ даютъ 1.200.000 р. извнѣ для края принесенныхъ средствъ. И все же, при такомъ мощномъ поступленіи денежныхъ средствъ, тамъ не образовалось сколько нибудь крупныхъ капиталовъ... Куда же дѣвались всѣ эти средства?... «Куда же, повторяемъ, дѣвались всѣ средства, какъ отпущенныя и затеряныя въ Приамурьѣ государствомъ, такъ и добытыя трудомъ населенія?... Они *ушли* за границу: въ Европейскія страны, Китай, Японію, Маньчжурію, Монголію и Корею. Если государство обильно орошало окраину денежными средствами, если мѣстное населеніе упорнымъ трудомъ также кое-что производило, то всѣ эти средства *высасывались* такими многоразличными насосами, какъ импортомъ иностранныхъ товаровъ, импортомъ русскихъ товаровъ изъ Европейской Россіи, китайско-корейско-монгольскими продуктами, китайскимъ трудомъ, отдѣленіями русскихъ банковъ Европейской Россіи, страховыми обществами и т. п. Даже безпощадное стремленіе высасывать средства въ Европейскую Россію съ точки зрѣнія общихъ русскихъ интересовъ—являлось преступленіемъ. Нельзя, не давъ окрѣпить хозяйственному организму молодой окраины, отдавать ее въ жертву кучкѣ «отечественныхъ» промышленниковъ. А это неуклонно дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ. Объ этомъ свидѣлствуютъ своеобразныя тарифы, благопріятныя для *отечественной* промышленности и неблаго-

пріятные для промышленности *мѣстной*... Недолго погостивъ среди мѣстнаго населенія, уходили въ разныя стороны не только средства, притекія изъ Россіи, но и средства, добытыя самимъ населеніемъ. *Приамурскъ напоминаетъ собою хорошо питаемую корову, которую доятъ безъ отдыха цѣлыми сутками.* Вотъ почему край понынѣ не располагаетъ и одной сотой необходимыхъ для его промышленнаго развитія капиталовъ»...

Какъ же найти выходъ?

«Изъ настоящаго печальнаго экономическаго и финансоваго положенія края—говоритъ авторъ—выходъ одинъ: *это—широко доступный кредитъ* для промышленнаго и хозяйственнаго развитія края, который не ложился бы тяжелымъ бременемъ на ростки мѣстной промышленности, *не высасывалъ бы средства изъ края, а накапливалъ ихъ въ самомъ краѣ, не зависялъ бы отъ непрочныхъ, случайныхъ для края соображеній частно-коммерческаго характера,* каковыми руководствуется (и не можетъ не руководствоваться) кредитъ *пришлыхъ частныхъ, оперирующихъ на Дальнемъ Востоку, банковъ.*

«Отдѣленія Государственнаго банка, при всей ихъ неизмѣримои пользѣ въ краѣ, не могутъ дать такого кредита. Они связаны своими спеціальными задачами и условіями... Возложить эту роль на частные банки, при денежной поддержкѣ правительства, было бы еще менѣе удачно. Не одно и то же—преслѣдовать частный коммерческій интересъ извлече-

нія прибыли отъ операций и служить интересамъ края, достиженіе которыхъ можетъ принести прибыльность банковымъ операціямъ только въ отдаленномъ будущемъ».

Наилучшимъ рѣшеніемъ задачи является только учрежденіе самостоятельнаго правительственнаго Колоніальнаго Приамурскаго банка.

Банкъ этотъ, съ капиталомъ не менѣе 15 милл. руб., долженъ имѣть свое главное правленіе въ Приамурѣ—съ отдѣленіями по городамъ края. Банку дается совершенно самостоятельная организація. По мѣрѣ накопленія достаточныхъ собственныхъ средствъ онъ возвращаетъ полученный отъ правительства капиталъ. Банкъ представляетъ свои ежегодные отчеты чрезъ генераль-губернатора... Во главѣ банка и его отдѣленій стоятъ директора по назначенію генераль-губернатора, съ утвержденія Совѣта министровъ. При главномъ правленіи (въ краѣ) учреждается особый совѣтъ изъ представителей министерствъ: финансовъ, торговли, земледѣлія и государственныхъ имуществъ, государственнаго контроля, военнаго вѣдомства, выборныхъ отъ городскихъ самоуправленій, биржевыхъ комитетовъ и обществъ взаимнаго кредита. При отдѣленіяхъ банка находятся учетные комитеты. Кредитомъ въ банкѣ могутъ пользоваться все лица, дѣятельность которыхъ входитъ въ кругъ мѣстной промышленности въ качествѣ хозяевъ предпріятій, но только русскіе подданные. Частные банки (кромѣ город-

скихъ и обществъ взаимнаго кредита) кредитомъ въ немъ не пользуются... Акціи банка могутъ быть только именныя и могутъ приобрѣтаться только русскими подданными, съ разрѣшенія Совѣта банка...

Таковъ *сокращенная* схема, предлагаемая авторомъ. Самъ авторъ, называетъ ее только общимъ наброскомъ, требующимъ дальнѣйшей практической разработки.

Но, въ сущности, важна пока *самая идея*. Идея должна пробить дорогу въ жизнь, должна привлечь къ себѣ правительственное вниманіе, должна показать ему тотъ единственный правильный путь, какимъ можетъ быть развита экономическая жизнь Приамурья, ограждена отъ вредныхъ внѣшнихъ колебаній, а результаты ея охранены отъ худосочія и хищничества.

Идея сама по себѣ проста. Въ основу Приамурскаго Колонизаціоннаго банка кладется та простая, но жизненная мысль, что капиталъ, обслуживающій промышленныя нужды Приамурья, *долженъ быть мѣстнымъ, почвеннымъ, долженъ имѣть глубокіе корни въ самомъ край* и жить съ нимъ одними интересами, одною жизнью, скопляясь только въ его предѣлахъ и направляя все это скопленіе на дальнѣйшій ростъ новыхъ начинаній и поддержку всего вообще колонизаціоннаго прогресса. Осуществленіе этого принципа оградить край отъ того высасыванія изъ него жизненныхъ соковъ, какое наблюдается въ настоящее время.

Второй принципъ, которымъ

должна быть проникнута идея названнаго банка,—*колонизаціонный* въ широкомъ смыслѣ, принципъ *созидательно-охранительный*. Этотъ принципъ мы видимъ въ Дворянскомъ и Крестьянскомъ земельныхъ банкахъ. Онъ глубже и спеціальнѣе обыкновеннаго *коммерческаго взгляда на кредитъ*, отвѣчающаго только требованіямъ *рынка*. Подобно Дворянскому и Крестьянскому земельному банкамъ въ ихъ спеціальной сферѣ дѣятельности, Приамурскій Колонизаціонный банкъ долженъ упрочивать и охранять самые *корни колонизаціи*; поэтому онъ долженъ быть, съ одной стороны, болѣе отзывчивымъ на инициативу, съ другой же стороны—менѣе требовательнымъ къ формальнымъ гарантіямъ и, въ третьихъ, что самое главное, въ моменты какихъ либо затрудненій оцѣнивать положеніе предпріятія нѣсколько шире, чѣмъ допускаютъ это одни коммерческія соображенія. Коммерческая оцѣнка въ кредитъ поκειται всецѣло на прочности матеріальнаго обезпеченія и только до нѣкоторой степени вводитъ въ нее цѣнность живой личности инициатора; Колонизаціонный банкъ долженъ все это освѣтить еще и съ точки зрѣнія своей *спеціальной задачи*, со стороны полезности самаго предпріятія въ общемъ ростѣ жизни, долженъ пойти дальше въ своемъ содѣйствіи и поддержкѣ. На первомъ мѣстѣ у него должно стоять одухотвореніе колонизаціонной дѣятельности и поддержка до послѣдней возможности всего того, что здорово въ своей основѣ, но

лишь столкнулось съ случайными, хотя нѣсколько длительными препятствіями. Но само собою разумѣется, коммерческіе расчеты, соображенія и надежды предпріятій, обращающихся къ кредиту банка, должны быть достаточно ясны и должны быть свободны отъ всякихъ миражей: основою кредита всетаки можетъ служить лишь прочное довѣріе и достаточная осязательность представляемыхъ гарантій.

Съ практической стороны, какъ мнѣ рисуется, существенно важно, чтобы сроки обязательствъ по открываемымъ кредитамъ вообще стояли въ жизненномъ соотвѣтствіи съ періодами фактическихъ хозяйственныхъ оборотовъ въ самыхъ операціяхъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и тѣхъ рынковъ, съ какими они связаны. Это, конечно, выводитъ кредиты банка за обычные пре-

дѣлы краткосрочнаго и сближаетъ ихъ съ условіями кредита вексельно-товарнаго. Должны быть допущены также и болѣе длительныя промышленныя ссуды, практиковавшіяся раньше въ Государственномъ банкѣ, но теперь прекращенныя. Въ особенности это было бы необходимо для мелкихъ предпріятій.

Вотъ тѣ отличительныя основы, которыя въ мѣстномъ Колонизаціонномъ банкѣ должны дать здѣшней промышленной инициативѣ прочный и здоровый денежный кредитъ.

На идею такого банка должны отозваться все мѣстные практическіе дѣятели и принять мѣры къ скорѣйшему проведенію ея въ жизнь путемъ практической разработки и возбужденія соотвѣтствующаго ходатайства.

Подъ лежащей камень вода не течетъ.

IX.

Упроченіе колонизаціи.

Идея самостоятельнаго, спеціального Приамурскаго Колонизаціоннаго банка вноситъ лишь первую необходимую *основу* къ постановкѣ мѣстной промышленной инициативы на путь здороваго, безпрепятственнаго развитія съ точки зрѣнія правильнаго финансоваго обезпеченія. Но это еще не все. Необходимо, чтобы рядомъ съ этимъ возможно широко и прочно была обезпечена и общественная самодѣятельность въ той же финансовой области, при содѣйствіи указанной основы.

Проводниками къ этому

являются уже существующія въ краѣ Общества взаимнаго кредита. Нѣтъ надобности распространяться на счетъ огромной благотворной роли и значенія этихъ *мѣстныхъ* и, самое главное, *чисто обывательскихъ* кредитныхъ учреждений. Достаточно замѣтить только то, что, по самой своей организаціи, по своимъ задачамъ и полнѣйшей зависимости только отъ мѣстнаго населенія и его интересовъ, общества эти никогда не могутъ вести эгоистической политики частныхъ банковъ, равно какъ никогда не могутъ стремить-

ся къ сознательному колебанію мѣстнаго финансоваго рынка, ибо за ними стоитъ *само населеніе*.

Другимъ видомъ столь же устойчивыхъ, приросшихъ къ краю всѣми корнями и тоже *чисто обывательскихъ* кредитныхъ учрежденій являются Городскіе банки, руководимые Городскими Думами. По своей структурѣ банки эти также лишены эгоистическихъ стремленій коммерческаго частнаго кредита въ банкахъ акціонерныхъ.

За исключеніемъ, можетъ быть, стараго Благовѣщенскаго Городскаго банка, всѣ остальные по своей молодости и ограниченности *основнаго капитала* лишены пока возможности надлежаще широко развить свою финансовую помощь населенію. Банки эти нуждаются не столько въ *оборотныхъ средствахъ*, сколько въ усиленіи своего *основнаго капитала*, отъ размѣровъ котораго зависитъ и *высшая норма кредита* въ отдѣльныя частныя руки. Владивостокскій Городской банкъ, напр., можетъ выдавать въ настоящее время одному лицу не свыше 13,000 руб. (приблизительно). Поэтому онъ не можетъ обслуживать постоянно такихъ кліентовъ, обороты которыхъ требуютъ высшей нормы. Если бы явилась возможность *утроить* основной капиталъ, то высшая норма кредита въ банкѣ поднялась бы уже до 39,000 руб. и тогда, имѣя достаточныя *оборотныя* средства, онъ получилъ бы возможность обслуживать цѣлый рядъ предпріятій съ достаточно крупнымъ оборотомъ, т.-е.

сдѣлался бы уже весьма виднымъ факторомъ мѣстнаго кредита..

При наличіи Приамурскаго Колонизаціоннаго банка, подъ гарантіи городовъ, банки послѣднихъ легко могли бы получить 100—300 тысячъ руб. долгосрочной ссуды на усиленіе своихъ *основныхъ капиталовъ*, съ выплатою изъ ежегодныхъ прибылей, и этимъ путемъ сразу же получили бы возможность развернуть свои операціи, какъ вширь, такъ и вглубь.

Общества взаимнаго кредита также явились бы обезпеченными отъ всякихъ случайностей своего нынѣшняго положенія, когда имъ приходится прибѣгать къ неустойчивымъ услугамъ коммерческихъ банковъ.....

Вотъ направленіе, въ какомъ желательно и необходимо, въ интересахъ колонизаціоннаго прогресса, развивать мѣстный кредитъ.

Необходима также обезпеченная постановка и такого мѣстнаго долгосрочнаго поземельнаго кредита, который не колебался бы отъ прихоти отдаленныхъ отъ края правленій частныхъ банковъ, какъ это наблюдается въ настоящее время. Организация такого мѣстнаго поземельнаго кредита, съ особымъ Центральнымъ банкомъ, во главѣ, насколько извѣстно, уже практически намѣчается и рано или поздно осуществится. Конечно, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Связывать такой спеціальныи кредитъ съ Колонизаціоннымъ банкомъ, разумѣется, не приходится, но въ этомъ и не встрѣчается нужды. До тѣхъ же поръ необходимо поставить дѣло

такъ, чтобы хоть дѣйствующіе въ краѣ частные земельные банки получили большую возможность (въ чисто формальныхъ условіяхъ своихъ уставовъ) идти навстрѣчу мѣстной нуждѣ и не оставляли бы край въ безпомощномъ положеніи....

За областью кредита — этого перваго условія къ развитію дѣловой жизни окраины — лежитъ область предпринимательской инициативы, промышленной — для капитальныхъ предпріятій и промыслово-ремесленной — для массоваго приложенія. Въ мою задачу не входятъ спеціальныя вопросы подготовки необходимой помощи населенію въ области технического образованія, — это разумѣется само собою. Но все тормазы и препятствія къ практическому примѣненію самой промышленной инициативы, все существующія въ настоящее время ненормальности безусловно должны быть устранены, а мертвыя — иногда нелѣпыя — путы съ мѣстной промышленности и мѣстнаго хозяйства сброшены. Почему, напр., *русскіе* подданные корейцы, безпрепятственно допускаемые къ работѣ на своихъ участкахъ и въ частно-владѣльческомъ хозяйствѣ, не могутъ быть допускаемы (по правиламъ договора) на земли, арендуемыя частными лицами отъ мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ, какъ это существуетъ въ данное время?!... Почему конопляное масло хотя и изъ маньчжурскихъ сѣмянъ, но *выдланное въ Приамурскомъ краѣ, на мѣстныхъ маслобойныхъ заводахъ*, обложено въ Одессѣ пошлиною, закры-

вающею ему путь на рынки Европейской Россіи?!... Почему придонную рыбу *на глубинѣ* въ заливѣ Петра Великаго (около Владивостока) можно ловить съ тралящихъ судовъ не ближе 12 миль (а теперь, кажется, еще дальше) отъ берега, когда рыба эта въ устьяхъ рѣкъ не заходитъ?... Почему созданы такія условія, что при богатствѣ здѣшнихъ лѣсовъ подѣлочный лѣсъ, *для обработки въ краѣ*, приходится *покупать... въ Японіи?!...* Почему, наконецъ, созданный въ краѣ огромный и дорогой (второй въ Россіи по оборудованію) фанерный заводъ, *для обработки мѣстнаго уссурійскаго лѣса*, около года стоялъ *безгдѣла (!)* за невозможностью добиться отпуска лѣса изъ казенныхъ дачъ, когда лѣсъ этотъ массою тутъ же гнѣетъ на корню?...

Вотъ наглядные примѣры того безвыходнаго тупика, въ который не разъ уже загонялись и загоняются возникающія здѣсь промышленныя предпріятія совершенно непонятной регламентаціей, опрокидывающей всякіе практическіе расчеты и соображенія. Все это должно быть устранено и мѣстной промышленности открытъ путь безъ шиновъ и терній....

Въ газ. «Россія» (№ 2080, отъ 24 августа) только что появилась статья г. П. С. «*Наше хозяйство въ Приамурьѣ*». Авторъ, основываясь на обследованіяхъ нынѣшней Амурской экспедиціи, работающей съ 1909 г., останавливается на тѣхъ *недочетахъ и промахахъ* «въ хозяйничаньѣ этимъ богатѣйшимъ краемъ, которое привело къ тому, что *несмѣт-*

ныя сокровища, заключенныя въ лѣсахъ, нѣдрахъ, водахъ и земляхъ, оказались «внутри лежащими», совершенно неиспользованными, на соблазнъ нашихъ сосѣдей».

Оказывается (по даннымъ экспедиціи), что *своего* хлѣба (при 850,000 душъ насел.) въ край *не хватаетъ*, «ввозъ хлѣбныхъ грузовъ изъ года въ годъ возрастаетъ, достигнувъ въ 1910 году до 15 мил. пуд., изъ которыхъ Маньчжурія доставляетъ до 80 проц.». «Цѣны на хлѣбъ на мѣстѣ таковы, что земледѣльцы *занимаются*, за исключеніемъ стѣльныхъ районовъ высокой плодородности, въ Приамурскомъ край пока невыгодно. Десятина сѣнокоса даетъ болѣе чистаго дохода, чѣмъ пашия»... Объясняется это вовсе не плохую «урожайностью» (она на 25 проц. выше, чѣмъ въ черноземной полосѣ Европейской Россіи), а отсутствіемъ сносныхъ дорогъ отъ земледѣльческихъ районовъ къ золотымъ приискамъ, *гдѣ даютъ высокія цѣны на хлѣбъ*, и интендантскими закупками для Амурской дороги, т. е., проще говоря, затрудненіями сбыта. При такой помѣхѣ земледѣлію—«мы имѣемъ въ приамурской землѣ всѣ естественныя данныя для процвѣтанія земледѣлія, но пользуемся все-таки китайскимъ хлѣбомъ».... Что же нужно сдѣлать, чтобы развить *свое* земледѣліе? Казалось бы, нужно, съ одной стороны, *провести дороги къ приискамъ*, а съ другой—*поставить въ желательномъ направленіи интендантскія закупки* и такимъ образомъ устранить *коренныя*

препятствія. Если гора не идетъ къ Магомету, то остается, очевидно, только самому Магомету *дойти къ горѣ*.... Казалось бы, *такъ* нужно сдѣлать. Оказывается же, *вовсе не такъ*; оказывается, *нужно... насыпать новую гору*, ибо, по мнѣнію экспедиціи, «единственной быстрой мѣрой для уменьшенія этого *иностраннаго гнета* является.... *искусственное поднятіе цѣны посредствомъ обложенія пошлиной маньчжурскаго зерна*»!...

Такъ, при отсутствіи продуманнаго *цѣлостнаго* пониманія мѣстной колонизаціи, однобоко разрѣшается *капитальный* вопросъ.

Подъ розгами, въ былое время, на сѣверномъ Сахалинѣ для г. Галкина-Враскаго выращивались даже ананасы.... Интендантство въ здѣшнемъ край, для поддержки земледѣлія, уже давнымъ давно *закупаетъ все свободное мѣстное зерно по повышенной платѣ* и лишь затѣмъ переходитъ къ другому. При «хорошей» *пошлинѣ* можно, конечно, и *еще поднять цѣну* для военнаго вѣдомства. Можно поднять цѣну зерна и для рабочихъ Амурской дороги, также для рабочихъ на приискахъ, куда провозъ и безъ того *нерѣдко* стоитъ свыше 4 р. съ пуда. Можно поднять цѣну на хлѣбъ для всего *служилаго* и рабочаго люда въ городахъ, который и теперь уже *кряхтитъ* отъ растущей дороговизны жизни. Можно, наконецъ, совершенно изолировать и отъ Маньчжуріи.... Но, вѣдь, *все таки за предѣлы края зерно съ такою искусственно повышенной цѣною*, на чужіе

рынки, не пойдет и сбыть его ограничится лишь райономъ Приамурья, съ 850.000 душъ общаго населенія, изъ котораго *на города и войска приходится около половины. Человѣкъ противъ человека.* Одна половина выиграетъ, другая ровно столько же потеряетъ. Что же собственно останется «плюсомъ» *въ общей экономіи края?*.. На одномъ мѣстѣ заплата, на другомъ—дыра; и заплата какъ разъ на болѣе крѣпкомъ экономическомъ матеріалѣ (зажиточное *земельное крестьянство* нашего богатнаго въ данномъ случаѣ края), а дыра—на сторонѣ тѣхъ, кто и безъ того уже наименѣе обезпеченъ, потому что *продаетъ свой трудъ съ найма* (городской, рабочей и служилый, пролетаріатъ).

Вдумайтесь затѣмъ въ самое заявленіе, что «земледѣіемъ заниматься, за исключеніемъ отдѣльныхъ районовъ высокой плодородности, въ Приамурскомъ краѣ пока невыгодно. *Десятина сънокоса даетъ болѣе чистаго дохода, чѣмъ пашня.*» Отсюда нѣтъ еще никакихъ *основаній* вгонять населеніе *хлѣбными пошлинами* непремѣнно въ земледѣіе. Вторгаться въ чисто практическую область свободнаго выбора наилучшихъ занятій—значить совершенно не понимать смысла жизненныхъ условій. Почему непремѣнно растить зерно, а не сѣно, если послѣднее *выгоднѣе?* Въ науккультурнѣйшей Англій вмѣсто того, чтобы растить на земляхъ хлѣбъ, совершенно основательно, по выгодности, предпочитаютъ *растить мясо*, т. е. скоть, эксплуатація кото-

раго даетъ больше прибылей. Это прямой экономическій расчетъ самого населенія. Успѣхъ же колонизаціи именно и заключается въ разнообразіи занятій населенія, а не въ искусственной стрижкѣ его только «подъ скобку». Несуразно искусственно *навязывать* населенію углубленіе непремѣнно въ производство зерновыхъ продуктовъ, пока само оно находитъ большія выгоды въ промыслахъ, въ сѣнокошеніи, въ извозѣ и т. п. Нужно только помочь ему, не мудрствуя лукаво, въ наилучшемъ использованіи этихъ занятій и не вносить путаницы кургузыми чиновничьими соображеніями, о которыхъ говоритъ Леруа Болье...

«Съ мясомъ—какъ констатируется въ отчетахъ экспедиціи—не лучше. «Приамурье питается китайскимъ и монгольскимъ мясомъ... Свыше 7 милл. руб. уходятъ за границу... А на самомъ дѣлѣ... качество кормовъ Амурской области вполне удовлетвориительно»... «На практикѣ же существуютъ *крупныя препятствія* для развитія скотоводства. *Нѣтъ ни кредита, ни помощи скотоводамъ въ видѣ разсадниковъ племеннаго скота...* Кромѣ того и *казенно-оброчное хозяйство*, въ вѣдѣніи котораго находится большая часть выгоновъ, *находится въ примитивномъ видѣ*, подъ наблюденіемъ лѣсничихъ, изъ которыхъ каждый долженъ наблюдать за сотнями тысячъ десятинъ (напр., Посѣетскій—162.000 десят.). Почему то дѣйствіе закона 1861 г. о льготной продажѣ земель въ частную собственность приостановлено и за-

мнимо *одногодичной сдачей казенно-оброчныхъ статей въ аренду, лишающей возможности наладить какое-либо скотопромышленное дѣло.* При такомъ положеніи мясного дѣла въ Приамурьѣ, при отсутствіи организованной перевозки битаго сибирскаго мяса *въ вагонахъ ледникахъ* и отсутствіи *холодильниковъ на мѣстахъ*, создается полная зависимость отъ иностраннаго ввоза и рынка»...

Что же, и тутъ, вмѣсто необходимаго воздѣйствія на непосредственныя, прямыя препятствія, слѣдовало бы (по примѣру кургузаго рѣшенія вопроса *съ зерномъ*) тоже «обложить пошлинами»—«для искусственнаго поднятія цѣнъ»?!... Это было бы послѣдовательно; болѣе того—*послѣдовательно и разумно*... Къ счастью, на пошлины въ данномъ вопросѣ не указывается...

И съ лѣснымъ дѣломъ тоже плохо. Всѣ попытки сбыта лѣса въ Китай *«разбиваются о высокую таксу, превышающую маньчжурскую, и о стѣснительныя условія отпуски казеннаго лѣса, не дающія возможности возратить въ короткій четырехгодичный срокъ затраченный капиталъ.* Разумѣется Маньчжурія (опять Маньчжурія!), *гдѣ нѣтъ ни выборочной рубки, ни высокой попенной таксы и гдѣ лѣсопромышленники рубятъ то, что имъ нужно, а не тамъ, гдѣ имъ указутъ, составляетъ для русскаго лѣснаго дѣла на Дальнемъ Востокѣ непосильную конкуренцію»*...

Рыбныя богатства находятся

въ монопольной зависимости отъ японскаго рынка и японскихъ скупщиковъ, которые своимъ дешевымъ кредитомъ сравнительно съ Русско-Азіатскимъ банкомъ привлекаютъ къ себѣ русскихъ ловцовъ. Благодаря же монополіи Амурскаго общества пароходства и торговли, не имѣющаго надлежащихъ перевозочныхъ средствъ для такого скоропортящагося товара, какъ рыба, а также высокаго тарифа Добровольнаго флота, русскіе ловцы *лишены возможности сбывать рыбу на внутренніе рынки, находясь въ полной зависимости отъ иностранцевъ»*...

Горная промышленность еще въ зародышѣ. «Нѣдра Приамурья не только не эксплуатируются въ достаточной степени, но еще недостаточно освѣщены»... «Для поднятія русскаго труда на Дальнемъ Востокѣ изданъ, какъ извѣстно, особый законъ 2 іюня 1910 г., но онъ, къ сожалѣнію, касается только казенныхъ предприятий. Частныя же по прежнему пользуются китайскимъ трудомъ»..

Какъ извѣстно, на маньчжурской лѣсѣ пошлина уже существуетъ. О пошлинѣ на маньчжурское зерно вопросъ уже поднимался. «Сожалѣніе», высказываемое выше, что до сихъ поръ *въ частныхъ предприятияхъ* (въ промышленности, промыслахъ и земледѣліи) еще не воспрещенъ желтый трудъ, свидѣтельствуется, что и здѣсь инициаторамъ желательно было бы искусственно удорожить условія мѣстнаго производства, усложнить условія развитія самой

промышленной дѣятельности и къ массѣ уже существующихъ *тормазовъ* прибавить еще *новые*. И все это, какъ мы видѣли выше въ отношеніи хлѣба, великолѣпно формулируется самими инициаторами въ заявленіи, что—«единственной (!) быстрой мѣрой (!) для уменьшенія этого *иностранныя* (?) *гнета* является *искусственное поднятіе цѣнъ посредствомъ обложенія пошлиною*»!... «Быстро», «просто» и «дешево»—это излюбленные мотивы односторонней бюрократической рутинѣ, совершенно не считающейся съ жизненными условіями. Нѣтъ *своихъ* дорогъ—виновать *иностранный* гнетъ. Плохи *интендантскія* закуски — тоже *иностранный* гнетъ. Не устроили *своего* кредита скотоводству, не организовали *своихъ* разсадниковъ племенного скота, скверно устроили *свое* казенно-оборочное хозяйство—снова *иностранный* гнетъ. Убивается *казенными* таксами своя же лѣсопромышленность, и здѣсь опять *иностранный* гнетъ! И такъ во всемъ. А чтобы «быстро, скоро и дешево» уничтожить «*такой иностранный гнетъ*» рекомендуется единственное излюбленное средство: «искусственно повысить цѣну»! Очевидно, между тѣмъ и другимъ *нѣтъ* никакой *причинной* связи...

Нѣтъ, не «нажимами» и «зажимами» создается жизнь. Въ цѣломъ рядъ основныхъ *препятствующихъ* причинъ, отмѣчаемыхъ выше самой Амурской экспедиціей, «нажима» и «зажима», заглушающихъ всѣ ростки здѣшней промышленной дѣ-

ятельности, и безъ того уже достаточно. Чтобы устранить *препятствія*, нужно устранить именно, эти *основныя причины*, убрать прочь «*зажимы*», и тогда только можно ждать *здоровыхъ результатовъ*.

До сихъ поръ я говорилъ по отдѣльнымъ, хотя и тѣсно связаннымъ между собою краевымъ вопросамъ, представляющимъ, въ совокупности, лишь внѣшнее выраженіе общей колонизаціонной схемы Приамурья, ея абрисъ, матеріальный строй и созидательныя средства. Но какъ явленіе социальное, колонизація, взятая во всемъ своемъ объемѣ, въ ширину и глубину, имѣетъ еще и свое *духовное* содержаніе, *свою душу*, носителемъ которой является само населеніе, колонизирующее данную страну.

«*Народъ, основывающій колонію*— говоритъ Леруа Болье— *есть народъ, который закладываетъ фундаментъ для своего будущаго величія и преобладанія*».

Чтобы достигъ прочнаго успѣха въ сложной колонизаціонной задачѣ, мало еще подготовить почву, орудія труда и средства для воплощенія инициативы въ жизнь. Необходимо—и это существеннѣе всего прочаго—интеллектуальныя силы населенія, его зиждительныя способности воспитать и развить въ направленіи широкой самодѣятельности, выковать въ ней энергію и вѣру въ способность къ творчеству.

Прочнаго закрѣпленія и прогресса въ колонизаціи Приамурья можно ждать только при

соотвѣтственномъ устройствѣ въ немъ самой гражданской жизни.

Здѣсь прежде всего мы наталкиваемся на самое отрицательное явленіе.

Съ самаго начала русско-японской войны въ 1904 г. и вплоть до настоящаго времени, *въ теченіе долгихъ восьми лѣтъ*, край непрерывно находится на исключительномъ «*военномъ положеніи*», переживая въ обычной обстановкѣ совершенно мирной жизни всѣ давленія и угрозы безапелляціонныхъ экстраординарныхъ репрессій, регулируемыхъ лишь единоличнымъ всемогущимъ административнымъ усмотрѣніемъ въ предѣлахъ «*обязательныхъ постановленій*».

Это самоубійственная Никола для всей колонизаціи. Не это требуется для созданія прочной жизни и гражданственности въ молодомъ краѣ, на вооруженной границѣ государства, уже дважды становившейся подъ оружіе. Это Никола, *въ гражданскомъ смыслѣ*, одинаково самоубійственна и для управляемыхъ, и для правящихъ даже изъ гражданской администраціи. Деморализована полнымъ смѣшеніемъ всевластія съ безвластіемъ вся административная толща, все болѣе и болѣе пропитывающаяся карьеризмомъ и подхалимствомъ. Развѣяна по вѣтру самостоятельность и устойчивость общественной мысли, вырождающейся въ прислужничество и хамство. Сдвинута съ своихъ устоевъ вѣра населенія въ идеалы гражданственности, извращенные и подавленные произволомъ личныхъ усмотрѣній

извиѣ и выращенными на почвѣ пролазничества и протекціи эгоистическими чаяніями внутри... Присмотритесь кругомъ, и вы увидите, насколько обезличено и загажено все окружающее, насколько понизились самобытность и энергія окраиннаго обывателя, которыми онъ, воспитывавшійся ранѣе въ самодѣятельности и борьбѣ съ природою, выдѣлялся когда-то столь замѣтно. Съ другой стороны, только въ этой заразной атмосферѣ увѣренности въ безответственности могли разыгратъся событія въ Николаевскѣ въ инцидентѣ Эни Брунеръ—Мономаховъ, гдѣ право было затоптано въ грязь и гдѣ административное распоряженіе было продиктовано неуваженіемъ къ закону и своевластіемъ. Только въ этомъ затхлому воздуху всемогущаго «зажима» и закулисной протекціи могли безнаказанно упрочиться вскрывшіяся прелести врачебно-полицейскаго засилья въ Хабаровскѣ, на которыя я указывалъ недавно...

Это, несомнѣнно, самый крупный «минусъ» въ жизни Приамурскаго края, безусловно требующей, по своей культурной молодости и порубежному значенію, особенно здоровой обывательской души и энергій.

Отмѣчая въ самомъ началѣ настоящаго очерка то пагубное *раздвоеніе* въ зиждательной инициативѣ, которое проявляется теперь въ жизни окраины, и указывая, что, при реальныхъ наличіяхъ и заданіяхъ *здѣшней дѣйствительности* теперь и въ ближайшемъ будущемъ, упомянутое *раздвоеніе* можетъ быть

практически устранено только *возстановленіемъ, во главѣ всего,* доминирующаго фактически надъ всѣмъ пока еще строящимся колонизационнымъ зданіемъ *принципа элементарной «обороны»* и, въ соответствіи съ нимъ, *цѣлесообразнымъ направленіемъ и организаціей главной руководящей власти именно въ эту сторону,* я вовсе не хочу этимъ сказать, что въ краѣ должно быть *военное управленіе съ военнымъ режимомъ.* Во все не на этомъ я настаиваю.

Военная и чистогражданская жизнь, *по спеціальнымъ условіямъ наличной дѣйствительности,* должны развиваться въ Приамурскомъ краѣ одновременно и параллельно, каждая въ своей области, *но при тѣснѣйшемъ взаимномъ обслуживаніи другъ друга, т. е. при объединеніи въ однихъ рукахъ высшаго руководства на принципъ единой общей для всѣхъ главной цѣли—созданія прочной обороны, прочнаго стратегическаго положенія,* которое немислимо безъ военной инициативы, но безъ котораго также и *вся гражданская жизнь* на здѣшней окраинѣ останется безъ надлежащаго фундамента, подобно зданію на пескѣ, и не будетъ устойчива.

Поясню свою мысль нѣсколькими примѣрами.

Три года тому назадъ въ Владивостокской Городской Думѣ дебатировался вопросъ объ удовлетвореніи ходатайства частныхъ предпринимателей о разрѣшеніи имъ, на выгодныхъ для города условіяхъ, развѣдки и затѣмъ разработки золотоносной пло-

щади *на городской землѣ* въ районѣ оборонительныхъ крѣпостныхъ сооружений. За городомъ было несомнѣнное *право собственности* на эти земли и, опираясь на это, городъ отстаивалъ свои хозяйскія права тамъ, гдѣ крѣпость хотя и создала свою оборону, но безъ правъ хозяина. Конечно, въ концѣ концовъ, вопросъ разрѣшился указаніемъ, что золота между батареями искать не приходится; но уже самое возбужденіе вопроса и возникшія по этому поводу сношенія показываютъ, что претензіи могутъ принимать иногда ненормальное направленіе, а разрѣшеніе ихъ должно быть не столько формальное, сколько жизненное и цѣлесообразное.

Другой примѣръ могутъ представить противоположные взгляды на Маньчжурскую дорогу, съ точки зрѣнія *стратегической* и съ *коммерческой,* на которыхъ я уже останавливался раньше. И опять здѣсь не только должна быть охранена стратегическая точка зрѣнія, но и вся область сопутствующихъ ей вліяній должна быть настолько обезпечена отъ засоренія ихъ основного принципа, чтобы вся система оставалась въ равновѣсіи.

Приведу еще третій примѣръ, близко соприкасающійся съ нынѣшнимъ *раздвоеніемъ* въ руководящей инициативѣ. Какъ уже выяснено, въ отношеніи «готовыхъ» матеріальныхъ ресурсовъ вся приамурская колонизація почти цѣликомъ опирается только на казенныя—и главнымъ образомъ военныя—ассигнованія. Въ основномъ принципѣ всѣ они

безусловно должны—и прямо и косвенно — содѣйствовать матеріальному росту и поддержкѣ *мѣстной* жизни, *мѣстныхъ* начинаній, какъ входящихъ въ составъ одной и той же *общей колонизаціонной проблемы* въ качествѣ существенно-необходимыхъ факторовъ къ укрѣпленію *всего стратегическаго положенія*, не могущаго, конечно, опираться только на одни «штыки». Между тѣмъ дѣлаются уже попытки удовлетворять военныя нужды по снабженію *не мѣстными силами* (трудомъ и капиталомъ), а *непосредственными* закупами и заказами *въ Москву или Петербургъ...* Это, можетъ быть, и будетъ нѣсколько выгоднѣе съ коммерческой точки зрѣнія; но въ области цѣлаго колонизаціоннаго вопроса и его интересовъ это значить, что *отъ мѣстнаго труда и мѣстныхъ оборотовъ*, къ ихъ явному ущербу, снова будетъ *оторвана* часть необходимыхъ *питающихъ* ресурсовъ.... Если признается цѣлесообразнымъ, *въ интересахъ всего колонизаціоннаго дѣла*, поддерживать при посредствѣ интендантскихъ повышенныхъ закупокъ мѣстное земледѣліе, то столь же необходимо держаться и въ другихъ областяхъ такого же взгляда на колонизаціонную роль и значеніе *мѣстнаго труда и оборотовъ*. Всякій заработокъ, оставшійся на мѣстѣ, идетъ на развитіе мѣстной жизни...

Раздвоеніе въ руководящей иждивительной инициативѣ, пагубное во всякомъ дѣлѣ, будетъ вести лишь къ тому, что *одна,*

доминирующая, ея часть, располагающая почти всеми «готовыми» финансовыми ресурсами, сдѣлавшись обособленною и *ответственной лишь въ своей специальной области*, естественно станетъ «отгораживаться» болѣе и болѣе *отъ принципа совместнаго колонизаціоннаго созидательства* и обслуживать свои нужды на узко-коммерческихъ началахъ, наиболѣе удобными для себя способами, съ безразличнымъ отношеніемъ къ росту остальной гражданской жизни окраины; въ то же время *вторая*, несравненно слабѣйшая въ отношеніи «готовыхъ» финансовыхъ ресурсовъ часть окраинно-колонизаціонной инициативы, сознавая, что, при возложенной на нее ответственности за результаты, отъ ея воздѣйствій «откололось» наибольшее прямое и непосредственное экономическое вліяніе на жизнь окраины и что трудности возрастаютъ, а положительные результаты нарождающейся гражданственности въ короткіе сроки никогда не бываютъ сколько нибудь осязательными, *начнетъ искать эффектовъ* наиболѣе быстрыхъ, наиболѣе доступныхъ, но—лишь *по внѣшнимъ «подступамъ»* къ нимъ, а не *по действительнымъ возможностямъ*, *въ конечномъ итогъ, серьезно и легко справиться со всею задачей...* Будутъ налетать «порывы», получатся «рывки» въ стороны; но не въ нихъ «суть» того сложнаго кропотливаго дѣла, какимъ является колонизація Приамурья въ цѣломъ, и они менѣе всего желательны въ мало устойчивой и безъ того жизни молодыхъ рай-

оноу, потому что чаще всего оказываются слишком поспѣшными и недостаточно соразмѣренными съ наличными силами и реальными возможностями.... А вѣякіе «переносы» и «штанія», какъ это мы и испытывали уже не разъ, тяжело ложатся на жизнь края.

Снова повторяю, что я настаиваю *не на военномъ режимѣ, а на устраненіи только раздвоенія въ руководящей инициативѣ.*

Затѣмъ вся область краевой гражданской жизни должна быть устроена такъ, чтобы административному вмѣшательству въ чисто правовыя и хозяйственныя отношенія населенія было отведено наименѣе мѣста, а общественной самодѣятельности и принципамъ самоуправленія предоставленъ наибольшій просторъ.

Незыблемость правовыхъ нормъ вообще и вѣра въ безстрастіе и жизненную постановку ихъ защиты въ мѣстныхъ судахъ стоитъ здѣсь, конечно, на первомъ планѣ. Пусть правосудіе будетъ сурово, но пусть оно будетъ доступно, близко къ жизни и проникнуто голосомъ общественной совѣсти. Можетъ быть, на практикѣ, судъ присяжныхъ еще слишкомъ громоздокъ для нашего края. Но настоятельная потребность въ реформированіи здѣшняго суда тѣмъ не менѣе остается назрѣвшею. Огромнымъ его недостаткомъ является профессиональность судей, съ теченіемъ времени постепенно приковывающая къ формѣ, и служебная зависимость, а также оторванность отъ окружающей жизни, создающая до нѣкоторой степени

кастовое положеніе. Безусловно долженъ быть реформированъ и расширенъ мѣстный институтъ почетныхъ мировыхъ судей. Въ настоящее время выборъ ихъ производится *чисто административной коллегіей* (изъ 4—5 лицъ) буквально «для почета», и добрая половина носить это званіе столь же пассивно, какъ, напр., званіе «почетнаго старика», чѣмъ и исчерпывается вся ихъ связь съ судомъ. Это лишь балластъ въ живомъ и огромной важности дѣлѣ. Институтъ этотъ необходимо сдѣлать выборнымъ при участіи общественныхъ организацій и активнымъ по своему составу.

Вопросъ о земствѣ давно уже стоитъ на очереди и ждетъ своего разрѣшенія. Если въ Камчаткѣ организованъ Окружный судъ, то для введенія земства въ край имѣется несравненно больше основаній. Роль здѣшняго земства, можетъ быть, окажется не столь плодотворною въ прямомъ хозяйственномъ смыслѣ. Но она должна имѣть огромное значеніе въ другомъ отношеніи. Въ настоящее время городское и сельское населеніе въ край вообще совершенно оторваны другъ отъ друга и чужды между собою. Двѣ толщи населенія не имѣютъ никакой взаимной связи, никакого взаимнаго притяженія и пониманія. Всѣ колонизаціонные вопросы и устройство сельской жизни всецѣло находятся подъ административной опекой, внѣ свѣжей струи независимой критики, а молодая сельско-хозяйственныя общества специализуются на изученіи, но не на прямомъ

дѣятельномъ вліяніи. Созданіе земствъ послужитъ спайкою для всей окраинной жизни и внесетъ въ самую колонизацію больше ясности и больше жизненныхъ импульсовъ въ ея упроченіи на мѣстахъ. «Для того, чтобы *сохранить* Приамурье, сдѣлать его экономически независимымъ отъ сосѣдей—говорить въ газ. «Россія» г. П. С., статью котораго «*Наше хозяйство въ Приамурьѣ*» я цитировалъ раньше, — *надо сплотиться* всѣмъ вѣдомствамъ и учреждениямъ до законодательныхъ включительно, всѣмъ общественнымъ группамъ, всѣмъ представителямъ промышленности и торговли и сельскаго хозяйства въ широкомъ смыслѣ, дабы, не теряя времени, исправить недостатки и промахи приамурскаго хозяйства и упорядочить его во всѣхъ частяхъ. Это ближайшая задача государства»... Земство въ такомъ важномъ дѣлѣ должно быть обязательнымъ членомъ.

Вотъ общая схема тѣхъ условий, въ которыя должно быть поставлено населеніе края—эта *душа* самой колонизаціи.

Населеніе края, призванное къ участию въ законодательной работѣ, не можетъ оставаться

безъ практической подготовки и самодѣтельности на мѣстахъ, не можетъ продуктивно участвовать въ независимомъ обсужденіи вопросовъ государственной важности, когда у себя дома приучено только къ административной указкѣ. Населеніе, отъ котораго требуется особая энергія въ преодолѣніи многочисленныхъ физическихъ трудностей въ молодомъ краѣ въ мирное время и твердое мужество въ отстаиваніи отдаленной государственной границы совмѣстно съ ея защитниками въ военное время, должно быть прочно спаяно съ краемъ не только матеріальными, но и неразрывными духовными узами.

Закончу словами Леруа Болье:

— «Нація, основывающая колоніи, всегда должна помнить, что колонія вначалѣ должна быть совершенно свободна въ своихъ пріемахъ и въ своемъ шествіи, что безразсудно требовать отъ нея постоянной правильности въ движеніяхъ и мысляхъ, которая свойственна лишь зрѣлымъ народамъ. Наиболѣе странныя изъ всѣхъ претензій, это—основывать *старое* общество въ *новой* странѣ».

Х.

Основное значеніе Приамурья.

Настоящій очеркъ, печатавшійся постепенно на столбцахъ газеты, настолько растянулся, что, заканчивая его, я считаю необходимымъ въ этой заключительной главѣ сгруппировать, въ общей связи, главнѣйшія высказан-

ныя ранѣе положенія.

Кардинальный вопросъ заключается въ томъ:—съ какой главной точки зрѣнія необходимо разсматривать Приамурье и его колонизацію и, въ зависимости отъ этого, въ какомъ напра-

влени вести въ немъ административную и экономическую политику?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ совершенно ясенъ.

Огромность Приамурскаго края, незначительность его населенія и ничтожная плотность послѣдняго даже на культурно-занятой территоріи, непропорціо-нально большое количество войскъ и административно-служилаго элемента въ сравненіи съ частнымъ свободнымъ населеніемъ, наличіе двухъ безусловно стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій (Маньчжурской и Амурской) съ общимъ выходомъ къ крѣпости и военному порту, явный перевѣсъ чisto военныхъ, оборонительныхъ расходовъ государства надъ колонизаціонно-гражданскими, слабость экономического развитія и несомнѣнная зависимость его, главнымъ образомъ, отъ казенныхъ ассигнованій—все это наглядно свидѣтельствуетъ, что *гражданская сторона колонизаціи* находится въ немъ еще въ зачаточномъ состояніи, еще не выбилась на самостоятельные пути и почти всецѣло ютится и питается около того, что непосредственно создается здѣсь государствомъ *въ прямыхъ цѣляхъ укрѣпленія стратегическаго положенія и общей обороны*. Съ коммерческой точки зрѣнія, обѣ желѣзнодорожныя линіи не выдерживаютъ никакой критики; съ культурно-экономической, осуществленіе надеждъ, возлагаемыхъ на эти линіи, *какъ на идущихъ впереди проводниковъ «будущей» культуры*, является пока слишкомъ отдаленнымъ въ буду-

щемъ, а въ настоящемъ—практически несоразмѣреннымъ съ остальными многочисленными и болѣе осязательными нуждами коренной Россіи, на которую опирается, конечно, вся матеріальная и духовная сила государства.

Все мѣстное наличіе наглядно показываетъ, что въ основѣ обслуживания Приамурья государственными средствами залегаетъ прямая цѣль *надежнаго укрѣпленія дальневосточной границы* и что гражданская колонизація, *пока*, является ей лишь сопутствующею, тѣмъ болѣе, что сама послѣдняя усиленно еще нуждается здѣсь прежде всего въ рѣшительной поддержкѣ своего гражданского права на безмятежное существованіе именно военной силою всего государства.

Этимъ естественно и логически опредѣляется *характеръ и направленіе главной руководящей жиздительно-иниціативы въ Приамурскомъ край*, теперь и въ ближайшемъ будущемъ, и то *осевое направленіе*, котораго она неуклонно должна держаться въ силу наличной реальной обстановки, не смѣшивая проблематичныхъ чаяній «далекаго будущаго» съ суровыми практическими требованіями «настоящаго», ихъ же не преидеши.

Разсматриваемое съ точки зрѣнія *стратегическаго положенія*, Приамурье имѣетъ свой фронтъ на Маньчжурской линіи, а тыль въ Амурской области. Этимъ опредѣляется *государственное значеніе* Маньчжурской желѣзной дороги и той русской жизни, какая успѣла раз-

виться на ея протяженіи въ качествѣ важнаго оазиса передового активнаго русскаго вліянія въ этомъ направленіи. Необезпеченность этой фронтальной линіи, явившаяся слѣдствіемъ создаваемаго послѣ войны нашего общаго положенія въ сѣверной Маньчжуріи, необходимо требуетъ соотвѣтственнаго измѣненія нашей государственной границы въ эту сторону для возстановленія нарушеннаго равновѣсія. Эта необходимость подкрѣпляется еще тѣмъ дополнительнымъ соображеніемъ, что при указанномъ рѣшеніи сообщается полная цѣлность экономическому обладанію самымъ Приамурьемъ, какъ государственнымъ базисомъ у побережья Тихаго океана и территоріей для всесторонняго и полнаго развитія русской колонизаціи.

Обращаясь затѣмъ къ Приамурскому краю, *какъ колоніи насаждаемой въ немъ русской гражданственности, мы видимъ*, что въ настоящемъ своемъ содержаніи русская колонизація, на своей главной оси Благовѣщенскъ — Хабаровскъ—Владивостокъ (представляющей вмѣстѣ съ тѣмъ главную и единственную культурную полосу изъ всей огромной площади края) захватываетъ только тѣ же самые земледѣльческіе районы, которые съ глубокой древности служили единственною ареною земледѣльческой колонизаціи для наиболѣе культурныхъ обитателей страны на протяженіи около 15 столѣтій съ того момента, когда колонизація эта впервые начинаетъ распознаваться въ китай-

ской исторіи. Это показываетъ намъ наглядно, что *наиболѣе легкія и доступныя для земледѣльческой культуры площади Приамурскаго края уже заняты* и для дальнѣйшаго использованія, какъ и въ старое время, остаются, главнымъ образомъ, только промысловые районы на восточной сторонѣ Сѣверно-Уссурийскаго края, вдоль нижняго Амура и его притоковъ и въ районѣ восточной части Амурской желѣзной дороги. Тѣ площади, которыя, частично, еще могутъ быть заняты здѣсь подъ еельское хозяйство по долинамъ рѣкъ, требуютъ уже *тяжелой подготовительной работы* по очисткѣ изъ подъ лѣса, проведенію дорогъ и размежеванію. Климатическія условія суровы, почвенныя тяжелы, притяженіе къ заселенію слабо... Все это свидѣтельствуетъ, что ростъ дальнѣйшаго заселенія Приамурья не только не можетъ продолжаться съ прежнею интенсивностью, но что онъ уже близокъ къ своей естественной пріостановкѣ въ области новыхъ переселеній *извнѣ* и имѣетъ своимъ дальнѣйшимъ ресурсомъ, главнымъ образомъ, только естественный приростъ мѣстнаго населенія *внутри его самого*. За послѣдній годъ переселенія въ Приморскую область дѣйствительно уже сильно упало, а рядомъ съ этимъ наблюдаются и обратныя выселенія изъ области. Несомнѣнно, дальнѣйшую задержку переселенія сюда слѣдуетъ искать какъ въ использованіи наилучшаго фонда здѣшнихъ земель настоящимъ населеніемъ края, такъ и улучшеніемъ землепользованія

въ Европейской Россіи, въ мѣстахъ самаго выхода здѣшнихъ переселенцевъ.

Надежды на переселеніе сюда *цѣлаго контингента наемныхъ рабочихъ* не для самостоятельнаго хозяйства, а «*на рынокъ*», *на заработную плату*, въ достаточномъ для полнаго обслуживанія края количествѣ, это, конечно, только маниловскія мечты. Изъ предшествующаго изложенія мы уже достаточно ознакомлены съ этимъ вопросомъ по практикѣ европейскіихъ колоній. «Наемный» рабочій выдѣлился въ старыхъ обществахъ и образовалъ тамъ готовые «рынки труда» не по охотѣ къ найму, а подъ давленіемъ утраты хозяйственной самостоятельности, на почвѣ экономической безпомощности, и держится въ тискахъ найма безопаднымъ лассалевскимъ «желѣзнымъ» закономъ заработной платы. Въ молодой колонизируемой странѣ такихъ тисковъ нѣтъ, иначе—не существовало бы основного импульса къ занятію такихъ странъ. Здѣсь всякій переселившійся трудъ легко можетъ возстановить утраченную хозяйственность или на землѣ, или въ ремеслѣ и промыслахъ; батракъ снова можетъ сдѣлаться хозяиномъ, рабочій—ремесленникомъ, предпринимателемъ или торговцомъ. Поэтому въ нашемъ краѣ сколько нибудь значительнаго и постояннаго контингента наемныхъ рабочихъ изъ мѣстныхъ деревень ни въ какомъ случаѣ ждать нельзя; самое большее, что онѣ могутъ давать, это временный подспорный наемъ въ предпріятія ближайшихъ ок-

рестныхъ районовъ. Основывать же мѣстную промышленность и вообще мѣстныя предпріятія на неустойчивомъ, капризномъ и сложномъ привозѣ сюда, за 7—8 тысячъ верстъ, законтрактованныхъ временныхъ (сезонныхъ) рабочихъ или, того хуже, на ожиданіи ихъ добровольнаго сюда притока, по собственной инициативѣ, *какъ на рынокъ*, значило бы заранѣе отказываться отъ самой возможности развитія здѣсь прочную промышленность и вообще удовлетворить спросъ на наемныя руки.

Одновременно съ огромными практическими трудностями получить въ краѣ достаточный контингентъ наемныхъ *национальныхъ* рабочихъ (мѣстныхъ или привозныхъ) и въ организаціи самаго промышленнаго дѣла въ краѣ, какъ мы видѣли, существуетъ столько мѣстныхъ тормазовъ къ его развитію и задержекъ къ возникновенію, что много времени и подготовительныхъ трудовъ потребуется только на устраненіе этихъ тормазовъ и на созданіе болѣе нормальныхъ промышленныхъ условий.

Такимъ образомъ оптимистическія ожиданія быстраго расцвѣта мѣстной промышленности, равно какъ и интенсивнаго роста дальнѣйшей ея колонизаціи въ цѣломъ, при выясненной обстановкѣ, покоятся болѣе на температурахъ, чѣмъ на пониманіи дѣйствительности. Увлекаться же радужными мечтами значитъ заранѣе готовить себѣ неизбѣжныя разочарованія. Трудъ по созиданію культуры въ краѣ долженъ

главнѣе всего создаемъ прочное стратегическое положеніе, вкладывая непосредственно ради этого сотни милліоновъ руб. и призывая на обслуживаніе той же главнѣйшей цѣли гражданскую жизнь, въ качествѣ необходимаго культурнаго фактора, становится яснымъ, что одновременное съ основною задачею стремленіе къ превращенію этой жизни въ «доходный колониальный рынокъ», откуда необходимо обратно выжимать мѣстныя средства, не можетъ почитаться правильнымъ, ибо разомъ двухъ такихъ зайцевъ, конечно, не поймать. Могуція скопиться въ край мѣстныя средства въ рукахъ населенія, поднимающія его зажиточность, упрочивающія осѣдлость, повышающія хозяйственность, культурность и энергію въ предприимчивости, т.-е. какъ разъ укрѣпляющія, расширяющія и углубляющія самую гражданскую колонизацію въ широкой народной массѣ, существенно и прежде всего необходимы ей самой. Изъять эти средства искусственнымъ путемъ, чрезъ удорожаніе жизни, и оставить населеніе безъ нихъ — значитъ искусственно подорвать самый ростъ и крепость послѣдней. А въ свою очередь, это значитъ ослабить и самую основную государственную задачу: — укрѣпленіе общаго стратегическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ. Вотъ почему дешевизна жизни въ Приамурскомъ крайѣ есть требованіе, которое не должно затемняться никакими побочными соображеніями, и всякія новыя попытки

искусственно удорожить жизнь населенія должны быть трактуемы, какъ вредныя и нежелательныя.

Чѣмъ больше будетъ обезсилываться экономическая сторона жизни населенія, тѣмъ дальше будетъ отдаляться отъ своей главнѣйшей цѣли правительство, затрачивающее сотни милліоновъ на Дальнемъ Востокѣ.

Вотъ какъ въ цѣлостномъ своемъ видѣ, въ своей основной структурѣ—долженъ разсматриваться Приамурскій край, въ смыслѣ сложной государственно-соціальной организаціи.

Эта основная точка зрѣнія должна быть всегда на виду, должна быть охранена соответственной организаціей высшей мѣстной руководящей власти и должна, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить главнымъ отправнымъ пунктомъ въ оцѣнкѣ и разработкѣ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ мѣропріятій. Но затѣмъ самая гражданская жизнь окраины, въ ея правовой и экономической области, должны быть свободна, независима и предоставлена самому населенію, его собственной самодѣятельности, при соответственной планомерной организаціи мѣстнаго самоуправления и участіи въ отправленіи функций правосудія живой общественной совѣсти.

Тѣ, кто пытается шаблонно пугать общественную мысль призраками неизбежнаго угнетенія военною руководящею инициативою самой идеи гражданственности, тѣ—рутинеры. Они не сознаютъ, что въ такой «боязни» ихъ уже логически заключается

ихъ же собственная самая рутинная, самая противообщественная мысль:—признаніе, что въ ихъ собственномъ пониманіи «руководительство» и «управленіе» вообще рисуются только въ рутинномъ видѣ административно-творческой указки военнаго или гражданскаго «капрала», въ видѣ властной широкой опеки надъ жизнью и административныхъ путь на населеніи. Они не умѣютъ расширить понятій до существа ихъ внутренняго, современнаго, содержанія и «ползаютъ», не имѣя возможности «подняться выше».... Въдѣ, если «руководительство» понимать, какъ они это рутинно представляютъ себя, обязательно въ смыслѣ управленія краемъ путемъ всепроникающей опеки, на почвѣ исключительно кабинетнаго «всеохватывающаго» административнаго «творчества», создающагося въ лонѣ канцелярій,—если они смотрятъ на «администратора» вообще, какъ на «родителя», долженствующаго «заботиться», въ какіе дни населенію «полезно и пріятно» нечъ пироги, то этимъ они сами заранье отрицаютъ всякое самостоятельное бытіе гражданственности и

рекомендуютъ только щедринскихъ «помпадуровъ». Какими же глазами они смотрятъ тогда на общественную самодѣятельность, что они разумѣютъ тогда подѣ общественнымъ самоуправленіемъ, городскимъ и земскимъ, что, наконецъ, вкладываютъ они въ кругъ законныхъ правовыхъ полномочій населенія, въ его хозяйственную независимость?!..

«Гражданская жизнь», правильно понимаемая, это - самодѣятельность, мѣстное самоуправленіе и хозяйственная независимость на прочной правовой основѣ. Поставьте мѣстное населеніе въ эти необходимыя условія, и оно само явится творцомъ своей жизни, сдѣлаетъ эту жизнь прочною. Никакая же канцелярская опека настоящей здоровой жизни никогда не создастъ.

Задача «администратора»—не «выдумывать» жизнь (въ созданіи которой онъ фактически безсиленъ), а лишь убирать съ ея пути вредныя препятствія. Подлинныя нужды населенія могутъ и должны слышаться только въ его подлинномъ голосѣ.

На этомъ я заканчиваю свой очеркъ.

В. ПАНОВЪ.

(Редакторъ газ. «Дали Востока».)

Цѣна 50 коп.

